

Книга 2: Глава 1. Яновский К.Э., Жаворонков С.В., Затковецкий И.; Глава 2. Затковецкий И., Мау В.А., Яновский К.Э.; Глава 3. Шульгин С.Г., Яновский К.Э. Черный Д.С.; Глава 4 Маслов Д.Ю., Яновский К.Э.; Глава 5 Яновский К.Э., А. Жаворонков С.В.; Глава 6. Яновский К.Э., Жаворонков С.В.; Кудрявцева (Рева) Е.; Затковецкий И. Глава 7 Яновский К.Э., Черный Д.С., Летунова Т.А., Сокол Й.

2

Видов угроз личности и частной собственности, разумеется, куда больше чем описано в первом томе. Стремление части общества жить за счет другой, формировать перераспределительные коалиции с целью парламентской реализации древнего призыва «Грабь богатых!» - это тоже угроза и личности, и частной собственности. Во многих развитых странах налоги уже отбирают более половины заработанного. Кроме того, бюрократ может быть заинтересован в стабилизации электоральной базы и для этого в завозе неадапtableных, зависимых от бюджета иммигрантов. Связанная с отсутствием возможности для граждан защищать самим себя с помощью оружия преступность порождает неконтролируемый рост силовых структур, черпающих деньги на содержание в кармане того же налогоплательщика.

Траты за рубежом, в особенности в странах, "экспортирующих" терроризм несравнимо менее прозрачны, чем расходы на собственных избирателей. Значит самая лучшая для бюрократа программа – это программа помощи Сомали, Гаити, арабской Автономии в Израиле и иным подобным территориям на которые далеко не всякий журналист рискнет заехать хотя бы на неделю. Причем помощи не в наведении там правового порядка. Таковая клеймится левыми политиками и СМИ как агрессия и преступление. Под помощью фактически подразумевается перекачка ресурсов заработанных налогоплательщиком в свободных странах под контроль бродячих и стационарных бандитов стран, где господствует насилие (Rule of Force). Поэтому, объективно возникает спрос для противодействия эффективной антитеррористической политике. Спрос не только среди радикальных левых политиков, но и среди вполне уважаемых чиновников демократических государств. Именно в этом ключе можно рассматривать новые нормы, кажущиеся с точки зрения здравого смысла необъяснимыми. К примеру, требования "пропорциональности" в ходе военных операций против террористов. Требования, которые обходятся в огромные дополнительные расходы на высокоточное оружие. Которые требуют вести любые военные действия как спецоперации. С соответствующей непропорциональной нагрузкой на спецназ вместо более "традиционных" с большей огневой мощью, несравнимо более эффективных (из расчета на одного уничтоженного врага) но менее "избирательных"¹.

То же касается столь уже привычных шагов по обменов террористов на захваченных ими пленников. . Причем в пропорциях и масштабах поражающих воображение. Вместо того чтобы уничтожить тысячи

---

¹ Цена такого подхода – практически невозместимые в среднесрочной перспективе потери среди спецназовцев: <http://www.amytimes.com/news/2011/08/ap-deadly-crash-highlights-role-of-special-forces-080811/> ; <http://english.aljazeera.net/news/asia/2011/08/20118662233672861.html> (гибель в сбитом вертолете десятков бойцов элитных подразделений армии США). Фактически он равносителен предоставлению бродячому (олсоновскому) бандиту частичного иммунитета от преследования. При том, что в традиционных обществах "частный" бандитизм практически неотделим от государственного: государственные "лицензии" на таковой имели, к примеру, Хареддин Барбаросса, Френсис Дрейк и Степан Разин.

террористов и их сторонников тысячи освобождаются в обмен на единственного заложника. Чем поощряется дальнейшая эскалация охоты на людей.

Приток ренты и финансовая независимость государства от налогоплательщиков обычно способствует ослаблению стимулов к защите частной собственности. В том же направлении действует такой известный механизм координации действий как антикапиталистические идеологии.

Относительно свободная экономика при минимальных социальных расходах государства и фактической экстерриториальности зарубежных инвесторов, живущих в другом правовом режиме, нежели граждане самой страны, может в течение десятилетий приносить неплохие результаты, как, например, в КНР. Однако достижения рискуют оказаться крайне непрочными в долгосрочной перспективе, тем более, если власти начинают забывать о том, что причина притока капиталов – это не только низкие налоги и дешевый труд, но и неприкосновенность инвесторов.

Иными словами – перечень путей реализации институциональных ловушек, тупиков, угроз экономическому росту на исторически длительную перспективу выделенных в главах первого тома велик и разнообразен. В следующем томе мы остановимся лишь на некоторых из еще неупомянутых. Их набор обусловлен тем, что они дают, как нам кажется, достаточную объемность восприятию и ассоциируются с другими, оставшимися за пределами нашего внимания.

Оглавление Книги 2

Глава 1 Новые и старые стимулы к разбою.....	4
Глава 2 ГОСУДАРСТВО, НЕЗАВИСИМОЕ ОТ ИЗБИРАТЕЛЯ. РЕНТНЫЕ ДОХОДЫ: РЕСУРСНОЕ ПРОКЛЯТИЕ И КОРРУПЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЕЙ.....	21
Г л а в а 3 Со своим уставом... Иммиграция: выбор стратегии адаптации.....	49
Приложения к гл. 3	63
Г л а в а 4 Авторитаризм и передовой китайский опыт	80
Г л а в а 5 Современные антикапиталистические идеологии.....	95
Г л а в а 6 «Закрытие» демократии. Факторы ограничения политической конкуренции.....	115
Данные исследования по странам	134
Израиль	134
Норвегия.....	135
Япония.....	135
Италия.....	136
Швеция.....	136
Мексика.....	137
Государство "в собственности" партии.....	137
Выводы и направления дальнейших исследований.....	137
Г л а в а 7 Кризис института семьи: болезнь как результат лечения?.....	147
Состояние проблемы.....	149
Господство идеологии.....	149
Демографический переход, кризис и стимулы к деторождению	153
Важная группа стимулов связана с ценностями.....	154
Государственная политика "решает проблемы".....	156

Политика в ответ на вызов депопуляции: реагировать или игнорировать, рапортуя об успехах	156
Вехи экспансии государственного регулирования: межстрановые сравнения	191

Глава 1 Новые и старые стимулы к разбою

*It is always a temptation to an armed and agile nation
To call upon a neighbour and to say: --
"We invaded you last night--we are quite prepared to fight,
Unless you pay us cash to go away."*

...

*It is always a temptation for a rich and lazy nation,
To puff and look important and to say: --
"Though we know we should defeat you, we have not the time to meet you.
We will therefore pay you cash to go away."*

*And that is called paying the Dane-geld;
But we've proved it again and again,
That if once you have paid him the Dane-geld
You never get rid of the Dane.*

...

You will find it better policy to say: --

*"We never pay any-one Dane-geld,
No matter how trifling the cost;
For the end of that game is oppression and shame,
And the nation that pays it is lost!"*

R.Kipling "Dane Geld"¹²

Кроме групп, занимающихся перераспределением внутри страны, существуют организации и даже целые государства, которые заняты перераспределением от богатых и/или слабых стран себе. В отличие от внутренних «бандитов» внешние — суть классические «бродячие бандиты», по терминологии Олсона. Никакого аргумента, кроме насилия или обоснованной угрозы такового, они не предлагают. «Внешние бандиты» выставляют попутные унижительные требования и претендуют не просто на дань, а едва ли не на власть над богатейшими и сильнейшими державами современности. Казалось бы, с ними справиться намного легче, чем с защитниками «окружающей среды», «здоровья граждан» или «отечественного товаропроизводителя» внутри страны. Однако терроризм продолжает уже много десятилетий оставаться серьезнейшей угрозой.

---

² Соблазнительно для воинственной нации ворваться к соседям и сказать: мы вторглись ... и готовы драться... если конечно нам не заплатите, чтобы ушли // ...Всегда есть искушение у богатой и ленивой нации важно надуть щеки ответить: мы могли бы разбить вас, но нам некогда с вами возиться, так что мы заплатим чтобы вы убрались //.... // И это называется датской данью и люди должны понимать. Раз заплатив датские деньги вы никогда потом не избавитесь от датчан // ... лучше отрезать сразу: мы никогда не платим дани, пускай она мала, в конце этого пути – угнетение и позор и народ тот что платит ее – сгинет.

В данной главе анализируются стимулы, возникающие у политических лидеров, журналистов, генералов и избирателей богатых демократических стран защищать свою страну от внешней угрозы или отказываться от защиты.

Как отмечалось ранее, чтобы разбогатеть, отнюдь не всегда необходимы трудолюбие, талант, предприимчивость или получение наследства. В большинстве стран мира до сих пор наиболее надежным способом приобретения богатства является использование власти (основанной на насилии), для того чтобы перераспределять созданное другими в свою пользу.

В связи с этим уже упоминались работы Дж. Хиршляйфера³. Некоторые аспекты и «технологии» подобного «бизнеса» описывает В. Волков⁴. Насильственное перераспределение собственности с использованием государственного аппарата, к сожалению, было характерно для России в течение большей части ее истории (как и для большинства стран мира). Некоторые разновидности и технологии извлечения ренты путем насилия или угроз его применения являются в наше время универсальными для всех индустриальных и более или менее богатых стран. Вместе с тем террор или угрозы его применения нередко служат поводом для чиновников шантажируемой страны инициировать не столько оборону, сколько оплату дани «бродячим бандитам».

Сама возможность получения доходов не созидательной деятельностью, а насильственным перераспределением формирует систему стимулов, которая блокирует возможности долгосрочного экономического роста⁵. Риски и угрозы человеческой жизни и свободе подрывают любые гарантии неприкосновенности частной собственности. Без последних, как признают практически все экономисты, устойчивый долгосрочный экономический рост невозможен.

Уровень защиты человеческой жизни и свободы

Понятия «жизнь» и «свобода» как объекты угроз в обществе Rule of Force или со стороны такого общества (в качестве внешней угрозы странам Rule of Law) тесно связаны не случайно. Полагаем, что почти невозможно провести между ними границу, особенно при анализе влияния последствий угроз на обеспечение прав собственности. Захваченный террористами или иными «бродячими» или «стационарными» бандитами человек находится в условиях, угрожающих его жизни или сильно снижающих качество этой жизни. Отметим, что некоторые состояния человека (с подорванным здоровьем или репутацией) могут сделать жизнь такой, что она перестает восприниматься как очевидно качественное благо.

Уровень защиты жизни и свободы можно определить как величину, обратную угрозам. Выделим следующие исторически наблюдаемые уровни угроз, расположив их в порядке убывания.

Период массовых репрессий, голода, эпидемий или войны в тоталитарном государстве.

Тоталитарное государство.

Тоталитарное государство с небольшим слоем привилегированных лиц, которых нельзя подвергнуть аресту и казни без чрезвычайно сложных процедур.

Тоталитарное государство, но с широким кругом привилегированных групп населения и свободой выезда, ограниченной деятельностью оппозиционных политиков и печатных СМИ.

Власть ограничена конституцией и независимым судом (лидер страны может проиграть дело в суде). Наличие универсальных прав: неприкосновенность личности, презумпция невиновности при независимом суде и конкурентном процессе.

Власть ограничена конституцией и независимым судом, а также конкурентной политической системой с мощными независимыми СМИ (конкурентный медиарынок). Наличие универсальных прав.

---

³ *Hirshleifer, 2001.*

⁴ *Волков, 2002.*

⁵ *Мау, Яновский, Жаворонков и др., 2003; Яновский, Затковецкий, Рева и др., 2005.*

Существует и множество промежуточных уровней. Лишь ничтожное число сверхприбыльных проектов с очень короткими сроками окупаемости может оказаться привлекательным на уровне 1, т.е. в тоталитарном государстве в период массовых репрессий, голода, эпидемий или войны. По мере перехода к следующим уровням число доступных к реализации проектов растет.

Следовательно, условием экономического роста является последовательное снижение уровня угрозы жизни и свободе человека. Это наблюдается, в частности, в Китае в течение последних десятилетий (с перерывом, связанным с событиями 1989 г.). Олсон подчеркивал, что для наиболее продолжительных проектов и сложных транзакций требуется уровень гарантий, сопоставимый с уровнем 6, при котором власть ограничена конституцией, независимыми судами в условиях конкурентного медиарынка и конкурентной политической системы. В том же Китае эта проблема отчасти решалась до самого недавнего времени неофициально установленной привилегией: иностранцы из развитых правовых демократий фактически пользовались неприкосновенностью личности.

Мы не будем останавливаться на первых двух уровнях, а рассмотрим институциональные конструкции, позволяющие приблизиться к уровням 5 и 6. Попытаемся также обосновать и предложить некоторые технологии строительства таких институциональных конструкций. Дополнительная, но не менее важная цель нашей работы — выявить институциональные ловушки, которые могут привести к подрыву и разрушению этих конструкций.

Очень важен и вопрос, связанный с попытками силового перераспределения. Последствия выбора неудачной стратегии могут стать серьезным препятствием для развития страны, в которой институты, поддерживающие долгосрочный экономический рост, еще не сложились. Страны, где такое перераспределение практикуется, или государства, поддерживающие действия террористов против своих конкурентов и врагов, рискуют потерять стабильность темпов экономического роста, даже если благодаря удачной конъюнктуре им удалось совершить экономический рывок (см. Приложение 1 к книге 1).

Итак, продолжим анализ стимулов к насилию, террористической деятельности и главным образом стимулов, препятствующих эффективной борьбе с терроризмом в демократических странах. Такие стимулы действуют как в старых демократиях, так и в большинстве молодых демократических государств.

При этом если выводы, к которым мы приходим, предназначены прежде всего для молодых демократий, то статистический анализ и анализ эффективности законодательства, на которые мы опираемся, делались на примерах относительно старых и стабильных демократий.

Различия в мотивациях избирателей, граждан старой демократии и молодой демократии существенны, и мы к ним вернемся в гл. 6. В целом наш анализ базируется на допущении о рациональности, а потому и о сопоставимости стимулов основных игроков в старых и новых демократиях и о возможности использования как удачного, так и неудачного опыта старых демократий на благо новым. Нет оснований предполагать наличие существенных отличий в поведении и стимулах «бродячих бандитов», пытающихся атаковать то или иное богатое государство для извлечения ренты из действующего правительства или захвата власти.

Вызовы терроризма порождают в посткоммунистических молодых демократиях целый ряд угроз устойчивости правового порядка и власти закона. Большинство таких государств и в «мирное» (до 11 сентября 2001 г.) время были не в состоянии построить эффективные институты защиты правового порядка: дееспособную систему государственного обвинения, следствия, полиции, спецслужб. Перечисленные структуры в большинстве стран пережили лишь косметические преобразования и сохранили преемственность кадров и методов работы, не совместимых с режимом демократического правового государства. Вместо того чтобы стать инструментом защиты нового режима, они увеличили риск его падения или перерождения. Практически ни в одной из посткоммунистических стран не появилось судебной системы, способной надежно защищать и обеспечивать независимость и компетентность судьи.

Наряду с отмеченными проблемами реальная и масштабная угроза терроризма создает у властей сильный соблазн воспользоваться законными требованиями избирателей по ужесточению борьбы с преступниками-террористами для того, чтобы:

записать в террористы своих политических оппонентов или экономических конкурентов;

под предлогом необходимости координации действий централизовать управление в ущерб демократическим механизмам;

ограничить права и свободы граждан для снижения издержек «охоты на террористов» и т.п.

Такой соблазн возникает и воспроизводится объективно. При отсутствии сбалансированного демократического механизма и надежно гарантированной конкурентным медиарынком свободы слова он угрожает привести к деградации правового государства и демократии. Последние же являются самостоятельными благами и ценностями, а также наиболее эффективными институтами как для обеспечения долгосрочного экономического роста, так и для ведения длительной и тяжелой, требующей мобилизации общества войны (гражданин, воспринимающий общество как свое, а государство как помощника, скорее будет готов инвестировать дополнительные ресурсы в такую борьбу, чем продолжать бесправное существование).

Фиктивная борьба с зачастую фиктивными угрозами и вызовами только усиливает позиции настоящих террористов. Они продолжают получать помощь «международного сообщества», разрабатывать, несмотря на слабые протесты, ядерное оружие.

Отсутствие же подконтрольности и прозрачности в действиях государственных органов неизбежно ведет к коррупции в наиболее опасных ее формах. В результате гражданин получает общественные блага худшего качества по сильно завышенной цене.

Следует отметить, что коррупция как погоня за политической рентой или как использование права дискреционного регулирования для продажи нужных решений вполне симметрична другой коррупции — коррупции «самоотстранения», при которой разбалансированность медиарынка используется для идеологического оправдания отказа государства поставлять основные общественные блага (оборона, безопасность, правосудие), чтобы не обмануть ожидания населения, контролируемого террористами, а также не обидеть всех, кто не является гражданами данной страны, но, по мнению правительства или интеллектуалов, входит в привилегированную группу, подлежащую безусловной и приоритетной защите любой ценой.

В этой ситуации даже если сам чиновник и не обогащается, он решает масштабные задачи своего ведомства, обеспечивает управление расходами, ориентированными на поставку не чистых, а смешанных общественных благ, хотя зачастую сомнительного качества. Такая ситуация характерна как для новых, так и для старых демократий. В старых демократиях в силу ряда факторов «левый сдвиг» в электронных (как правило, финансируемых принудительно налогоплательщиком) СМИ в сочетании с фильтром политической корректности приводит к существенному изменению стимулов как у избираемых политических лидеров, так и у бюрократов (подробнее см. гл. 10).

Ухудшение соотношения цена/качество поставляемых благ может во второй ситуации («самоотстранение государства») оказаться таким же, как и при классической коррупции. Ведь при «самоотстранении государства» подрывается сама основа государственных институтов в том виде, как их понимали «отцы-основатели» США, четко сформулировавшие в Декларации независимости причину отделения — «отказ властей метрополии поставлять чистые общественные блага».

Таким образом, критерий наличия коррупции такого рода — невозможность гражданина обеспечить свою защиту по разумной цене. Подобная коррупция неизбежна в случае, если правовая система становится инструментом реализации идеологически мотивированных расправ.

В последние годы практика «цивилизованного ведения боевых действий» вооруженными силами наиболее развитых западных демократий обнаруживает ряд серьезных противоречий, без прояснения которых рекомендации по заимствованию тех или иных институтов не могут быть приняты. С одной стороны, намерение минимизировать риски для населения в зоне боевых действий достойно уважения. С другой — введение ограничений на характер боевых действий исключает быстрое и победоносное их завершение, что в долгосрочном периоде приведет к существенно большим людским потерям как среди населения стран, контролируемых террористами, так и среди населения развитых демократических государств.

Четко уяснить истоки внедрения практики «войны со связанными руками» — первый шаг в стратегии создания армии, способной вести войну эффективно.

Помимо так называемых интересов родины каждый крупный командир, как и любой чиновник, руководствуется личным интересом — карьерным ростом, а потому старательно воздерживается от любых действий, которые могли бы этот рост замедлить, а то и вовсе остановить. При этом самое незначительное административное либо дисциплинарное взыскание (выговор, замечание, порицание, публичное неодобрение)

имеет для продвижения по высшим ступенькам карьерной лестницы катастрофические последствия, поэтому начальник высокого ранга боится их больше, чем рядовой страшится уголовного наказания. Соответственно наша задача — выяснить, при каких обстоятельствах безупречность службы военачальника оказывается под угрозой в современном мире. С правовой точки зрения представляется необходимым *анализ по трем следующим параметрам*:

виды воинских преступлений, предусмотренных внутренним военно-уголовным законодательством;

процедура реализации положений об ответственности в рамках военной юстиции, виды наказаний и способы их наложения;

международно-правовое регулирование ответственности за военные преступления (особенно актуально в связи с вступлением в силу 11 июня 2002 г. статута Международного уголовного суда, обладающего обязательной юрисдикцией над физическими лицами. На 2009 г. статут ратифицирован 92 государствами, и о суде можно говорить как о достаточно серьезном сдерживающем факторе для военачальников).

Обзор военной юстиции США, Великобритании и Франции⁶, с одной стороны, показал более высокую защищенность американских военнослужащих от политизированных обвинений, с другой — отразил высокую значимость конкретных правоприменительных практик и решимости высшего военно-политического руководства допускать преследование своих офицеров или препятствовать этому.

Очевидно, в условиях молодой демократии требуется известный уровень детализации законодательства с четкой границей между запретным и дозволенным. При этом издержки привлечения офицера к уголовной ответственности как национальными, так и международными институтами должны быть достаточно высокими, чтобы сохранить стимулы к достижению победы. Наиболее тщательно необходимо защищать офицера от любых попыток обвинить его в гибели гражданских лиц при использовании противником тактики «живого щита» или при размещении им своих сил среди гражданских объектов.

Новые формы насильственного перераспределения

Работы, посвященные импорту институтов⁷ и политико-экономическим аспектам борьбы с террором⁸, показывают, что источником насильственного перераспределения является сам механизм возникновения власти, стабильно существующий в большинстве стран мира на протяжении тысячелетий. Этот механизм основан на насилии, т.е. речь идет о власти, склонной при определенных оценках издержек и выгод шантажировать или просто грабить богатых соседей.

Для обозначения типа общества с властью, основанной на насилии, было введено специальное определение — общество «Rule of Force».

В таком обществе оппонент лидера может обосновать свои претензии на власть в глазах большинства населения демонстрацией способности решать те же задачи (шантажа и грабежа) эффективнее действующего диктатора. Такой механизм прихода к власти и ее удержания является, по нашему мнению, устойчивым источником воспроизводства насилия. Причины обострения этой проблемы будут рассмотрены ниже.

Как мы уже писали в Обзоре литературы («Выпекать пирог или делить? Открывая дорога к упадку»), вызовы терроризма не являются чем-то принципиально новым для развитых и переходных стран современности.

Здесь мы обсудим некоторые детерминанты и стимулы террористической деятельности, возможности ее анализа с использованием инструментария экономической теории и попытаемся обосновать соответствующие рекомендации как для аналитиков, так и для политических лидеров правовых государств.

---

⁶ Яновский, Затковецкий, Рева и др., 2005.

⁷ Мау, Яновский, Жаворонков и др., 2003.

⁸ Яновский, Жаворонков, Затковецкий и др., 2005.

Кроме приведенных выше будут использованы следующие определения:

Терроризм⁹ — противозаконное и рациональное (обычно хорошо спланированное) насилие или угроза такового против личностей, их имущества с целью устрашения правительств и общества для достижения политических, религиозных или идеологических целей.

«Спонсоры терроризма» — некоторые режимы и частные лица со специфическим профилем предпочтений, которые предъявляют спрос на террор, насилие и инвестируют в него. Лидеры террористических групп «поставляют» террор этим «потребителям» (спонсорам) и заинтересованы в надлежащей отчетности перед спонсорами, а для этого хорошо подходят красочные репортажи мировых СМИ с мест террористических актов.

«Террористы типа 1» (в терминологии данной работы) — террористические группы, ориентированные на захват власти путем деморализации и уничтожения противостоящих им вооруженных сил и служб безопасности. Они атакуют преимущественно политиков, военных, полицейских и агентов спецслужб, не останавливаясь перед высокой вероятностью сопутствующих жертв среди мирного населения. Примеры таких групп — «Народная воля» в дореволюционной России, Ирландская республиканская армия, «Тигры освобождения Тамил Илама», Курдская рабочая партия и многие другие.

«Боевики» (в терминологии данной работы) — это те, кто избегает атак при наличии обоснованной опасности появления жертв среди мирного населения (звонки с предупреждениями о заложенных бомбах и т.п.). Как правило, так вели себя корсиканские сепаратисты, баскские террористы (ЭТА), Эцель и Лехи (Палестина перед Второй мировой войной).

Иногда выделяют частный случай боевика — в ситуации, когда легальная мирная оппозиционная деятельность не допускается и политическая активность возможна только как военное противостояние режиму. Современный пример — «оппозиция» недавнему режиму Ч. Тейлора в Либерии.

«Террористы типа 2» — террористические группы, ориентирующиеся на максимизацию жертв среди гражданского населения как наиболее уязвимую цель. Эта цель обеспечивает максимальное внимание прессы и удовлетворение заказчика («спонсора терроризма»). Конечная же цель «террористов типа 2» — деморализация общества и разрушение правового демократического государства. К таким группам относятся Sendero Luminoso (Перу), «Хамас», «Хизболла» и др.

В СМИ группы, которые мы определяем как «террористов типа 2»¹⁰, сознательно и целенаправленно атакующие гражданских лиц и максимизирующие число жертв среди них, начинают доминировать над «террористами типа 1», которые атакуют преимущественно военных, и «боевиками»¹¹, ориентирующимися на достижение военной победы и сражающимися исключительно против военных и военизированных структур.

Опыт борьбы с терроризмом США, Израиля и Великобритании на современном этапе: выбранные стратегии

События последних лет бросают наукам о человеке новый серьезный вызов, возможно, самый серьезный со времен Второй мировой войны. Даже развитые научные методики сильно обесцениваются, если в качестве ключевых причин терроризма, политического насилия и ненависти представляются лишь несовершенство человеческой природы и иррациональная мотивация.

---

⁹ Государственный департамент США 1990 г. с дополнениями авторов (выделены курсивом). <http://www.calea.org/neweb/newletter/No80/terroris.m.htm>. The Commission on Accreditation for Law Enforcement Agencies (CALEA) (USA) web-site.

¹⁰ Одной из теорий, обосновывающих целесообразность такого вида террора, является «теория паутины», рассматривающая западное общество как весьма уязвимое вследствие бессмысленно завышенной ценности человеческой жизни и трусости его членов. Подобно паутине, общество «Rule of Law» (западное общество) может быть легко разрушено с помощью решительных и жестоких атак террористов.

¹¹ См. сайт программы CDISS по изучению терроризма: <http://www.cdiss.org/terror.htm>.

Во всем имеющемся в нашем распоряжении интеллектуальном багаже и наборах данных необходимо отобрать такие, которые могут объяснить рациональную мотивацию, поведение лидеров и участников террористических групп на индивидуальном уровне. Такое целерациональное объяснение можно расширить (агрегировав и дополнив соответствующими факторами) до объяснения действий групп и обществ.

Рациональное объяснение явления позволяет сформулировать и обосновать внятные, технически реализуемые рекомендации политикам в отличие от описаний данного явления, ссылающихся на «иррациональные», следовательно, принципиально необъяснимые мотивы поведения, но такое описание является лишь завуалированным отказом от объяснения или обоснованием невозможности объяснения.

В связи с этим особый интерес представляет фундаментальная работа «Преступление и наказание: экономический подход», написанная Г. Беккером в 1968 г. (на русском языке вышла в 2000 г.¹²). Беккер предположил возможность сдерживания преступного насилия насилием со стороны общества (государства). Такая возможность вытекает из основных допущений его теории и базовой модели предложения преступлений. Согласно этой теории как вероятность, так и жесткость наказания снижают ожидаемый выигрыш преступника и соответственно вероятность того, что он совершит преступление. В простейшей форме это соотношение записывается в виде

$$O_i = u_i / p_i f_i,$$

где O_i — предложение преступлений (террористических актов, к примеру); u_i — полезность от совершения i -го преступления (для самого преступника); p_i и f_i — соответственно вероятность и жесткость наказания (издержки и отрицательная полезность для преступника).

Дж. Стиглер говорит о необходимости соблюдать при правосудии соразмерность тяжести преступления и жесткости наказания¹³. Автор приводит примеры обратного подхода (несоразмерности тяжести преступления и тяжести наказания) в гражданском (предпринимательском) законодательстве США, где предельная полезность от более тяжкого преступления по сравнению с менее тяжким может быть нулевой или даже положительной.

Однако применительно к преступлениям, совершаемым террористами (особенно «террористами типа 2», целенаправленно охотящимися за безоружными женщинами и детьми), такая проблема не стоит. Избиратель демократической страны охотно поддержит весьма значительное ужесточение наказаний и иных санкций. Таким образом, «спрос на наказание» в данном случае подталкивает политиков к принятию законов, которые надежно обеспечивали бы сторонников террористов, пособников террористов и их самих отрицательной предельной полезностью при переходе из одной категории в другую (т.е. чтобы никому не было выгодно переходить из группы «террористов типа 1» в группу «террористов типа 2»).

В последнее время начали публиковать работы, в которых анализируется смертность в результате терактов¹⁴. Так, в работе А. Хоффмана¹⁵ проверяется гипотеза по базе данных ITERATE (International Terrorism: Attributes of Terrorist Events).

Хоффман полагает, что, чем выше конкуренция со стороны предложения террора, тем больше опасения лидеров террористов напугать ужасными терактами потенциальных сторонников (в результате чего последние могут перейти на сторону их конкурентов). Иными словами — чем выше конкуренция среди террористов, тем ниже их свирепость.

На наш взгляд, Хоффман основывает свои рассуждения на не находящем фактического подтверждения допущении о том, что «чрезмерно кровавые» теракты могут вызвать ужас и отвращение среди сторонников организации. Практика же свидетельствует об обратном: массовость жертв и жестокость убийств вызывают

---

¹² Becker G.S. (1968). Crime and Punishment: an Economic Approach // Journal of Political Economy. N 76. P. 169—217.

¹³ Stigler G.J. The Theory of Economic Regulation // Bell Journal of Economics and Management Science 2. N 1 (Spring 1971): 1-21.

¹⁴ Яновский, Жаворонков, Затковецкий и др., 2005.

¹⁵ Hoffman, 2005.

нескрываемый энтузиазм (празднование 11 сентября 2001 г. арабами, посмертное массовое обожание как раз наиболее кровавых и отвратительных диктаторов) и рост престижности террора.

Конкурентность он замеряет как «число активных террористических организаций». Однако проблема в том, что, например, внутри Израиля число основных террористических организаций стабильно и равно четырем, причем две из них ведущие (ФАТХ и «Хамас») и две относительно более слабые («Исламский джихад» и НФОП). В расчет не следует принимать организации типа «Черного сентября», «Бригад мучеников Аль-Акса» и т.п. — они являются «дочерними структурами» ФАТХа. Таким образом, обратная зависимость числа жертв от числа террористических организаций оказывается весьма уязвимой для критики.

Статистический анализ при выбранных переменных, допущениях и данных базы ITERATE показал, что значимыми факторами, отрицательно влияющими на террор, являются военные действия. Правда, согласно нашим исследованиям, анализ, основанный на годовых данных, снижает значимость результата. Возможно, это связано с тем, что некоторые армейские операции стали ответом на наиболее кровавые теракты, поэтому при годовом срезе неясно, что следовало за чем — теракт за операцией или наоборот.

Число «поселенцев на оккупированных территориях» оказалось незначимой переменной. Эти результаты совпадают с нашими, однако возможности проверить данные, использованные автором, нет.

Полученный из статистического анализа результат можно интерпретировать и по-другому. Например, снижение числа жертв от террора (а именно жертвы становятся основной целью террористической деятельности) в последние десятилетия может объясняться последствиями ответных ударов или просто недостижением целей террористическими организациями. Неудачи террористов (в частности, связанные с ликвидацией их лидеров) влекут расколы, т.е. увеличивается число террористических организаций, каждая из которых стремится заявить о себе, но при этом не имеет ресурсов для проведения масштабных и опасных терактов.

Как дестимулировать террор и агрессию?

Наш формальный анализ (см. Приложение 2 к данной главе) показывает, что основным средством защиты от эскалации террора остается страх возмездия со стороны армии государства. Важно подчеркнуть, что речь идет не об атомных бомбах, не о самолетах и танках, а о политической воле. Огромная военная мощь бесполезна, если нет политической воли ее применять. Террористы («бродячие бандиты») рациональны, их не напугать пустыми угрозами и бомбой, применения которой жертва боится больше, чем сам террорист. Массированные и беспощадные операции по ликвидации лидеров террористов даже без мощного оружия эффективно действуют на бандитов, подрывая их стимулы к насилию.

Политической воли в демократической стране (а большинство ведущих военных держав — демократические страны) не может быть без соответствующей воли избирателя.

Однако при этом идея М. ван Кревельда о том, что современная армия изживает себя, крайне слабо обоснована¹⁶, зато удачно отвечает на запросы левых политических лидеров, заинтересованных в убеждении своих граждан в том, что государство более не должно или не может обеспечивать их безопасность.

Страны с переходной экономикой заведомо не в состоянии экспериментировать с высокотехнологичным вооружением. Но этого и не требуется. Требуется такая реформа, которая восстановит в армии нашей страны элементарную дисциплину (вместо используемой для имитации внешнего порядка «дедовщины»)¹⁷. В том, что для обеспечения боеспособности дисциплина имеет безусловный приоритет над мощностью вооружений, можно полностью согласиться с Ван Кревельдом.

Спрос избирателя на защиту от террора

---

¹⁶ Автор не находит никаких аргументов, кроме примеров отказа избирателя — бюджетного реципиента, современного «пролетария» — от тягот войны, в пользу своей идеи, не говоря уже о том, что изданная в России в 2006 г. (но впервые — в 1991-м) книга представляет в качестве основного вывода пока что нереализовавшиеся прогнозы (Ван Кревельд, 2005).

¹⁷ Ватолкин, Цымбал и др. 2004.

Для оценки реакции индивидов (экономических агентов) на риски стать жертвой атаки террористов мы использовали электоральную статистику.

Активом в данном случае является человеческая жизнь, дисперсией — среднеквадратическое отклонение от математического ожидания сохранения этого актива, которое напрямую зависит от вероятности стать жертвой террористической атаки.

Анализировалось электоральное поведение на примере стран, подвергшихся атакам террористов. В частности, использовались данные по Израилю (в силу наличия как необходимой статистики, так и принципиальных различий для избирателя позиций двух кандидатов на прямых выборах премьер-министра в 1999 и 2001 гг. — до и после начала наиболее кровавой волны террора).

В демократических странах политики предлагают существенно различающиеся стратегии решения проблемы политического террора. При определенных обстоятельствах по результатам осуществления разных стратегий можно судить о том, как угроза террористической атаки влияет на поведение избирателя. Речь идет о результатах выборов, которые проходили вскоре после террористических актов, совершенных в населенном пункте, в котором проживает избиратель.

Мы предполагаем, что стратегии различаются долями расходов на оборону и безопасность и/или (и это может иметь критическое значение) издержками поставки чистых общественных благ, таких как оборона и безопасность. Издержки поставки чистых общественных благ определяются законодательством, регламентирующим деятельность армии, правоохранительных органов, служб безопасности, и соответствующими правоприменительными практиками¹⁸.

Необходимо учитывать и возможность возникновения проблем в отношениях принципала и агента. Избиратель-принципал может предъявлять спрос на увеличение расходов на оборону и снижение издержек поставки, но не получить ожидаемого результата из-за игнорирования политиками-агентами полученного на выборах мандата¹⁹.

Отсутствие связи между результатами выборов и стратегиями решения проблемы политического террора может объясняться отсутствием у избирателя, столкнувшегося с террористическими атаками, возможности наказать политика за недостаточную поставку благ «оборона» и «безопасность». Такая реакция — нежелание участвовать в выборах или голосовать, исходя из иных, не связанных с проблемами безопасности мотивов.

Рационально несведущий избиратель может недооценивать риски и не проявлять реакции по этой причине. Это может происходить, например, под влиянием СМИ, идеологически смещенных в сторону поддержки минимизации расходов и максимизации издержек поставки благ «оборона» и «безопасность».

Еще одну возможную причину отсутствия связи между результатами выборов и стратегиями решения проблемы террора называют психологи. Длительное ощущение опасности угнетает человека, он пытается от него избавиться, снижая остроту реагирования. Происходит вытеснение негативных воспоминаний, и поэтому спустя некоторое время (по некоторым оценкам, через полгода или даже ранее) влияние угрозы террористической атаки на поведение индивида резко снижается²⁰.

Наконец, нельзя вырывать реакцию избирателя из общего контекста его интересов и оценки им относительной значимости различных благ, которые могут быть профинансированы из бюджета. В этом

---

¹⁸ Так, увеличение полномочий офицеров и солдат на поле боя фактически означает снижение этого компонента издержек. Требование отчитываться за каждый израсходованный патрон или требование «пропорционального применения силы» в случае наличия угрозы уголовного преследования за нарушение означает резкое повышение издержек поставки блага «оборона».

¹⁹ Об условиях, повышающих вероятность игнорирования указания принципала в такой ситуации, см.: *Жаворонков, Яновский, Затковецкий и др., 2007*.

²⁰ См., к примеру, интервью известного российского социолога М. Урнова «Российской газете». «Впрочем, для общественного мнения внутри страны чеченский вопрос стоит сейчас явно не на первом месте. На крупные теракты оно, естественно, реагирует. Но, как показывают социологические наблюдения, реакция людей на теракт обычно имеет двух-трехмесячный период "активного воспоминания", а дальше память начинает резко ослабевать». См.: Республика в бронезителе. Не приведут ли чеченские выборы к всплеску терроризма? // Российская газета. Федеральный выпуск. 2003. № 380. 22 авг.

смысле интересы избирателя, который при всеобщем избирательном праве является нетто-получателем помощи из бюджета через социальные программы, и интересы избирателя-налогоплательщика сильно различаются.

На основании анализа поведения избирателя в странах и районах, подвергшихся атакам террористов (Израиль, Россия и США), были получены следующие основные результаты.

Избиратель реагирует вполне рационально, увеличивая в ответ на террор поддержку партий и лидеров, которые уделяют больше внимания обороне и безопасности и сокращают издержки и риски (политико-правовые) для солдат и офицеров, ведущих боевые действия. При этом относительно невысокий уровень угрозы не приводит к радикальной переориентации избирателя и не затрагивает «твердоядерный» электорат, для которого высокая угроза потерять социальные пособия остается гораздо существеннее незначительной угрозы потерять свою жизнь или жизнь близкого человека в результате теракта.

Как показывает анализ рынка недвижимости в Израиле, угрозы терроризма оказывают заметное влияние на цены на этом рынке. Хороший дом теряет привлекательность для покупателя, если неподалеку недавно взорвался автобус (даже с учетом незначительности угрозы лично для этого покупателя).

Смешанные стратегии: опыт применения демократическими странами

Стратегию действующей администрации США можно обозначить как смешанную: с элементами консервативной и прогрессивной стратегий²¹.

Консервативная стратегия — стратегия безоговорочного (при отказе от переговоров или даже запрете таковых) уничтожения террористов и их сторонников и вознаграждения тех граждан остальных стран, которые в большей или меньшей степени сотрудничают с демократическими государствами.

Под *прогрессивной стратегией* (или стратегией умиротворения) подразумевается практика вознаграждения за террор уступками (включая территориальные, моральные — признание равноправия ценностей или даже правоты террористов, оправданности их действий и законности мотиваций, наконец, признание лидеров террористов VIP-персонами с дипломатическим иммунитетом и равноправными партнерами по переговорам) и оказания экономической помощи населению, контролируемому террористами.

Согласно этим определениям стратегия нанесения ударов по базам террористов и защита военнослужащих от политизированных обвинений в адекватном реагировании на угрозу своей жизни является консервативной. А переговоры с террористами, перемирия, давление на союзников, с тем чтобы они шли на уступки террористам, — это заимствования из прогрессивной стратегии.

Практические последствия принятия смешанной стратегии вместо прогрессивной или консервативной не были пока рассмотрены в известных нам работах и не случайно столь часто смешиваются в научных и политических дискуссиях²².

На первый взгляд смешанные стратегии позволяют противостоять террору, снижая издержки этого противостояния (прежде всего издержки на принятие самого решения о борьбе с террором). В реальности противники борьбы с террором оказывают сопротивление любым попыткам противостоять террору, причем вовсе не пропорциональное усилиям по борьбе с ним. Как показывает опыт современных США и Израиля, масштаб действий противников борьбы с террором определяется исключительно доступными ресурсами.

Смешанные стратегии иногда и в краткосрочном периоде способны снижать террористическую активность, подрывая оперативные возможности террористов. Действительно, если С. Хуссейн, его сыновья, Аз Заркауи, Ахмед Ясин и Абдель Азиз Рангиси мертвы, то они не могут вдохновлять, планировать и осуществлять террористические нападения. Их смерть — дезорганизирующий и деморализующий бандитов

---

²¹ Яновский, Жаворонков, Затковецкий и др., 2005.

²² Обзор соответствующей литературы см.: Яновский, Жаворонков, Затковецкий и др., 2005. См. также обзор литературы по экономическому анализу терроризма в статье Ю. Латова (2007). Автор статьи сфокусировался преимущественно на анализе источников финансирования терроризма, а также на «культурно-цивилизационном» анализе истоков современного терроризма.

фактор. Уничтожение командиров среднего звена, складов с оружием и мастерских усиливает дезорганизацию и деморализацию бандитов.

Проблема, однако, в средне- и долгосрочных стимулах террористов и их сторонников. Если имеют место прецеденты вознаграждения за террор, отступления с освобожденных от террористов территорий, то долгосрочные и фундаментальные стимулы общества, основанного на насилии, не изменяются. Стимулы самих террористических организаций поставлять террор даже усиливаются, коль скоро у них есть шанс «победить» государство, а значит, получить приз гораздо больший, нежели просто убить определенное число мирных жителей. Перспектива демонстрации своим сторонникам пусть символической, но победы над могучим соперником чрезвычайно повышает ставки в игре террористов.

Временной ряд доступных нам данных недостаточен для анализа, обосновывающего выводы, однако показатели (см. Яновский, Затковецкий, Гинкер и др. 2016) не дает оснований для высокой оценки способности смешанных стратегий сдерживать террор.

Наконец, при проведении властями правового государства смешанной стратегии усиливаются позиции сторонников «умиротворения», дискредитирующей консервативную стратегию. Поскольку смешанная стратегия часто презентуется как «разумно-консервативная», «прагматично-консервативная», целесообразно хотя бы в первом приближении разобраться, в чем именно состоит разумность, рациональность и «прагма» — цель таких действий.

«И если надо снова // Пойдем кривым путем...»

Рассмотрим причины столь частого выбора неэффективных стратегий борьбы с терроризмом. Мы уже упомянули прогрессивную и консервативную стратегии. Введем также игроков (политик, бюрократ, генерал, избиратель) и понятие «смешанная стратегия». *Смешанной* в нашем контексте будет называться стратегия использования элементов как консервативной, так и прогрессивной стратегии (например, под давлением идеологически смещенной «прогрессивной» прессы и левых политиков) в той или иной пропорции.

Перечислим основные стимулы выбора прогрессивной стратегии для разных игроков.

Политик

1. Для политика существует возможность краткосрочного выигрыша (повышение рейтинга) благодаря достижению быстрых результатов. При этом негативные результаты такой политики сказываются не всегда столь быстро и столь значимо, как в случае с Мюнхенским договором. Даже тогда, когда выигрыш каждого избирателя меняется в результате такой политики, его выбором на следующем после изменения выигрышей ходу далеко не всегда будет требование от правительства решительных действий, поскольку такие действия означают «пот, слезы и кровь» — налоги, ухудшение условий жизни, призыв на военную службу и иные издержки. Особенно мала вероятность такого требования в стране, где преобладает избиратель — реципиент бюджета, а не избиратель-налогоплательщик с его классическими стимулами.

2. Личные предпочтения лидера демократического государства, такие как индивидуальный коэффициент дисконтирования²³, даже в условиях существования сильной оппозиции и независимой прессы далеко не всегда могут быть выявлены своевременно, что позволяет недобросовестному политику некоторое время пользоваться поддержкой добросовестного избирателя, нарушая условие теоремы Эрроу о совпадении общественного выбора с выбором индивидуальных избирателей²⁴. Рациональное неведение (Rational

---

²³ К примеру, при высоком значении коэффициента удаленные во времени ценности для политика не слишком привлекательны, и он предпочитает стремиться к достижению сиюминутных результатов даже ценой ущерба долгосрочным общественным интересам.

²⁴ Так, Э. Хит пришел к власти под лозунгом «консервативной революции», но, заняв офис, быстро совершил известный «U-Turn» — поворот на 180 градусов, оставив проведение реформы своей преемнице — М. Тэтчер. А. Шарон победил в 2001 г. благодаря тому, что избиратели еще находились под впечатлением от его визита на Храмовую гору. Он продемонстрировал приверженность идеям сохранения целостности еврейских земель, однако на деле поддержал создание Палестинского государства и депортировал поселенцев из Газы в 2005 г.

ignorance) избирателя усиливает этот эффект даже в случаях, если информация выявляется и становится доступной для исследователя или для политизированного гражданина.

3. На электоральную поддержку политика на предстоящих выборах может влиять освещение в прессе, точнее, его смещение, особенно резкое и непредсказуемое, смена позиции определенных СМИ и т.п.²⁵ Именно такое смещение может оказать воздействие на рационального избирателя, т.е. склонного экономить на информации и поэтому рационально несведущего в краткосрочном периоде и близкого к «полной информированности» в долгосрочном. Поэтому консервативный избиратель почти не подвержен влиянию «Нью-Йорк таймс» или «Вашингтон пост»; он, вероятно, всерьез задумается при резком изменении позиции «Вашингтон таймс», телеканала «Фокс» или консервативных радиоканалов. Когда политик не может доносить информацию о себе до избирателя, минуя «враждебные» СМИ, он подвержен давлению даже тех СМИ, которые его избиратели игнорируют. Способность террористов манипулировать через СМИ политиками демократических стран отмечается и подчеркивается бывшим главой ЦРУ С. Тернером²⁶.

4. Существует опасность судебного преследования, особенно если судебная власть, независимая в правовом государстве, оказалась под влиянием идей политической корректности (см. гл. 9), а общество эти идеи не отторгает. Также существует вероятность преследования лидера демократической страны террористами и их союзниками с помощью международных судебных институтов после выхода его в отставку. Лидеру могут быть предъявлены, например, обвинения в чрезмерном использовании силы или в том, что он не учитывал интересы населения, поддерживающего террористов.

Если индивидуальный коэффициент дисконтирования лидера близок к 1 (или его ставка $r \approx 0$), а среди электората преобладают «ястребы» (консерваторы) (консервативные ценности глубоко укоренены), вероятность консервативного выбора повышается. И наоборот, если лидер ценит только сегодняшний день (коэффициент дисконтирования лидера $\gg 1$ (или $r \gg 0$)), а среди избирателей преобладают «голуби» (левые либералы), растут шансы на выбор прогрессивной стратегии.

Бюрократ. Объективно заинтересован избавиться от опеки избирателя-налогоплательщика и его представителей. Поэтому необходим избиратель нового типа (см. ниже). Опыт даже насыщенного войнами XX в. показал, что государство «всеобщего благосостояния» сулит бюрократу более надежные и щедрые источники финансирования, нежели государство «ночной сторож». Новая цель современного бюрократа — больше клиентов для социальных служб.

Современный рациональный бюрократ работает в министерстве «заботы обо всех страждущих», а не в министерстве обороны. Действительно, расходы на смешанные общественные блага в последние десятилетия значительно превосходят расходы на безопасность. С завершением «холодной войны» соблазн экономить на обороне, естественно, усилил крен не в пользу чистых общественных благ.

Генерал. Для генерала актуальна прежде всего опасность судебного преследования²⁷, а также угроза карьере вследствие давления прессы на политика. Достижение военной победы чревато обвинениями в гибели мирного населения, избыточного применения силы, а также обвинениями в больших потерях своих солдат. Значит, борьба за победу оказывается куда более рискованной стратегией, чем «борьба за мир», которая гарантирует симпатию прессы и дает шанс на политическую поддержку своей карьеры.

Избиратель-налогоплательщик. В демократическом обществе это ключевой игрок. Как свидетельствует история, имеет серьезные стимулы быть экономным в расходах — как своих, так и государственных. Относится к себе как к нанимателю государства и готов защищать общество и государство в случае угрозы внешнего или внутреннего насилия.

Избиратель-налогоплательщик вопреки теориям о мягкотелости и неэффективности демократии в военной сфере создал понятие «республиканская доблесть», действенное от времен Марафона до Корейской

---

²⁵ См.: Яновский и др., 2005, п. 3.4; гл. 7 в данной книге.

²⁶ Turner, 1991. P. 196—198.

²⁷ Как показала Е. Рева, военная юстиция США создает существенно меньшие риски судебного преследования по сравнению с аналогичными нормами европейских стран. Таким образом, военное лидерство США обеспечено не только экономическими и техническими, но и институциональными факторами. См.: Яновский, Затковецкий, Рева и др., 2005.

войны. Доблестные греки, римляне, финны, американцы превосходили даже многочисленного, отлично вооруженного и обученного противника. Они сохраняли лояльность и готовность к борьбе в самой отчаянной ситуации. «Мы будем сражаться на земле, на море... Мы никогда не капитулируем» — девиз такого избирателя в войне.

Французский избиратель 1914 г. вместе с английскими и американскими собратьями превозмог немецкого солдата.

Американский избиратель воевал в двух мировых войнах за океаном, отбил коммунистическую агрессию в Корее, но не пожелал, несмотря на очевидные технические и экономические возможности, повторить этот успех во Вьетнаме. Что же произошло в обоих случаях?

Предпочтения избирателей обоих типов выявлены. Американский избиратель-налогоплательщик твердо предпочитал быть мертвым, нежели красным. Американский избиратель *нового типа* ждет от государства помощи в решении повседневных проблем, вместо того чтобы решать их самостоятельно. Один из главных конкурентов в борьбе за деньги на эту помощь — военное ведомство. В современных левых («либеральных») СМИ США недаром само понятие «война с террором» неизменно закавычивают. Конечно, такой избиратель не горит желанием погибнуть в теракте и соответственно не испытывает к террористам теплых чувств. Однако пока его оценка риска лично для себя попасть под бомбу остается на пренебрежительно низком уровне по сравнению с многими другими рисками (Латов, 2007), он рационально игнорирует этот фактор.

Международные меры по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма: максимум контроля, максимум издержек, ограниченная эффективность

Скоординированные на мировом уровне (по инициативе «большой семерки») усилия по борьбе с «отмыванием денег» предпринимаются более 20 лет. Они организационно (институционально) оформлены как пакет соглашений и рекомендаций к их национальному применению, а также как международная специализированная структура. Последняя (Financial Action Task Force²⁸ — FATF) занята разработкой и совершенствованием рекомендаций по борьбе с отмыванием преступных доходов, финансированием терроризма и т.п., а также мониторингом национальных усилий в этой области. Эта организация стала своего рода «законодателем мод» в сфере правительственного контроля за транзакциями частных лиц.

Вполне вероятно, что многим транзакциям финансистов терроризма такой контроль действительно мешает. Не случайно в списке «некооперативных стран и территорий» фигурируют Иран, Северная Корея²⁹. Однако в целом список этой организации «политически корректен», и в него в разное время входили Россия, Польша, Израиль и многие другие страны³⁰. А вот страны, откуда происходит большинство террористов — участников атаки на США 11 сентября 2001 г. и притекают значительные (если не основные) ресурсы для финансирования множества террористических организаций по всему миру (Саудовской Аравии), в списке нет. Формально ее правительство *непосредственно к финансированию террора* непричастно³¹. Хотя очевидно, что в такой стране любой частный бизнес и любая заметная благотворительная активность могут существовать только с «высочайшего соизволения».

Международные меры и регуляции, естественно, приветствуются международными чиновниками. Так, офис ООН по наркотикам и преступности пытается доказать вред, приносимый финансовым оборотом с участием «отмываемых» капиталов³².

---

²⁸ Вводный очерк о работе этой организации см.: <http://www.fatf-gafi.org/dataoecd/48/11/45139480.pdf>.

²⁹ High-risk and non-cooperative jurisdictions http://www.fatf-gafi.org/pages/0,3417,en_32250379_32236992_1_1_1_1_1,00.html.

³⁰ FATF. Annual Review of Non-Cooperative Countries and Territories 2006—2007: Eighth NCCT Review. <http://www.fatf-gafi.org/dataoecd/14/11/39552632.pdf>.

³¹ US Congressional Research Service, 2004; 9/11 Commission Report, 2004.

³² <http://www.unodc.org/unodc/en/money-laundering/introduction.html>.

Меры, навязываемые FATF, в определенной степени чрезвычайные. Как и любой контроль и система ограничений, они не могут не вредить и наносят урон большинству рыночных агентов. Сошлемся на доклад, оценивающий потенциальное влияние новых регуляций на бизнес в Новой Зеландии. Доклад этот ведомственный — подготовлен Министерством юстиции, чьи полномочия регуляции как раз расширяют. Сама процедура такого анализа в Новой Зеландии давно и тщательно отработана (с 1996 г.³³). Политические интересы у руководства этой страны относительно оказания влияния на другие страны, очевидно, отсутствуют, т.е. мера, безусловно, вредная, но без нее у страны возникнут международные осложнения (давление той же «семерки»). Кроме того, они могут пригодиться для предотвращения угроз (терроризма, по всей видимости).

Пожалуй, самая известная мера, рекомендованная борцами с отмытием денег, — порог наличности, вывозимой из страны или ввозимой в страну³⁴. Такого рода меры означают причинение заметных неудобств небольшому числу преступников ценой заметных же неудобств большому числу законопослушных путешественников, при том что существуют способы резкого сужения круга лиц, чья возможная причастность к террористической, например, деятельности на порядок выше, чем среди всех путешественников. Поэтому в реальности большинство, несущее бремя неудобств, оплачивает укрепление позиций банков (искусственное выжимание такими мерами наличности из оборота повышает спрос на банковские карты и их обслуживание, перевод денег и на иные банковские услуги). Эти меры делают обычного частного человека более прозрачным для власти. Зато нормы политической корректности (подробнее см. гл. 10) остаются надежно защищенными вместе с потенциальными террористами. Те же общественные, этнические и религиозные группы, из которых рекрутируется львиная доля террористов, дестимулируются сотрудничать с властями. В случае разрешенного профилирования и при сохранении прежнего уровня свободы в оперировании наличными проверки позволяли бы установить, кто провозит с собой необычно крупные суммы денег наличными. Изъять деньги было бы невозможно, но само засвечивание курьеров делало бы канал ненадежным.

Выводы и рекомендации

Поставка расширяющегося набора как чистых, так и смешанных общественных благ все в большей степени происходит за счет снижения качества чистых общественных благ. Охотников «смешивать два этих ремесла» на государственной службе становится все больше, это результат объективных интересов государственных служащих, а потому без введения конституционного запрета на поставку государством смешанных общественных благ решить проблему невозможно. Такой конституционный запрет призван не только сосредоточить государство на решении тех его задач, без которых общество погрузится в хаос, но и главным образом предотвратить в будущем новую эрозию способности поставлять чистые общественные блага. Конституционный же запрет бюджетного дефицита, прогрессивного налогообложения и другие меры подобного характера нанесли бы тяжелейшие удары по группам специальных интересов, «промышляющих» «справедливым перераспределением» отнятых у частных лиц ресурсов. Причем действие этих мер примерно одинаково как в старых, так и в молодых демократиях.

Наличие острой конкуренции и взаимной враждебности между идеологически разнонаправленными СМИ затрудняет манипулирование ими извне. Задачи по облегчению доступа новым игрокам на медиарынки при надежной защите их прав собственности на любые активы, включая полосы частотного спектра, по приданию конкуренции на этих рынках наиболее острого характера становятся важными аспектами борьбы с террором. Такие действия не разрушают основы конституционного строя демократии в противоположность административным ограничениям на вещание в кризисных ситуациях.

Спрос на такие радикальные реформы, как конституционный запрет на поставку государством смешанных общественных благ, возможен только при чрезвычайной ситуации. Это относится и к восстановлению связи «налогоплательщик — избиратель» в законодательстве о выборах. Последнее, даже если оно будет носить вполне символический характер, значимо изменит стимулы избирателя, особенно когда наряду с этим теряется надежда стать реципиентом бюджета за счет перераспределения доходов наиболее преуспевающих сограждан. К сожалению, как показывает опыт последних десятилетий, «бродячие бандиты»

---

³³ OECD. Regulation impact analysis: Best Practices in OECD countries. <http://www.oecd.org/dataoecd/21/59/35258828.pdf> 1997.

³⁴ FATF «40 recommendations». <http://www.fatf-gafi.org/dataoecd/7/40/34849567.PDF>.

третьего мира гарантированно обеспечивают эскалацию насилия, а в перспективе — создание общественного спроса на самые радикальные реформы.

Для того чтобы армия и службы безопасности могли эффективно защищать граждан от внешнего насилия, необходимо отказаться от зарекомендовавших себя с наихудшей стороны таких юридических изобретений, как наказание за «избыточное» или «непропорциональное» применение силы, являющееся по сути наказанием за одержанную победу. Заимствование Россией этой нормы имело бы самые разрушительные последствия и обесценило бы какую угодно военную реформу. При любом уровне дисциплины, подготовки и вооружения одним из необходимых факторов обеспечения боеспособности является стимул офицера добиваться решительной победы над врагом. Уничтожение этого стимула сводит на нет боеспособность армии и служб безопасности, офицеры которых должны быть надежно защищены от преследований по псевдоправозащитным идеологическим мотивам.

Бороться с эскалацией террора можно посредством обоих видов консервативных стратегий, чтобы пресечь активность террористов и постепенно расширить круг стран и обществ, власть в которых основана на законе, а не на насилии.

Борьба с коррупцией и терроризмом

Борьба с коррупцией как самоцель угрожает подрывом базовых прав человека, в особенности прав собственности.

Правительства должны быть ограничены в наборе мер контроля, а также в сроках законодательства, разрешающих подобные действия. При этом запреты этнического или религиозного профилирования при осуществлении проверок не выдерживают критики, даже если они утверждены законом. В правовом демократическом государстве это не гарантирует защиты от ошибок, но исключает возможность массовых нарушений прав и ограждает подавляющее большинство граждан от избыточного вмешательства государства. В неправовом государстве провозглашение любых норм не имеет никакого практического значения, и всевозможное профилирование там применялось, применяется и будет применяться.

Рекомендации для России

Даже на фоне вышеописанных проблем российские проблемы кажутся нам куда более острыми и запущенными. Коррупция в правоохранительных органах и армии, просящие милостыню солдаты — все это не создает у законопослушного налогоплательщика чувства защищенности от террора.

При этом без создания прочной традиции правовой демократии спрос граждан на эффективные армию и правоохранительные органы никогда не найдет соответствующего предложения. Нет гарантий, что не будут заимствованы опасные эксперименты с «гендерным равноправием» в армии или такие гибкие нормы военной юстиции, которые позволяют превратить любого офицера — героя войны в заключенного по обвинению в непропорциональном, избыточном применении силы.

Таким образом, для граждан, налогоплательщиков и избирателей России и многих других постсоциалистических стран задача по защите себя от террора является гораздо более сложной, чем для граждан старых демократий.

Нам необходимо построить новую, сильную армию, правоохранительные органы и независимую судебную систему. Наиболее практичный способ сделать это — реализовать совет М. Фридмана, применимый далеко за рамками проблем налогов и регулирования бизнеса: «Я уверен, что нынешние США не являются подходящим образцом для... бедных стран. ...Мы наблюдаем саммиты, где обсуждают, как повысить налоги и расходы за счет налогоплательщика, как обременить людей новым регулированием. Вот что я имел в виду, говоря о том, что *США подходят как модель только в течение первых полутора веков своего существования* (курсив наш. — *Авт.*). Мы можем позволить себе весь этот вздор после столь длительного строительства основы. Вы — не можете»³⁵.

---

³⁵ Cooperation Between Capital-Rich and Labor-Rich Countries. Речь Милтона Фридмана 19 мая 1992 г. на открытии конференции «Liberty in the Americas: Free Trade and Beyond» (Mexico City). <http://fff.org/explore-freedom/article/cooperation-capitalrich-laborrich-countries-part-1/>.

Таким образом, реакции всех игроков — лидеров террористов, политических лидеров демократических стран, журналистов, военных и избирателей вполне рациональны при текущем состоянии институтов.

Немаловажной составляющей кризиса, приводящего к неспособности поставлять чистые общественные блага, является кризис морали, ее произвольное использование группами интересов и левыми политиками для защиты террористов от возмездия.

В конце книги — в главах, посвященных связи делового климата, идеологии и морали, истоков кризиса демократического государства и институтов всеобщего избирательного права, — мы снова вернемся к теме неспособности современного государства поставлять чистые общественные блага.

Литература

- Ватолкин Э.А., Зацепин В.Б., Кардашевский Н.И. и др.* Проблемы и практика перехода военной организации России на новую систему комплектования. Научные труды. № 75. М.: ИЭПП, 2004.
- Волков В.В.* Силовое предпринимательство. М.: Летний сад, 2002.
- Де Сото Э.* Иной путь. Экономический ответ терроризму. Челябинск: Социум, 2008.
- Зайчик М.* Жизнь Бегина. М.: Олимп, 2003.
- Кревельд ван М.* Трансформация войны. М.: ИРИСЭН, 2005.
- Латов Ю.В.* Экономический анализ терроризма // *Общественные науки и современность.* 2007. № 5.
- Мау В., Яновский К., Жаворонков С. и др.* Импортированные институты в странах с переходной экономикой: эффективность и издержки. Научные труды. № 68. М.: ИЭПП, 2003.
- Мау В., Яновский К., Жаворонков С. и др.* Институты закрытых демократий: попытка сравнительного анализа. Научные труды. № 107Р. М.: ИЭПП, 2007.
- Яновский К., Жаворонков С., Затковецкий И. и др.* Политико-экономические аспекты борьбы с терроризмом. Научные труды. № 82-р. М.: ИЭПП, 2005.
- Яновский К., Затковецкий И., Рева Е. и др.* Требования к реформе государственных институтов, ответственных за оборону, безопасность и правовой порядок в условиях глобализации рисков: политэкономический анализ. М.: ИЭПП, 2005. <http://www.iet.ru/publication.php?folder-id=44&publication-id=8939>.
- Яновский К., Жаворонков С., Затковецкий И. и др.* Демократия как средство тушения пожара // *Общественные науки и современность.* 2007. № 2.
- Яновский К., Шульгин С.* Золотая середина в борьбе с террором и стимулы к выбору неоптимальных стратегий // *Общественные науки и современность.* 2007. № 5.
- Bueno de Mesquita E.* (2007) Politics and the Suboptimal Provision of Counterterrorism. *International Organization* 61(1):9-36.
- Bueno de Mesquita E.* The Political Economy of Terrorism: A Selective Overview of Recent Work. Newsletter of the Section on Political Economy, American Political Science Association. Vol. X. Issue 1, Winter 2008.
- Department of the Army Pamphlet — Jurisdiction of courts-martial #27-174, 1991.
- Department of the Army Pamphlet — Military Law Review / *Dwight H. Sullivan.* Playing the numbers: court-martial panel size and the military death penalty // DA Pamphlet, Military Law Review, 05.1998.
- Hirshleifer J.* The Dark Side of the Force. Economic Foundation of Conflict Theory. Cambridge University Press, 2001.
- Hoffman A.M.* Competing for Casualties? Understanding the Deadliness off Terrorist Violence. Working Papers. 2005.
- Hoppe, Hans-H.* The Case for Free Trade and Restricted Immigration // *Journal of Libertarian Studies,* 13:2 (Summer 1998): 221-233.
- Mullainathan S. and Shliefer A.* «Media Bias» NBER Working Paper. N w9295. Issued in October 2002 <http://papers.nber.org/papers/W9295>.
- Report of the Special Civilian Committee for the Study of the US Army Confinement System 15.05.1996.

Rosendorff P. and Sandler T. (2004) Too Much of a Good Thing? The Proactive Response Dilemma // Journal of Conflict Resolution 48(4):657-671.

The National Commission on Terrorist Attack upon the United States 9/11 Final Report W.W. Norton. N.Y., 2004.

Turner S. Terrorism and Democracy. Boston, Houghton Mifflin Company, 1991.

US Congressional Research Service. Saudi Arabia: Terrorist Financing Issues. December 8, 2004. <http://www.fas.org/irp/crs/RL32499.pdf>.

Worthington P. Why George Bush is today's Churchill. http://www.canoe.ca/NewsStand/Columnists/Toronto/Peter_Worthington/2004/09/28/646211.html.

Глава 2 ГОСУДАРСТВО, НЕЗАВИСИМОЕ ОТ ИЗБИРАТЕЛЯ. РЕНТНЫЕ ДОХОДЫ: РЕСУРСНОЕ ПРОКЛЯТИЕ И КОРРУПЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

Не дорого ценю я громкие права,

От коих не одна кружится голова.

И не ропщу о том, что отказали боги

Мне в сладкой участи оспаривать налоги,

Или мешать царям друг с другом воевать;

И мало горя мне, свободно ли печать...

А.С. Пушкин. Из Пиндемонти. 1836

Тема рентной экономики и ее связь с построением демократических институтов рассматривались многими исследователями на протяжении последних десятилетий. Однако до сих пор нет однозначного ответа на вопрос, существует ли такая связь и в чем ее причина. В данной главе представлена экономическая модель коррумпирувания избирателей в государствах-рантье, а также прослеживается связь между этапом создания государственных институтов, на который пришлось возникновение рентной зависимости, и характером этих институтов.

Состояние проблемы

Термин «рента» ввел в экономику еще Д. Рикардо, определивший его как «доходы, которые не создаются в результате продуктивной человеческой деятельности, а являются компенсацией за редкость природных ресурсов»³⁶.

Со времен Рикардо определение ренты претерпело значительные изменения, и сегодня в экономической теории так обычно называют доходы, отвечающие трем параметрам:

они приходят из-за рубежа;

они приходят напрямую к правительственным органам;

очень небольшой процент граждан занят в создании доходов, подавляющее большинство лишь пользуется их плодами³⁷.

---

³⁶ Ricardo D. On the Principles of Political Economy and Taxation. L.: John Murray, 1921. P. 54—55.

Иные виды дохода, имеющие отличные характеристики, но иногда также именуемые рентой, мы здесь не рассматриваем.

Страна-рантье — это государство, постоянно получающее значительную ренту³⁸. Это определение впервые дал Хуссейн Махдави в своей работе (1970), и относилось оно к Ирану периода шаха Резы Пехлеви³⁹. Для русскоязычной литературы более привычен термин «рентная экономика», который и будет использоваться в дальнейшем.

Обычно этим определением пользовались авторы, анализировавшие политику стран, экономика которых была основана на экспорте природных ресурсов, особенно нефти (как правило, государств Ближнего Востока)⁴⁰.

Отношение к ренте как к фактору, влияющему на экономическое развитие государства, претерпело за время существования термина значительные изменения. Рикардо видел в ренте (т.е. в природных ресурсах) мощный положительный фактор. Однако в последние десятилетия вышел ряд работ, доказывающих стойкую отрицательную зависимость между обилием природных ресурсов и социально-экономическим развитием страны⁴¹.

Исследователи называют несколько причин такого достаточно парадоксального результата⁴². В случае если рента обусловлена экспортом природных ресурсов, существует серьезный стимул развития монопродуктовой экономики и особенно монопродуктивного экспорта. Это приводит к торможению развития остальных отраслей экономики — приток дешевой иностранной валюты стимулирует импорт большинства товаров и подрывает позиции отечественных производителей.

Таким образом, к определенному моменту страна попадает в полную зависимость от колебания цен на весьма ограниченный набор товаров своего экспорта.

Кроме того, сырьевые отрасли предъявляют более низкие требования к квалификации рабочей силы, а потому их доминирование в экономике страны снижает спрос на образовательные услуги, что может иметь весьма опасные долгосрочные последствия⁴³.

Дополнительная опасность возникает, когда рентные доходы обрушиваются на страну неожиданно и в огромном количестве — как правило, в результате скачка цен на природные ресурсы. Если правительство воспринимает их как устойчивый источник поступлений, то появляется соблазн использовать новые возможности для амбициозных внешне- и внутривосточных проектов, социальных программ и т.д. Поскольку источник кажется бездонным, руководство страны охотно берет займы, стремясь получить сегодняшнюю политическую выгоду под залог будущих доходов. Сбалансированный бюджет также не кажется необходимым. В результате через несколько лет страна, отягощенная внешними и внутренними

---

³⁷ *Beblawi H.* The Rentier State in the Arab world // Giacomo Luciani (ed.). *The Arab State*. Berkeley: University of California Press, 1990. P. 87—88.

³⁸ *Mahdavy H.* The Pattern and Problems of Economic Development in Rentier States: The Case of Iran // *Studies in the Economic History of the Middle East* / Ed. M.A. Cook. Oxford: Oxford University Press, 1970. P. 428; *Diamond D.L., Linz J.J., Lipset S.M.* (eds.). *Democracy in Developing Countries*. Boulder, Colo.: Lynne Rienner, 1988; *Inglehart R.* *Modernization and Postmodernization*. Princeton: Princeton University Press, 1997.

³⁹ Реза Пехлеви — шах Ирана с 15 декабря 1925 г. по 16 сентября 1941 г.

⁴⁰ *O'Donnell G., Schmitter P.C., Whitehead L.* (eds.). *Transitions from Authoritarian Rule: Prospects for Democracy*. Baltimore: Johns Hopkins University, 1986.

⁴¹ *Karl T.* *The Paradoxes of Plenty: Oil Boom and Petro-States*. Berkeley, CA: University of California Press, 1977; *Sachs J., Warner A.* *Natural resource abundance and economic growth* // NBER Working Paper Series. N 5398. Cambridge MA, 1998.

⁴² См.: *May B.* Уроки Испанской империи, или Ловушки ресурсного изобилия // *Экономика переходного периода: сборник избранных работ*. М.: Дело АНХ, 2010.

⁴³ См.: *Гильфасон Т.* Природа, энергия и экономический рост // *Экономический журнал ВШЭ*. 2001. Т. 5. № 4. С. 473—474.

долгами, оказывается вовлеченной в значительное количество политических и экономических авантур. Уменьшение ренты в этот период означает катастрофу.

Обилие рентных доходов влияет и на эффективность принятия решений: с одной стороны, исчезает опасность наказания за рискованные или непрофессиональные шаги — их всегда можно исправить денежным вливанием, с другой — усиливаются риски коррупции, которая оказывается почти неизбежной, когда власть должна заниматься дележом ренты.

Еще одно качество рентных доходов, интересующее экономистов, — их влияние на политическое развитие общества и возможность формирования в нем демократических институтов. Положительная зависимость между демократической системой и достижением определенного уровня экономического развития широко освещена в литературе. При этом достаточно беглого взгляда, чтобы заметить, что рентные экономики, как правило, отличает более или менее авторитарный режим.

На сегодняшний день существует три основные теории, объясняющие механизм причинно-следственной связи между рентной экономикой и отсутствием демократии. М. Росс классифицировал их так: «эффект рантье», «репрессивный эффект» и «эффект модернизации»⁴⁴.

Первая из теорий утверждает, что государство-рантье не нуждается в налогах. Таким образом, оно не должно давать отчета своим гражданам и может быть полностью автономным от общества, достигая с помощью раздачи благ той поддержки, которую демократическое государство получает с помощью системы налогов и репрезентации⁴⁵.

Вторая теория, объясняющая отсутствие демократии репрессивным эффектом, не противоречит первой, но обращает внимание на дополнительный канал расходов ренты — попытки подкупить или уничтожить оппозицию⁴⁶.

Третья теория в отличие от двух первых концентрируется на обществе, а не на государстве. Согласно ей доходы от ренты изменяют классовый состав общества и останавливают в нем те тенденции, которые должны были привести к появлению современной демократии⁴⁷.

Все три теории, однако, имеют один общий недостаток. Большинство государств-рантье не отличалось демократическим характером правящих режимов и до того, как рента стала играть заметную роль в их экономике. Значительная часть этих государств, которая, собственно, и дает основную массу материала исследователям, — это государства Ближнего Востока, обладающие весьма специфическими характеристиками. Многие исследователи, стремясь обойти эту проблему, просто игнорируют данные по Ближнему Востоку⁴⁸. Таким образом, становится трудно понять, что является истинной причиной отсутствия демократии и действительно ли рента существенно влияет на процесс становления тоталитарных институтов.

Группа российских исследователей⁴⁹ предложила модель поведения диктатора, бюрократа и граждан в отношении сигналов СМИ в условиях высоких рентных доходов. Авторы пришли к выводу, что стимулы цензурировать СМИ положительно связаны с рентными доходами (оцениваемыми по доле добывающей

---

⁴⁴ Ross M.L. Does Oil Hinder Democracy? // *World Politics* 53. April 2001. P. 327—328.

⁴⁵ Anderson L. The State in the Middle East and North Africa // *Comparative Politics*. 20. October 1987. P. 10.

⁴⁶ Wiktorowicz Q. The Limits of Democracy in the Middle East: The Case of Jordan // *The Middle East Journal*, 53. Autumn 1999. P. 608.

⁴⁷ Delacroix J. The Distributive State in the World System // *Studies in Comparative International Development*, 15. Fall 1980. P. 3—21.

⁴⁸ O'Donnell G., Schmitter Ph.C., Whitehead L. (eds.), 1986; Diamond D.L., Linz J.J., Lipset S.M. (eds.), 1988; Inglehart, 1997; Przeworski A., Limongi F. Modernization: Theories and Facts // *World Politics* 49. January 1997; Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J.A., Limongi F. What Makes Democracies Endure? // *Journal of Democracy* 7. January 1996; *Idem*. Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950—1990. N.Y.: Cambridge University Press, 2000.

⁴⁹ Egorov, Guriev, Sonin, 2007.

промышленности в ВВП). Статья содержит как небольшой обзор литературы (в том числе работ таких авторов, как Ross, Acemogly, Robinson), так и обзор примеров из новейшей политической истории, поддерживающих точку зрения авторов. Как показано выше (см. гл. 2), модель уязвима для критики. Данные, использованные авторами (особенно рейтинг «Свободы слова»), также далеко не безупречны. Однако наличие большого числа примеров стран, богатых ресурсами, где установилась диктатура, и отсутствие примеров становления демократии в условиях ресурсного изобилия, очевидно, подтверждают полученный вывод.

Эконометрические исследования на базе данных о государствах, принадлежащих к различным регионам, не дали однозначного ответа на этот вопрос. Так, Росс в упоминавшейся выше работе приходит к выводу, что нефтяная рента имеет статистически значимое устойчивое отрицательное влияние на уровень демократии в государстве — во всех регионах⁵⁰. К. Цуй поддерживает его выводы, но отмечает, что рента влияет по-разному на изначально демократические и изначально недемократические государства⁵¹.

Тамбовцев и Валитова показали⁵², что ресурсное изобилие негативно влияет на гарантии прав собственности. Обзор работ других авторов, приходящих к сходным выводам, можно найти в работе Гуриева и Сонины⁵³.

С другой стороны, М. Херб не находит подтверждений такой зависимости. Вывод его исследования — уровень демократии при рентной экономике зависит от уровня демократии в регионе⁵⁴. В некоторой степени эти результаты поддерживаются более ранним исследованием Р. Барро, который указывает на ислам как на мощный антидемократический фактор⁵⁵. Однако однозначного ответа, как уже было сказано выше, не существует.

Предлагаемая нами экономическая модель призвана примирить некоторые противоречия. Согласно этой модели при рентной экономике уровень демократии в государстве не станет выше того, который был до появления ренты, и с достаточной долей вероятности можно сказать, что он станет ниже. Причины этого кроются в коррупции избирателей, т.е. в искусственном создании ситуации, при которой рациональный потребитель общественных благ и гражданских свобод предпочтет первые в ущерб вторым. При этом абсолютный уровень демократии зависит от того, насколько развиты государственные институты к моменту появления рентной зависимости.

Итак, перейдем к изложению экономической модели коррупции избирателей и рассмотрим государства, иллюстрирующие данную модель (Израиль, Венесуэла, Мексика, Норвегия, СССР, Россия), а в завершение сделаем предварительные выводы и наметим направления дальнейших исследований.

Рента как инструмент коррупции избирателя — экономическая модель

Сделаем следующие допущения:

В государстве с населением N граждане максимизируют полезность u_i i -го гражданина, которая является положительной функцией потребления общественных благ x и возможности влиять на политику государства v и отрицательной функцией уплаты налогов t (таким образом, x и v — частично взаимозаменяемые товары).

Это соотношение можно записать в виде формулы

---

⁵⁰ Ross, 2001. P. 356.

⁵¹ Tsui K.K. More Oil, Less Democracy? Theory and Evidence from Crude Oil Discoveries // University of Chicago (Job Market Paper). December 29, 2005.

⁵² См.: Тамбовцев В., Валитова Л. Ресурсная обеспеченность страны и ее политико-экономические последствия // Экономическая политика. 2007. № 3 (7).

⁵³ См.: Гуриев С., Сонин К. Экономика «ресурсного проклятия» // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 61—74.

⁵⁴ Herb M. N Representation without Taxation? Rents, Development and Democracy // Georgia State University. December 3, 2003. P. 1.

⁵⁵ Barro R.J. Determinants of Democracy // Journal of Political Economy. 1999. Vol. 107. N 6.

$$\text{Max } u_i = u_i(v_i^+, x_i^+, t_i^-),$$

$$\text{Max } u_i = u_i(v_i^+, x_i^+, t_i^-),$$

где $i = 1, 2, \dots, N$.

Выгода государства в каждый момент считается идентичной выгоде агентов, занятых в органах власти и управления государства.

Государство является поставщиком-монополистом общественных благ.

Общественные блага X создаются на деньги, полученные от налогов T и от ренты R . Не существует других источников доходов, нет дефицита и профицита бюджета:

$$X = T + R, \text{ при этом}$$

$$X = \sum_{i=1}^N x_i; T = \sum_{i=1}^N t_i; V = \sum_{i=1}^N v_i,$$

где V — суммарная полезность от обладания властью.

Государство основано на демократических институтах, т.е. управление производится при участии народа и связано с необходимостью отдать ему часть влияния β ($0 \leq \beta \leq 1$). В данном случае величина β является индексом демократии. В целом выигрыш Π государства описывается уравнением

$$\Pi = (1 - \beta) \times V + (T + R - X).$$

Учитывая допущение (4), обозначим

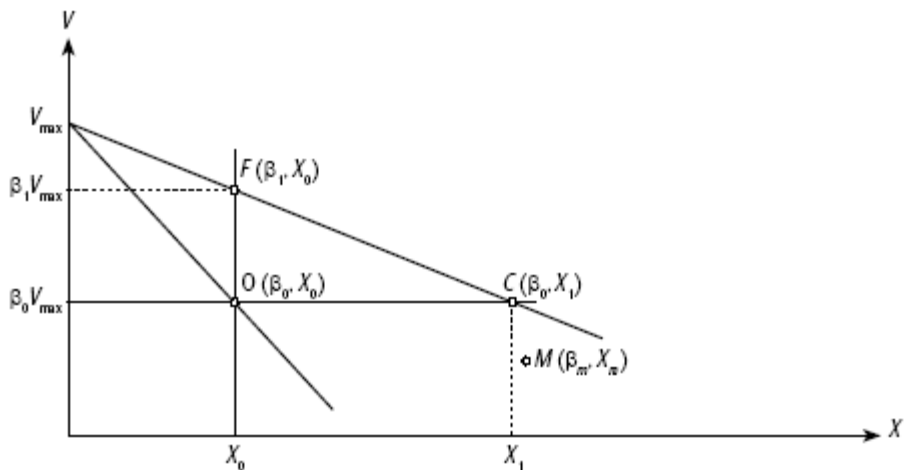
$$\text{Max } \Pi(V, T, R) = (1 - \beta) \times V.$$

Суммарная полезность для граждан составит

$$\text{Max } U = U(\beta V, X, T),$$

где $U = \sum_{i=1}^N u_i$

Государство всегда будет стремиться максимально ограничить демократию (уменьшить β), т.е. сконцентрировать власть в своих руках. Пусть в начальной ситуации $R_0 = 0$. Таким образом, $X = T$. Возможности государства уменьшить β весьма ограничены, поскольку ему нечем компенсировать потерю полезности (увеличить X можно, лишь увеличив T , что приведет к уменьшению общей полезности граждан ($\Delta\beta V < 0, \Delta X > 0, \Delta T > 0 \Rightarrow \Delta U = ?$)). Поэтому общество стабилизируется в точке O с уровнем демократии β_0 и количеством общественных благ X_0 (рис. 6.1).

Рис. 6.1. Модель коррупции избирателя:
общественный выбор в пространстве «власть — потребление»

Допустим, что в результате экзогенного изменения рента увеличилась и составляет R_1 ($R_1 > R_0$). В случае обычного товара граждане должны перейти к бюджету I_{R_1} и получить возможность выбирать из соответствующих ему сочетаний βV и X , среди которых будут и сочетания, где $\beta > \beta_0$ (например, точка $F(\beta_1, X_0)$).

Однако рента отличается от обычного товара тем, что это доход, распределение которого зависит только от правительства. Правительство в свою очередь не заинтересовано увеличивать β и поэтому готово искусственно ограничить возможность выбора сочетаниями, находящимися справа от точки $C(\beta_0, X_1)$.

Корзина C по определению предпочтительнее корзины O ($\beta_0 = \beta_0$; $X_1 > X_0$). В зависимости от функций полезности граждан (personal utility functions) могут существовать еще несколько сочетаний ($\beta_m < \beta_0$; $X_m > X_0$), например точка $M(\beta_m, X_m)$ также предпочтительнее по сравнению с изначальной корзиной O и, возможно, по сравнению с корзиной C .

Таким образом, рационально настроенные граждане, оказавшись перед выбором — принимать искусственное ограничение, связанное с неувеличением (уменьшением) демократичности режима, или отказаться от доходов, связанных с использованием плодов ренты, несомненно, предпочтут первое. Соответственно появление рентных доходов у государства должно привести к тому, что уровень демократии в нем расти не будет, а возможно, и уменьшится по сравнению с «дорентовой» ситуацией — и все это с полного согласия его граждан.

Дополнительным, хотя и неявным, следствием является то, что становится важным, на каком этапе формирования институтов государства появится рента. Поскольку ограничение на распределение ренты есть необходимое условие модели, то делать этот искусственный шаг значительно легче в обществе, где еще не сформировались институты, регулирующие деятельность правительства. Иначе говоря, там, где еще не сформировалось равновесие, значительно легче изменить его с более низким уровнем β .

Рассмотрим случаи СССР, России, Венесуэлы, Израиля и Норвегии, иллюстрирующие сформулированную выше модель.

Рента как инструмент коррупции избирателей: на примере разных стран

СССР 1980-х и Россия 2000-х гг.

В результате бойкота, последовавшего за поражением арабов в войне 1973 г. против Израиля, ОПЕК сумел спровоцировать панику на рынке нефти и скачок цен на энергоносители. СССР оказался в числе крупнейших бенефициариев новой ситуации. В 1970-х гг. основной поток советской нефти шел уже не из Поволжья и не с Кавказа, а из Сибири, т.е. общая долгосрочная тенденция удорожания экспорта наметилась уже тогда. Однако ввод новых месторождений с огромными запасами нефти и газа крайне удачно совпал со скачком цен (которые выросли в 3—5 раз), а добыча наименее рачительными, зато и наиболее дешевыми методами позволяла отчасти компенсировать подорожавшую добычу и доставку. В 1982 г. цены на нефть,

экспортируемую из СССР, превысили уровень 1973 г. в 9 раз, а рост экспорта нефти превысил 60%. На страну обрушился поток нефтедолларов, что оказало двойственное влияние на дальнейшее развитие советской хозяйственно-политической системы. С одной стороны, СССР получил дополнительный источник роста еще на десятилетие. Удавалось поддерживать военно-стратегический паритет с США, страна оставалась одной из двух мировых сверхдержав.

С другой стороны, поток нефтедолларов стал фактором серьезной дестабилизации советской системы. В СССР проявились признаки «голландской болезни» — одностороннего развития экспортного сектора при ослаблении внимания к внутреннему производству (в случае СССР исключением стал ВПК).

При этом личной заинтересованности в проведении реформ в такой ситуации не может быть ни у кого, кроме невероятно амбициозного и ответственного лидера. Зато у успевших окрепнуть после прекращения чудовищных сталинских репрессий чиновничьих групп интересов (в полном соответствии с моделью Нисканена) был интерес наращивать расходные проекты при сохранении возможно более полного контроля за производством и распределением.

Поэтому и речи быть не могло о том, чтобы направить получаемые от экспорта энергоресурсов дополнительные средства на повышение эффективности советской экономики, на ее глубокое реформирование (институциональное и структурное⁵⁶). И без того ограниченные реформы 1965—1972 гг. были заморожены. Нефтедоллары использовались на дальнейшее наращивание военного потенциала и энергетического сектора, а также на расширение импорта товаров традиционных секторов (сельского хозяйства, легкой промышленности). «Дешевые» нефтяные доходы позволили вывести страну на уровень среднедушевого ВВП и уровня жизни выше того предела, который советская система могла устойчиво обеспечивать, основываясь только на собственных, внутренних ресурсах. Нефтедоллары привели к углублению зависимости СССР от состояния мирового рынка и, следовательно, к повышению ее нестабильности, что проявлялось и в быстром росте советского внешнего долга (сальдо расходов по обслуживанию внешнего долга составило в 1981 г. 4,4 млрд долл., в 1984 г. — 5,9 млрд, в 1986 г. — 15,1 млрд долл.). В то время как на Западе происходила трансформация традиционного индустриального общества в постиндустриальное, советская система не смогла адаптироваться к технологическим и интеллектуальным вызовам новой эпохи.

В легкую и пищевую промышленность в течение всего периода власти коммунистов инвестировали очень мало. Не сталкиваясь с проблемами спроса (острый дефицит и неограниченные возможности «списания» бракованной или низкокачественной и нераскупаемой продукции), легкая и пищевая промышленность постепенно приходила в упадок. В конечном счете проблема обострилась настолько, что даже резкое вливание инвестиций (государственных, а потому неэффективных) в сельское хозяйство не помогло: состояние отрасли обусловило потребность в масштабном импорте зерна.

Новый этап реформирования начался в 1985 г. — с приходом к руководству страной М. Горбачева. Внешним толчком к новому этапу реформирования послужило падение мировых цен на нефть более чем в 2 раза в течение 1986 г., что делало невозможным поддержание сложившейся системы экономических отношений. Первоначально предполагалось обеспечить ускорение экономического роста путем структурного маневра — увеличения доли ресурсов, направляемых на инвестиции, прежде всего в машиностроение. Однако вскоре стала очевидна ограниченность такого рода шагов: они должны были быть дополнены преобразованиями в механизме функционирования экономики. Хотя объем промышленного производства в 1986—1987 гг. несколько возрос (до 4—5% в год против 1—2% в предыдущие годы), добиться перелома в эффективности так и не удалось, что определяло неизбежный тупик при дальнейшем наращивании инвестиций без внедрения новых стимулов.

К тому же начатая в 1985 г. антиалкогольная кампания привела к дополнительному (помимо падения цен на нефть) сжатию поступающих в госбюджет ресурсов⁵⁷. Население столкнулось с резким падением реальных доходов одновременно с обесценением сбережений.

---

⁵⁶ Первое для руководства того времени означало рисковать властью, а второе без первого означало для экономики, что инвестор будет заведомо безответственным и при этом не заинтересованным в эффективности проектов.

⁵⁷ Подробнее см.: *Стародубровская И.В., Мау В.А.* Великие революции. От Кромвеля до Путина. 2-е изд. М.: Вагриус, 2004; *Гайдар Е.Т.* Долгое время. Россия в мире. М.: Дело, 2005. С. 341—345.

Снижение цен на нефть и нарастание бюджетного дефицита подтолкнули М. Горбачева к решительным мерам по ослаблению сырьевой зависимости, получившим наименование «ускорение». Однако желание повысить темпы роста привело через два года к разбалансированию экономической системы, а затем и к ее распаду⁵⁸.

Е. Гайдар (2006) показал на примере бюджетной истории последних лет существования СССР механизмы раскручивания обязательств и «усыхания» доходов. Растущий дефицит бюджета вызвал эскалацию внешних заимствований. Последние, как правило, давались под гарантии правительств стран, противостоявших СССР в годы «холодной войны», а это затрудняло применение коммунистической властью репрессий как в странах-сателлитах, так и внутри страны для подавления растущей политической нестабильности.

В 1999 г. начался новый цикл роста цен на нефть. Российское правительство В.В. Путина оказалось политическим бенефициарием этого процесса. Быстрое снижение задолженности по выплате зарплат бюджетникам и пенсий способствовало стремительному росту поддержки проправительственного списка «Единство» на выборах 1999 г. в Государственную Думу.

Поначалу — в течение 4—5 лет — реакция властей на благоприятную ситуацию была в целом весьма разумной и ответственной. Упор делался на проведение реформ и стимулирование развития бизнеса в сочетании с созданием «финансовой подушки» на случай нового обвала цен на нефть.

Так, в период первого срока В.В. Путина как президента был принят пакет законов о дерегулировании экономики, проведена налоговая реформа с введением плоского подоходного налога (причем настолько удачная, что собираемость по данному налогу существенно выросла).

Однако уже предвыборная кампания 2003 г. показала, что, если нет мощного институционального фундамента устойчивой правовой демократии, избежать ухудшения качества политики и размывания институтов практически невозможно.

Электоральная база реформ быстро размывалась, и рос спрос на популистские решения, основанные на переделе доходов и собственности «в интересах народа».

Стимулы налогоплательщика (см. гл. 13 и Приложение I к Тому III) выпеснялись стимулами получателя ренты (см. модель ниже).

Все прошедшие 5%-й барьер партии, равно как и большинство не прошедших в Государственную Думу партий, делали тему перераспределения ренты и обещания обеспечить быстрый рост благосостояния центральными в своей кампании. Сумма же голосов за партии, не предлагавшие «решения всех проблем» посредством перераспределения нефтяной ренты⁵⁹, не превысила, по самой оптимистической оценке, 10,5% (табл. 6.1).

Таблица 6.1

Результаты выборов в Государственную Думу в 2003 г.

№ п/п	Наименование политической партии, избирательного блока, зарегистрировавших федеральные	Число голосов избирателей, поданных за каждый федеральный список
-------	--	--

⁵⁸ Впрочем, у правительства 1970-х г. было хотя бы то оправдание, что к тому времени практически отсутствовал прецедент значительного снижения цен на нефть. В настоящее время ситуация существенно иная: практика показала, что цены на основные товары российского экспорта могут идти как вверх, так и вниз и что их динамика непредсказуема. Ответственная экономическая политика должна принимать эти факторы во внимание. Однако, как будет показано ниже, кризисы в результате ресурсоориентированной политики можно проследить и в экономической истории прошлого. Хотя, разумеется, речь необязательно должна идти о ресурсах топливно-энергетического комплекса.

⁵⁹ Характерно, что никакие партии не упоминали о перераспределении «газовой ренты». Это сложно не связать с тем фактом, что она уже фактически была перераспределена в пользу политической группы, контролирующей исполнительную власть, — «РАО «Газпром»» остается единственной неререформируемой естественной монополией и малопрозрачной компанией (особенно для открытого АО), принадлежащей почти наполовину всем гражданам (по крайней мере, номинально).

	списки кандидатов	кандидатов	
		Всего	% от числа избирателей, принявших участие в голосовании
1.	«Единение»	710 538	1,17
2.	Союз правых сил	2 408 356	3,97
3.	Российская партия пенсионеров и партия социальной справедливости	1 874 739	3,09
4.	Российская демократическая партия «ЯБЛОКО»	2 609 823	4,30
5.	«За Русь святую»	298 795	0,49
6.	Объединенная российская партия «Русь»	147 423	0,24
7.	«Новый курс — автомобильная Россия»	509 241	0,84
8.	Народно-республиканская партия России	80 416	0,13
9.	Российская экологическая партия «Зеленые»	253 983	0,42
10.	Аграрная партия России	2 205 704	3,64
11.	«Истинные патриоты России»	149 144	0,25
12.	Народная партия Российской Федерации	714 652	1,18
13.	Демократическая партия России	136 294	0,22
14.	«Великая Россия — Евразийский Союз»	170 786	0,28
15.	Партия «СЛОН»	107 444	0,18
16.	«Родина» (народно-патриотический союз)	5 469 556	9,02
17.	Партия мира и единства (ПМЕ)	148 948	0,25

18.	ЛДПР	6 943 885	11,45
19.	Партия возрождения России — Российская партия жизни	1 140 333	1,88
20.	Политическая партия «Единая Россия»	22 779 279	37,57
21.	Российская конституционно-демократическая партия	113 184	0,19
22.	«Развитие предпринимательства»	212 825	0,35
23.	Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ)	7 647 820	12,61
Число голосов избирателей, поданных против всех федеральных списков кандидатов		2 851 600	4,70

Источник: ЦИК РФ. Программы политических партий и блоков на выборах в ГД 2003 г. <http://gd2003.cikrf.ru/partii.html>

В целом с учетом феномена рационального неведения (*rational ignorance*) бессмысленно ожидать от избирателя, который сегодня не увязывает свое право голоса с уплатой налогов, долгосрочных оценок перспектив развития экономической и правовой систем. Небогатый политический опыт (в стране без демократической традиции и долгосрочного опыта правовой демократии) не дает оснований такому избирателю воспринимать политические права и свободы как некое самоценное благо. При таких условиях поведение российского избирателя можно признать вполне рациональным.

Модели и подходы, представленные в работах, посвященных сравнительному институциональному развитию российских регионов и постсоциалистических стран⁶⁰, и вкратце изложенные выше (см. Введение), предсказывали высокую вероятность существенного ухудшения предпринимательского климата уже в среднесрочной перспективе. При таком поведении электората стимулы властей продолжать экономические и глубокие институциональные реформы, включая укрепление независимого суда, прессы, гарантий неприкосновенности личности, реформу армии и правоохранительных органов, подрываются. Из-за отсутствия давления прессы, оппозиции, иностранных кредиторов и МФО ослабевают даже стимулы к проведению элементарной ответственной налогово-бюджетной политики.

Напротив, усиливаются стимулы мобилизовывать политическую поддержку не среди наиболее динамичной части общества, а среди наиболее социально уязвимых граждан: участковых врачей (выигравших от некоторых компонентов национального проекта «Здоровье»⁶¹), пенсионеров, живущих в малых городах и в селе (так, монетизация льгот, ударившая по пенсионерам — жителям крупных городов, была в целом выгодна для тех категорий, для которых бесплатный транспорт был неактуален в силу или отсутствия такового, или малых размеров населенного пункта).

⁶⁰ Мау, Жаворонков, Яновский и др., 2003; Мау, Жаворонков, Черный и др., 2002.

⁶¹ См. комментарий на сайте Совета при Президенте России по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. <http://www.rost.ru/projects/health/p02/p21/a21.shtml>.

К сожалению, пока нет оснований полагать, что прогноз не оправдывается. Если в среднесрочной перспективе цены на нефть существенно не снизятся, то ухудшение делового климата может стать долгосрочным. В случае резкого снижения цен на нефть следует ожидать (при допущении, что российский избиратель рационален) с определенным временным лагом значительного увеличения спроса на институты, которые обеспечивают правовым демократиям долгосрочные экономические преимущества. Рост спроса (также с определенным лагом) может открыть следующее «окно возможностей» для продолжения реформ.

Венесуэла

Экономика Венесуэлы стала зависимой от рентного наркотика раньше остальных стран — экспортеров нефти — уже в начале 1930-х гг. К 1935 г. доходы от продажи нефтяных концессий иностранным фирмам вывели это государство на первое место в Латинской Америке по уровню ВВП на душу населения⁶².

Примерно к тому же периоду относится и начало процесса формирования политических институтов Венесуэлы. Это утверждение нуждается в дополнительном пояснении. Большинство исследователей считают 1958 г. точкой, с которой начала свое существование политическая система Венесуэлы в ее современном виде⁶³. По нашему мнению, неверно рассматривать его как отправную точку, скорее всего, это завершение процесса формирования политических институтов.

Политические институты Венесуэлы были заложены еще при Симоне Боливаре⁶⁴. Тем не менее период с 1935 по 1958 г. в полной мере можно назвать не просто периодом реформирования, а, скажем, этапом институционального становления.

В 1935 г. умер диктатор Х.В. Гомес, правивший 27 лет. В течение последующих 23 лет власть в стране переходила из рук в руки 8 раз, причем мирным путем только дважды. Разумеется, что это происходило отнюдь не из-за личностей вождей, а имело более глубокие причины. До появления нефтяного фактора Венесуэла была аграрным государством с преимущественно неграмотным населением. Нефть резко изменила ситуацию. Высокие зарплаты на нефтедобывающих станциях подталкивали крестьян уходить с земли. Следствием этого стали изменение демографического состава населения, а также необходимость импортировать продукты, что сделало стоимость жизни в Венесуэле одной из самых высоких в мире⁶⁵.

Существовавшие институты не были приспособлены к изменившейся действительности. Серия бунтов, переворотов и социальных экспериментов — от всеобщих выборов до полного запрещения партий и свободной прессы — это и есть внешние проявления переходного периода, в котором определяются соотношения сил и правила игры. Он завершился пактом, получившим название *Punto Fijo*.

Пакт *Punto Fijo* считается началом венесуэльской демократии и представляет собой серию договоров, заключенных в 1958—1961 гг. руководством крупнейших партий. Целью договоров было завершение периода напряженности между ключевыми игроками и создание механизма мирного перераспределения влияния между ними. Действенность пакта доказало время — в течение более 30 лет Венесуэла оставалась «наиболее стабильной демократией Южной Америки»⁶⁶, но вот демократичность вызывает весьма серьезные сомнения.

Состав сил, которым пакт давал доступ к управлению государством через соответствующие механизмы, хотя и выглядит логичным в свете предыдущих событий, весьма нехарактерен для демократической традиции. Кроме трех крупнейших партий (Социал-демократическая — AD, Социал-христианская — COPEI, левонационалистическая — URD) в коалицию входили профсоюзы, представители промышленников, католическая церковь и армия, т.е. организации, малозависимые от избирателя.

---

⁶² Lagoven, 1993.

⁶³ Canache D., Kulisheck M.R. Reinventing Legitimacy: Democracy and Political Change in Venezuela. Greenwood Publishing Group, 1998. P. IX.

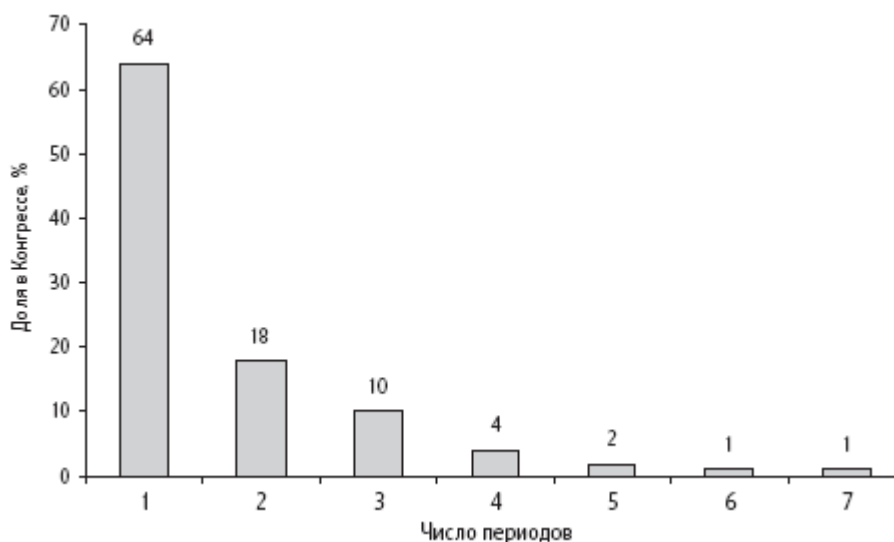
⁶⁴ Симон Боливар (1818—1830) — президент Великой Колумбии, в состав которой входила Венесуэла.

⁶⁵ Энциклопедия Кольер. История Венесуэлы. http://www.diclib.com/cgi-bin/d1.cgi?l=ru&base=colier&page=show_id&id=2363.

⁶⁶ US Department of State Background Note: Venezuela <http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/35766.htm>.

Назвать режим, установившийся в Венесуэле, демократическим позволяют только регулярно проводившиеся в стране выборы. Однако они являлись скорее фикцией. Фактическую власть в стране осуществлял Парламентский комитет, который, согласно Конституции 1961 г., *независимо от результатов выборов* формировался из 8 членов AD, 4 членов COPEI, 4 членов URD, 3 коммунистов и 3 независимых кандидатов.

Влияние избирателей на политику правительства, осуществляемое через парламентских представителей, было минимальным. Система выборов оставляла всю власть в руках партийного руководства, выбравшего кандидатуры в предвыборный список. Об этом говорит тот факт, что 60% парламентариев работали в Конгрессе один срок (рис. 6.2). Судьбу страны решали лишь 8,3% парламентариев, которые избирались в Конгресс более 20 лет, причем 80% из них принадлежали к руководству страны⁶⁷.

Источник: Rubio Mar, 2002.

Рис. 6.2. Число периодов участия парламентариев в Конгрессе (1958—2000)

Несложно проследить связь между нефтяной рентой и политической системой, созданной в Венесуэле. Два из четырех непарламентских игроков, определявших будущее страны (профсоюзы и промышленники), фактически являлись представителями нефтяной отрасли. Но гораздо важнее то, что идеологическая унификация (характерная и для российской политики начиная с 2003 г., т.е. в период высоких и растущих цен на нефть) минимизировала реальные возможности выбора.

Дальнейшая судьба политической системы Венесуэлы стандартна для рентной экономики. Крупные затраты на общественные блага и на амбициозные проекты по повышению благосостояния, игнорирование дефицита бюджета в расчете на будущие доходы, результат — экономические трудности⁶⁸. Резкое снижение цен на нефть в конце 1980-х привело к краху системы и ввергло страну в череду путчей и беспорядков.

Демократический приход к власти в 1998 г. У. Чавеса (ранее возглавлявшего один из неудачных путчей) и осуществленные им меры по политической стабилизации режима на умеренно-авторитарной основе (повышение социальных расходов — субсидии бедным слоям населения, национализация различных доходных предприятий и устранение тем самым источников финансирования оппозиции, ограничение деятельности частных электронных СМИ при экспансии государственных, коррупционные процессы против нелояльных губернаторов) усилили тенденцию к «закрытию» демократии.

⁶⁷ Основа политического благополучия трех крупнейших партий — щедрая поставка общественных благ — требовала постоянного обеспечения доходами от нефтяной ренты.

⁶⁸ Подробнее о закономерностях развития рентной экономики см.: Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России // Российская политическая энциклопедия. М., 2006; Май, 2010.

Возвращаясь к исходной модели, отметим следующие моменты: политическая система Венесуэлы строилась под мощным влиянием рентного фактора, ее характеристика — низкий уровень демократии в сочетании с высоким уровнем поставок общественных благ. Результат построения такой системы полностью соответствует предсказанному моделью результату.

Мексика

Анализируя становление рентной экономики в Мексике и влияние ее на политические институты этого государства, нельзя не заметить явного сходства многих эпизодов этого процесса с аналогичными ситуациями в Венесуэле и Израиле. Однако мексиканский вариант отличают некоторые весьма своеобразные моменты.

Наиболее важным отличием Мексики от других рентных экономик является то, что она дважды пыталась войти в ту же реку.

Мексика была поставщиком серебра и других минералов еще со времени испанского владычества. В 1860-х гг. она была крупнейшим мировым экспортером серебра⁶⁹. Однако в эпоху экономического роста Мексика вступила в конце XIX столетия, при диктаторе П. Диасе, правившем страной с 1876 по 1910 г.

В этот период ВВП на душу населения в Мексике примерно равнялся аргентинскому и втрое превышал аналогичный показатель в Бразилии и Венесуэле⁷⁰. Экономика Мексики росла в среднем на 3,3% в год⁷¹. Диасу удалось добиться стабильности в стране и модернизировать ее инфраструктуру.

Однако более глубокий анализ выявляет серьезные структурные проблемы как в экономической, так и в социальной сфере. Благоприятные показатели экономического роста достигались в основном благодаря экспорту природных ресурсов. По остальным макроэкономическим показателям Мексика сильно отставала от той же Аргентины. Микроэкономический анализ данных по различным секторам производства указывает на их неразвитость и на симптомы «голландской болезни»⁷². Модернизация инфраструктуры и повышение уровня жизни населения затронули в основном северо-восточную часть страны — наиболее богатую природными ресурсами и граничащую с США. Все это наряду с коррумпированностью режима создало в стране внутреннее напряжение, приведшее в конце концов к революции 1910 г.

Революция, начавшаяся как протест против диктатуры Диаса, переросла в гражданскую войну с участием многих сторон, включая США и Германию. Каждая сторона стремилась установить контроль над рентными поступлениями, в частности, физически контролируя районы добычи полезных ископаемых⁷³. Это стремление получило дополнительный стимул из-за появления в экономике Мексики нового направления. Речь идет о нефти. Рисунки 6.3 и 6.4 демонстрируют, насколько стремительно росла роль этого фактора.

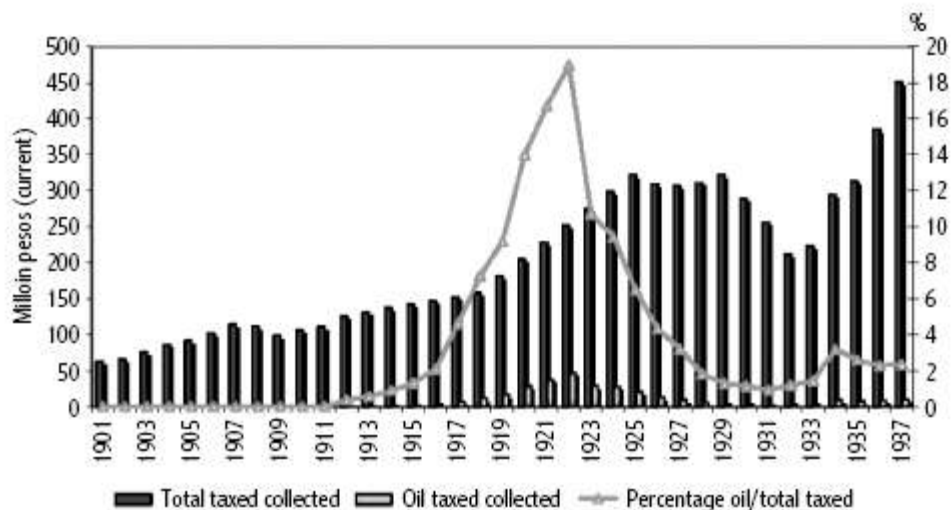
⁶⁹ *Marshal C.* The Experience of Banamex: French Bankers and Banking Models in Mexico, 1884—1900. Paper prepared for Session 102 of the XIV IEHA World Congress. Helsinki, August, 2006.

⁷⁰ *Perry G.E., Lypez J.H., Maloney W.F. & et. al.* (2006). Poverty Reduction and Growth: Virtuous and Vicious Cycles. Washington, DC: The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank. P. 148.

⁷¹ *Desarrollo Economico*. Retrieved on 2007-02-17.

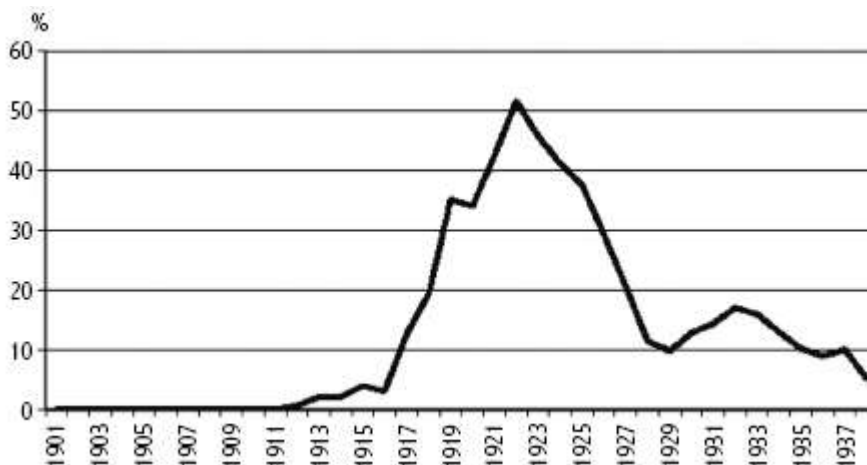
⁷² *Luis A.V. Catão.* Mexico and export-led growth: the Porfirian period revisited // *Cambridge Journal of Economics*. 1998. Vol. 22. N 1. P. 59—78.

⁷³ *Mason J.* *Hart* Revolutionary Mexico: The Coming and Process of the Mexican Revolution. University of California Press, 1997.

Источник: Rubio Varas M.d.M. Appendix C: Fiscal Obligation (M.d.M. Rubio Varas, 2002).

Рис. 6.3. Налоги от нефти как процент общих налоговых сборов⁷⁴

Источник: Rubio Varas M.d.M. Appendix B: 'Export Dependence Series' in (M.d.M. Rubio Varas, 2002).

Рис. 6.4. Доходы от экспорта нефти как процент общих экспортных доходов⁷⁵

Впервые налог на добычу и экспорт нефти был введен в 1912 г.⁷⁶ После принятия Конституции 1917 г. правительство получило право монопольно владеть государственными недрами. В этот период Мексика становится одним из крупнейших (вторым после США) мировых поставщиков нефти (рис. 6.5)⁷⁷. Практически вся добытая нефть шла на экспорт⁷⁸. Соответственно росли поступления (нефтяная рента) в бюджет.

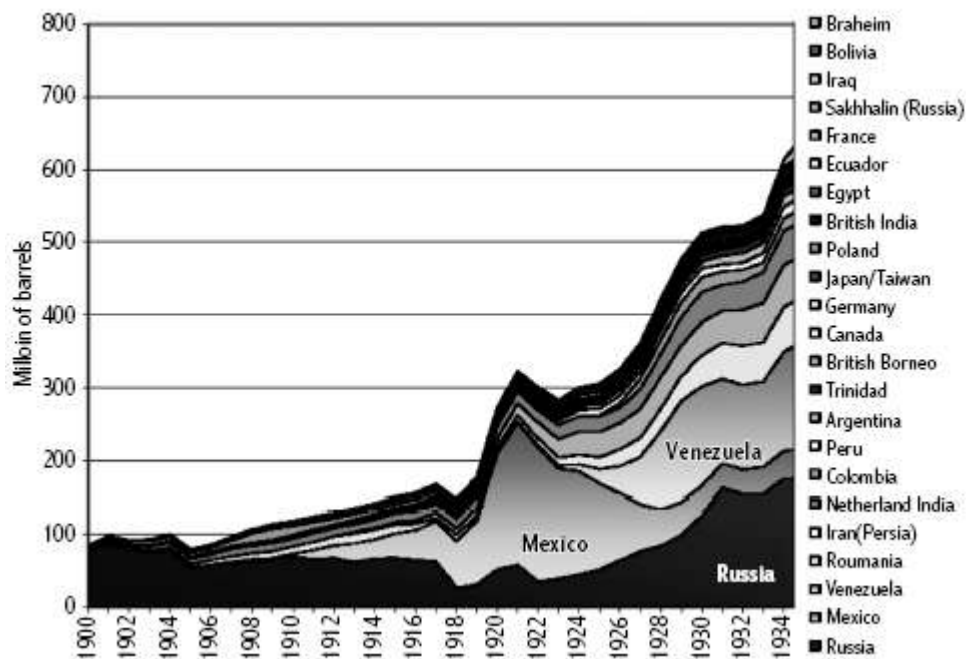
⁷⁴ Rubio Varas M.d.M. Towards Environmental Historical National Accounts for oil Producers: Methodological Considerations and Estimates for Venezuela and Mexico over 20th Century (PhD, London School of Economics, 2002), Appendix C.

⁷⁵ Rubio Varas M.d.M., 2002. Appendix B.

⁷⁶ Rippy M. Oil and The Mexican Revolution. Leiden, 1972. P. 137.

⁷⁷ Rubio Mar. Oil and Economic in Mexico, 1900—1930 // UPF Economics & Business Working Papers. May 2003. N 690. P. 8.

⁷⁸ Ibid. P. 3.

Источник: Rubio Mar, 2003.

Рис. 6.5. Мировое производство нефти вне границ США, 1900—1936

Однако с принятием Конституции, ставшим важным этапом в процессе формирования новых политических институтов, борьба за власть в государстве не завершилась. После нескольких лет стабильности Мексику снова потрясла череда войн, переворотов и политических убийств⁷⁹. Они прекратились только в 1929 г., с созданием Институционально-революционной партии (ИРП) и превращением мексиканской политической системы в однопартийную.

Система, созданная ИРП и президентом Л. Карденасом⁸⁰, просуществовала почти без изменения до середины 1980-х гг. Анализ этой системы показывает ее сильное сходство с аналогичными образованиями в Венесуэле и Израиле, но ей присущи и некоторые отличительные черты.

Первым важным свойством системы была ее способность обеспечивать стабильность правящей элиты независимо от результатов выборов. В Израиле Рабочая партия достигала этого результата, формируя коалиции, куда могла войти почти любая партия, что уничтожало стимул к оппозиционным действиям⁸¹. В Венесуэле статус-кво обеспечивал упомянутый выше Парламентский комитет с постоянным составом.

Мексиканский вариант ближе к израильскому (или, с учетом фактора времени, израильский вариант ближе к мексиканскому), но с поправкой на однопартийную систему. Все президенты страны принадлежали к ИРП, но в соответствии с Конституцией менялись каждые шесть лет. Новый президент мог принадлежать как к правому, так и к левому крылу партии. Таким образом, все группировки получали стимул оставаться под одной крышей. Разумеется, кандидатуру будущего президента выбирала партийная верхушка, часто действующий президент назначал себе преемника⁸².

⁷⁹ Haber S.H., Mauer N. Razo A. When law does not Matter: The Rise and Decline of the Mexican Oil Industry // The Journal of Economic History. 2003. 63 (1). P. 4—5.

⁸⁰ Лазарро Карденас — президент Мексики с 1934 по 1940 г.

⁸¹ См., например, данные о составе коалиции на официальном сайте Кнессета <http://knesset.gov.il/govt/heb/GovtByNumber.asp>.

⁸² Мау, Яновский, Жаворонков и др., 2007.

Стабильность власти обеспечивалась также тотальным контролем над всеми источниками влияния, включая исполнительную и судебную власть. Армия имела представителей в военном отделении партии⁸³. Телевидение принадлежало двум семьям крупных партийных функционеров ИРП. Права собственности не были четко закреплены в Конституции, что усиливало зависимость частных предпринимателей от партийных функционеров⁸⁴.

Контроль над источниками рентных поступлений полностью перешел в руки правительства. В 1938 г. президент Л. Карденас национализировал нефтеперерабатывающую отрасль. Мексиканское правительство получило монопольное право на добычу, производство, очистку и продажу нефти и газа, а также на изготовление и продажу основных нефтехимикатов⁸⁵.

Режим, созданный ИРП, можно назвать стандартным для рентной экономики. Парадокс, однако, состоит в том, что к моменту создания режима Мексика уже не была таковой. Долгий период нестабильности сыграл свою роль. Как можно увидеть на рис. 6.3—6.5, падение мексиканской нефтедобычи было столь же резким, как и ее взлет. К 1938 г. доля нефтяных доходов в экспорте упала до приблизительно 5% (с 50% в 1922 г.), а в налоговых сборах — до 2% (с 19% в 1922 г.).

В дальнейшем зависимость Мексики от нефтяной ренты продолжает снижаться, а к 1957 г. страна становится нетто-импортером нефти⁸⁶. Экономический рост Мексики в период с 1930 по 1970 г., получивший название «мексиканское чудо», не связан с рентными поступлениями⁸⁷.

В 1973—1974 гг. произошел новый нефтяной бум, совпавший с открытием новых месторождений в Мексике⁸⁸. Страна вновь получила огромный и, казалось, неиссякаемый источник доходов.

Как видно из табл. 6.2, второе превращение экономики Мексики в рентную прошло быстрее, чем в начале века, а зависимость от рентных поступлений стала еще более тотальной.

Таблица 6.2

Доходы от экспорта нефти как процент общих экспортных доходов

Год	%
1970	2,7
1975	15,8
1980	63,1
1985	66,6

Источник: IMF, International Financial Statistics.

⁸³ Первоначально в ИРП было четыре отделения — крестьянское, рабочее, народное и военное. <http://www.krugosvet.ru/articles/63/1006344/1006344a3.htm>.

⁸⁴ Мау, Яновский, Жаворонков, Затковецкий и др., 2007.

⁸⁵ По данным Федерального исследовательского отдела при библиотеке Конгресса, приведенным на сайте <http://www.country-studies.com/mexico/oil.html>.

⁸⁶ <http://www.country-studies.com/mexico/oil.html>.

⁸⁷ Гайдар, 2006.

⁸⁸ <http://www.country-studies.com/mexico/oil.html>.

Источник: IMF, International Financial Statistics. Supplement on Government Finance (1986).

Рис. 6.6. Структура государственных расходов правительства Мексики

Дальнейшая политика ИРП идеально накладывается на приведенные выше модели поведения правительства, получившего ренту. Увеличение дохода приводит к изменению приоритетов — увеличивается поставка общественных благ, правительство финансирует множество проектов, направленных на «покупку» избирателя (рис. 6.6). Процент государственных расходов, выделяемых на потребление, имеет устойчивую тенденцию к росту⁸⁹. Рост капиталовложений в период между 1977 и 1980 гг. на самом деле оптический обман. Речь идет о резком скачке инвестиций в разведку и добычу нефти. Инвестиции в остальные отрасли уменьшались (табл. 6.3).

Таблица 6.3

Структура расходов правительства Мексики в области капиталовложений

Год	Нефть, %	Другие отрасли, %
1975	20,5	79,5
1978	51,9	48,1
1979	52,9	47,1
1980	49,1	50,9
1981	55,9	44,1

⁸⁹ Мау, Яновский, Жаворонков и др., 2007. С. 92.

Источник: Usui N. Dutch Disease and Policy Adjustments to the Oil Boom: a Comparative Study of Indonesia and Mexico // Resources Polio. 1997. Vol. 23. N 4. P. 156.

Дальнейший сценарий также не отличался от стандартного пути развития рентных экономик — масштабные проекты требовали крупных заимствований за границей, внешний долг Мексики рос (табл. 6.4), экономика начала разваливаться, а падение цен на нефть развалило ее окончательно. Однако в контексте данного анализа важно отметить, что нефтяная рента и связанная с ней «покупка» избирателей дала режиму ИРП возможность удержаться на прежнем уровне закрытости и не делегировать избирателям каких-либо дополнительных полномочий.

Таблица 6.4

Внешний долг Мексики

Год	Внешний долг, % ВВП	Краткосрочные займы, % импорта
1978	12,0	33,5
1980	14,1	48,9
1981	15,5	55,9
1982	24,8	76,7

Источник: IMF, International Financial Statistics.

Кратко подводя итоги анализа трех периодов рентной зависимости Мексики, нужно отметить их несомненное сходство. На раннем этапе ее истории доходы от продажи полезных ископаемых привели к установлению диктатуры Диаса, более 30 лет «покупавшего» спокойствие в стране усиленной поставкой общественных благ. В начале XX в. появление «нефтяных денег» повлияло на процесс трансформации либерального режима, провозглашенного после революции 1910 г., в закрытую полудиктатуру ИРП. В 1970—1980 гг. Мексика вновь стала обладательницей «нефтяных денег». И снова «покупка» избирателей в огромных масштабах сохранила недемократический режим ИРП в полном соответствии с предложенной моделью.

Норвегия

В отличие от стран, описанных выше, в Норвегии формирование политических институтов завершилось задолго до появления стабильных рентных доходов. Действующая Конституция вступила в силу в 1814 г. Глава государства — король. Исполнительная власть принадлежит королю, который формально наделен значительными полномочиями: он назначает правительство, возглавляет Вооруженные силы, объявляет войну, заключает мир, пользуется правом отлагательного вето и т.п. Однако исполнительную власть в стране фактически осуществляет Государственный совет (правительство), а король лишь подтверждает своей подписью его решения. Стортинг (парламент) — высший орган законодательной власти страны — состоит из 165 депутатов, избираемых на 4 года на основе пропорциональной системы, и не может быть распущен досрочно.

Судебная система в ее нынешнем виде является наследницей тинга (народного собрания) и поэтому характеризуется низкой кодификацией законов и признает обычаи важным источником права. Назначение на судебские должности в общие суды и в большинство специальных судов производится королем по представлению министра юстиции пожизненно, но с обязательным выходом на пенсию по достижении 70 лет. В целом институты Норвегии характеризуются стабильностью и устойчивостью.

Политическая жизнь Норвегии тоже устойчива. Крупнейшей политической партией Норвегии с 1930 г. является Норвежская рабочая партия (НРП). Она основана в 1887 г. как социал-демократическая партия и

опирается в первую очередь на профсоюзное движение. В 1919—1923 гг. она входила в Коммунистический интернационал, но вышла из него из-за несогласия с централизмом и навязыванием большевистской тактики. После этого НРП стала вновь действовать как социал-демократическая партия. Она входит в Социалистический интернационал. Идеологическая основа НРП — демократический социализм. В 1945—1963 гг. партия непрерывно находилась у власти. В дальнейшем она обычно формировала правительства, исключая несколько кратких периодов, когда у власти находились правоцентристские коалиции (1963, 1965—1971, 1972—1973, 1981—1986, 1989—1990).

Рынок средств массовой информации также отличается стабильностью — левоориентированное государственное телевидение и радиовещание, охватывающее 90% аудитории, и широкий разброс мнений в печатных изданиях.

Точную дату превращения экономики Норвегии в рентную назвать трудно. Однако можно сказать, что нефтяная рента стала приобретать значение для экономики страны в начале 1980-х гг. (табл. 6.5).

Таблица 6.5

Статистика нефтегазодобывающей промышленности Норвегии*

Год	Добыча			Потребление			Мощность НПЗ, млн т в год
	газа		нефти	газа		нефти	
	млрд куб. м	млн т.э.н.	млн т	млрд куб. м	млн т.э.н.	млн т	
1970	—	—	—	—	—	8,3	9,7
1971	—	—	0,3	—	—	8,2	8,1
1972	—	—	1,6	—	—	8,5	8,7
1973	—	—	1,6	—	—	8,6	8,4
1974	—	—	1,7	—	—	7,7	8,4
1975	—	—	9,2	—	—	8,0	12,9
1976	—	—	13,8	—	—	9,0	12,9
1977	3,1	2,8	13,6	0,4	0,3	8,9	13,2

1978	14,9	13,4	17,0	0,6	0,6	9,3	13,0
1979	21,6	19,4	18,8	0,7	0,7	9,6	13,0
1980	26,0	23,4	24,5	0,8	0,7	9,3	12,5
1981	26,2	23,5	23,5	1,0	0,9	8,7	12,0
1982	25,5	23,0	24,5	1,0	0,9	8,3	12,0
1983	25,8	23,2	30,5	1,2	1,1	8,3	12,0
1984	27,4	24,6	34,7	1,1	1,0	8,6	12,0
1985	25,3	22,8	38,3	1,2	1,1	9,0	12,0
1986	27,0	24,3	42,5	1,3	1,2	9,3	12,0
1987	29,7	26,7	49,5	1,4	1,3	9,7	12,0
1988	29,8	26,8	56,2	1,8	1,6	9,2	10,5
1989	30,8	27,7	74,5	2,0	1,8	9,0	13,0
1990	27,8	25,0	81,7	2,1	1,9	9,2	14,6
1991	27,3	24,6	93,3	2,4	2,2	8,7	14,4

1992	29,4	26,5	106,9	2,6	2,3	9,0	14,4
1993	28,9	26,0	114,1	2,7	2,4	9,5	14,4
1994	30,8	27,7	129,4	2,9	2,6	9,6	14,4
1995	31,2	28,0	138,5	2,9	2,7	9,6	14,9
1996	41,0	36,9	155,5	3,2	2,9	10,1	15,4
1997	46,7	42,0	156,9	3,7	3,3	10,3	15,4
1998	47,8	43,0	150,0	3,8	3,4	10,0	15,5
1999	51,0	45,9	149,4	3,6	3,2	10,1	16,1
2000	54,0	48,6	160,5	4,0	3,6	9,4	15,9
2001	57,5	51,7	162,1	4,5	4,0	9,7	15,2

* Составлено по: Official Energy Statistics from the U.S. Government. Washington: Energy Information Administration, 1970—2001.

За два с половиной десятилетия, прошедших с появления в норвежской экономике сырьевой ренты, в политической системе не произошло заметных изменений. В Конституцию Норвегии не было внесено важных дополнений, вес основных игроков на политической сцене значительно не поменялся, судебная система не стала более/менее независимой, никто не усилил/не ослабил контроль над прессой.

Некоторые важные изменения произошли среди крупных партий, участвующих в выборах в Стorting. Прежде всего следует отметить размывание идеологической позиции крупнейшей консервативной партии «Хёйре». Мотивы размывания понятны: в ситуации, когда государство в состоянии позволить себе поставку большого количества общественных благ, не подвергая угрозе кошелек избирателя, нет смысла отстаивать

консервативные ценности. Таким образом, конкуренция на политическом рынке резко снизилась, потому что две крупнейшие партии фактически свели до минимума различия между собой.

Другое изменение связано с отношением к конкурентам, точнее, к Партии прогресса — консервативной партии с ярко выраженной идеологией (рыночная экономика, сокращение налогов, ограничение государственных расходов, борьба с международным терроризмом). Впервые в истории Норвегии столь влиятельная партия (22% голосов на выборах 2005 г.) не рассматривается как легитимный партнер по коалиции. Представители истеблишмента характеризуют ее как фашистскую, что не соответствует истине. В данном случае речь идет об организованной травле идеологического противника — явлении, характерном для авторитарных режимов. Несложно проследить связь между нападками на Партию прогресса и рентой, ведь, требуя сокращения государственных расходов, «новые консерваторы» ставят под угрозу существующий уровень власти, сконцентрированной в руках истеблишмента.

Подытоживая изложенное выше, можно сказать, что Норвегия представляет собой наиболее удачную иллюстрацию к утверждению: рента снижает уровень демократии в государстве, но величина ущерба зависит от степени институциональной зрелости страны. В Норвегии как государстве, обладающем зрелыми и устойчивыми институтами, этот ущерб оказался не очень значительным (по крайней мере, в среднесрочной перспективе), однако все же неотрицательным — как и утверждала модель.

Важно отметить, что сырьевая рента в качестве источника, размывающего эффективные институты и разумную политику, является хотя и наиболее распространенным, но не единственным. Очевидным исключением является следующий пример.

Израиль⁹⁰

Процесс становления государственных институтов современного Израиля отличен от аналогичного процесса в других странах. Наиболее полно его своеобразие раскрывает фраза И. Зангвилла: «Страна без народа для народа без страны»⁹¹. Сионистское движение со дня основания ставило целью восстановить еврейское государство в «земле Израиля» и собрать в нем еврейский народ. Таким образом, государственные институты начали создаваться, когда большая часть еврейского народа находилась за пределами Израиля. Соответственно все источники финансовых поступлений (как и электоральная база) этих институтов также не были связаны с населением страны.

Высшим органом власти сионистского движения являлась Всемирная сионистская организация (ВСО). Ее руководство выбирал Всемирный еврейский Конгресс⁹². Исполнительный орган ВСО — Еврейское агентство в земле Израиля (ЕА) — выступал своеобразным правительством еврейского населения в подмандатной Палестине. Его функции помимо прочего включали:

представительство еврейского населения земли Израиля перед мандатными властями, другими странами и еврейскими общинами всего мира;

сбор средств на строительство еврейского государства;

руководство местными советами в земле Израиля;

управление системой образования;

---

⁹⁰ Среди постсоветских стран есть несколько государств, в которых поступления денег из-за границы играют значимую роль, — Армения, Молдова, Киргизия. Такие ресурсы почти не связаны с деятельностью правительств (достаточно просто не препятствовать свободному выезду и получению переводов из-за рубежа). В Армении значительная часть этих ресурсов попадает под контроль государства. Такие «незаработанные» деньги создают у власти стимулы, как и у властей Израиля. Однако поскольку период, в течение которого наблюдается такая ситуация, относительно непродолжителен, в данной работе мы не останавливаемся на случае Армении.

⁹¹ <http://www.ynet.co.il/yaan/0,7340,L-12998-PreYaan,00.html>.

⁹² Электронная Еврейская энциклопедия, статья «Сионистская организация», <http://www.eleven.co.il/article/13821/?zahav=true>.

управление главным раввином⁹³.

Поскольку основной целью ЕА было создание государства, то именно оно занималось еврейской эмиграцией в Израиль, а также контролировало всю крупную экономическую деятельность как с помощью финансирования предприятий, так и через Объединение рабочих (профсоюз), также управляемое ЕА⁹⁴.

Остановимся на некоторых вопросах более подробно. Во-первых, еврейская эмиграция в Израиль практически на протяжении всего периода британского мандата была ограничена⁹⁵. Поэтому приезд новых жителей мог осуществляться либо легально, согласно квотам, выданным британскими властями Еврейскому агентству, либо нелегально — по каналам, созданным тем же Еврейским агентством. Подобная ситуация оставляла в руках руководства ЕА все возможности для выбора наиболее удобных для себя кандидатов на звание будущих жителей Израиля.

Второй момент связан с представительством еврейского населения перед британскими властями. В ситуации, когда в стране постоянно тлел очаг напряженности, руководству ЕА не составляло труда представить оппозицию как врага британского мандата (тем более что часто это соответствовало действительности) и, имея своеобразную индульгенцию, даваемую статусом легитимного партнера, наблюдать, как англичане уничтожают его конкурентов (а иногда и помогать им в этом, усиливая свои позиции сразу в двух направлениях)⁹⁶.

Таким образом, институты Израиля, созданные практически только за счет ренты от еврейской диаспоры, отличались критически низким уровнем демократии. К моменту провозглашения государства вся власть в нем фактически принадлежала организации, назначаемой из-за границы. Жители страны не определяли практически ничего, но зато являлись объектами заботы системы во всех областях жизни — в работе, обучении, здравоохранении и т.д.

Провозглашение государства теоретически должно было изменить сложившийся баланс сил. Поддержка Запада и американской диаспоры диктовала необходимость придания стране демократического характера. Основная часть полномочий ЕА перешла к правительству, избираемому на всеобщих выборах. Это должно было означать перелом в ситуации в стране или хотя бы начало процесса демократизации.

На практике институты рентной экономики предотвратили повышение уровня демократии. Руководитель ЕА Д. Бен-Гурион стал главой правительства. Те же люди (как правило, представители Рабочей партии) продолжали находиться у власти. Средства массовой информации, контролируемые правительством, игнорировали существование оппозиционных партий, не давая им, таким образом, представить свою позицию. В 1948 г. из армейского командования были исключены все офицеры, представлявшие движения, оппозиционные «Хагане» — вооруженной организации Рабочей партии⁹⁷. Кроме того, контрразведка ШАБАК осуществляла слежку за лидерами оппозиции.

При этом государство проводило щедрую социальную политику, включавшую не только продажу продовольствия по стабильным ценам, бесплатное дошкольное и школьное образование и субсидированное здравоохранение, но и создание искусственных рабочих мест в рамках широкомасштабных государственных проектов⁹⁸.

Вся эта помощь четко связывалась с профсоюзом (контролируемым Рабочей партией), правительством (во главе с Рабочей партией) и ЕА, которая и в начале 1950-х гг. продолжала оставаться практически всемогущей организацией. Компактные и легкоуправляемые группы населения (арабы и ультраортодоксальные евреи) получали дополнительную поддержку, напрямую продавая мандаты представляющих их партий

⁹³ Электронная Еврейская энциклопедия, статья «Еврейское агентство», <http://www.eleven.co.il/article/11523>.

⁹⁴ Электронная Еврейская энциклопедия, статья «Хистадрут ха-’овдим ха-клатит ха-хадаша», <http://www.eleven.co.il/article/11199>.

⁹⁵ British White Paper of June 1922. <http://www.yale.edu/lawweb/avalon/mideast/brwh1922.htm>.

⁹⁶ <http://www.etzel.org.il/ac07.htm>.

⁹⁷ www.etzel.org.il/ac20.htm.

⁹⁸ *Мау, Яновский, Жаворонков и др., 2007. С. 117.*

правительственной коалиции. Остальное население отдавало свои голоса добровольно, принимая ситуацию, когда ограниченная группа людей берет на себя обязанность заботиться обо всех нуждах граждан и право определять за них политику государства.

В дальнейшем уровень рентной зависимости Израиля неуклонно снижался благодаря быстрому экономическому росту и сокращению зарубежных дотаций. Однако институты, созданные для обеспечения стабильности существования рентной экономики, продолжают функционировать. Политическая нестабильность, характеризующая Израиль в последние 30 лет, является во многом отражением этого противоречия.

Отметим сходство между Израилем и Мексикой. В обоих государствах режимы опирались на рентные поступления и политические институты призваны были сохранить контроль правящей группы над их источником. В обоих государствах уровень рентной зависимости неуклонно снижался и в конце концов перестал играть заметную роль в экономике. Неготовность и/или нежелание власти адаптировать существующие институты к новому балансу сил привела к политической нестабильности как в Мексике, так и в Израиле.

Таким образом, изначально население Израиля было объектом получения социальных благ, но не источником власти. Институты, создание которых пришлось именно на этот период, отражают такое положение. Израильский случай подтверждает сценарий, предлагаемый моделью, — появление ренты на начальном этапе формирования государственных институтов предполагает минимизацию уровня демократии при повышенной поставке социальных благ.

Выводы и направление дальнейших исследований

Возможность власти получать неконтролируемые обществом доходы, к тому же не зависящие от качества инвестиционного климата, дает ей большую свободу. Налогоплательщик при известном уровне организации может попытаться навязать правительству в обмен на деньги свои условия (история показывает, что зачастую успешно). С собраний представителей тех, кто деньгами и вооруженной силой обеспечивал мощь государства⁹⁹, начиналась история многих современных парламентов.

Отсутствие у власти необходимости просить подданных о финансовой поддержке взамен гарантий и привилегий делает силовое превосходство власти перед каждым рыночным агентом (подданным) практически ничем не скомпенсированным¹⁰⁰. Если же доходы правительства позволяют ему «подкупать» граждан, угроза бесконтрольности власти вполне в состоянии уничтожить уже существующие институты демократии. Об ограничениях, способных гарантировать универсальные надежные гарантии для бизнеса независимо от воли властителя, в таких условиях не может быть и речи.

В период ресурсного изобилия страна во главе с добрым и щедрым правителем может казаться весьма привлекательным местом до тех пор, пока ресурсы не иссякнут, оставив за собой негодные институты и сведенные на нет навыки граждан к самоуправлению и нормальному бизнесу.

В отдельных случаях правитель — если он «стационарный бандит» с добрыми намерениями и развитым здравым смыслом — может предоставлять и поддерживать личные гарантии. Однако предположение Олсона¹⁰¹ о том, что такие гарантии не отличаются надежностью, подтверждается многочисленными примерами из истории.

Исследованные случаи проиллюстрировали верность базового предположения модели о том, что размер ущерба, который наносит рентная экономика демократии, зависит от степени институционального развития государства к моменту получения ренты. В Израиле и Венесуэле институты находились в зачаточном состоянии или только формировались, поэтому демократии в этих государствах был нанесен сильнейший удар. В Норвегии они были относительно развиты — поэтому большого ущерба рента не нанесла.

---

⁹⁹ Его способность обеспечивать общественное благо «оборона».

¹⁰⁰ Если только гражданин не располагает сопоставимой военной силой, что маловероятно.

¹⁰¹ *Olson, 2000.*

Анализ показал, что существует влияние стран — поставщиков ренты на уровень демократии в Израиле и СССР. Значительный интерес может представлять также дискуссия о влиянии третьего допущения модели (государство — монополист в поставке общественных благ) на уровень демократии в государстве.

Представленная простая модель иллюстрирует наличие взаимной заинтересованности избирателя и политических лидеров согласиться на «увеличение» поставки общественных благ гражданину в обмен на неучастие последнего в управлении государством. Только развитые ранее демократические институты, ограничивающие возможности волонтаристского перераспределения влияния, способны ослабить этот стимул.

Как мы покажем в гл. 13, посвященной институту всеобщего избирательного права, отказываться от свобод в обмен на ренту имеют склонность также иммигранты, привлекаемые щедрыми социальными программами. Приток иммигрантов, привлеченных главным образом такими программами, чреват рядом проблем, которые будут рассмотрены в следующей главе.

Литература

- Гайдар Е.* Гибель империи. Уроки для современной России // Российская политическая энциклопедия. М., 2006.
- Гильфасон Т.* Природа, энергия и экономический рост // Экономический журнал ВШЭ. 2001. Т. 5. № 4.
- Гуриев С., Сонин К.* Экономика «ресурсного проклятия» // Вопросы экономики. 2008. № 4.
- Мау В., Яновский К., Жаворонков С. и др.* Институты закрытых демократий: попытка сравнительного анализа. Научные труды. № 107Р. М.: ИЭПП, 2007.
- Мау В.А., Жаворонков С.В., Черный Д.С. и др.* Дерегулирование российской экономики: механизм воспроизводства избыточного регулирования и институциональная поддержка конкуренции на товарных рынках. Научные труды. № 48. М.: ИЭПП, 2002.
- Мау В.А., Жаворонков С.В., Яновский К.Э.* Импортированные институты в странах с переходной экономикой: эффективность и издержки. Научные труды. № 68. М.: ИЭПП, 2003.
- Мау В.* Уроки Испанской империи, или Ловушки ресурсного изобилия // Экономика переходного периода: сборник избранных работ. 2003—2009 / Институт переходного периода. М.: Дело: АНХ, 2010.
- Тамбовцев В., Валитова Л.* Ресурсная обеспеченность страны и ее политико-экономические последствия // Экономическая политика 2007. № 3 (7).
- Anderson L.* The State in the Middle East and North Africa // Comparative Politics, 20. October 1987.
- Barro R.J.* Determinants of Democracy // Journal of Political Economy. 1999. Vol. 107. N S6.
- Beblawi H.* The Rentier State in the Arab world // Giacomo Luciani (ed.). The Arab State. Berkeley: University of California Press, 1990.
- Catão Luis A.V.* Mexico and Export-Led Growth: the Porfirian Period Revisited // Cambridge Journal of Economics. 1998. Vol. 22. N 1.
- Delacroix J.* The Distributive State in the World System // Studies in Comparative International Development, 15 (Fall 1980).
- Canache D., Kulisheck M.R.* Reinventing Legitimacy: Democracy and Political Change in Venezuela // Greenwood Publishing Group, 1998.
- Desarrollo Económico. Retrieved on 2007-02-17.
- Diamond D.L., Linz J.J., Lipset S.M. (eds.)*. Democracy in Developing Countries (Boulder, Colo.: Lynne Rienner, 1988); *Inglehart R.* Modernization and Postmodernization. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- O'Donnell G., Schmitter Ph.C., and Whitehead L. (eds.)*. Transitions from Authoritarian Rule: Prospects for Democracy. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.
- Egorov G., Guriev S., Sonin K.* Media Freedom, Bureacratic Incentives and the Resouse Curse. University of California, Berkely. Paper WP2007³.
- Giladi D.* Economy of Israel: First Years. www.education.gov.il.
- Haber S.H., Mauer N., Razo A.* When Law Does Not Matter: The Rise and Decline of the Mexican Oil Industry // The Journal of Economic History. 2003. 63. 1.
- Herb M. N* Representation without Taxation? Rents, Development and Democracy. Georgia State University, December 3, 2003.

- Karl T.* The Paradoxes of Plenty: Oil Boom and Petro-States. Berkley, CA: University of California Press, 1977.
- Lagoven S.A.* Venezuela and the Oil Pioneers, 1993.
- Kosenko K.* Formation of Business Group in Israel and Their Impact on the Companies and the Economy. Discussion Paper Series 2008.02. Bank of Israel Research Department, 2008.
- Mahdavy H.* The Pattern and Problems of Economic Development in Rentier States: The Case of Iran // Studies in the Economic History of the Middle East / Ed. M.A. Cook. Oxford: Oxford University Press, 1970.
- Marshal C.* The experience of Banamex: French Bankers and Banking Models in Mexico, 1884—1900. Paper prepared for Session 102 of the XIV IEHA World Congress. Helsinki, August 2006.
- Mason J.* Hart Revolutionary Mexico: The Coming and Process of the Mexican Revolution. University of California Press, 1997.
- Monaldi F., Gonz6lez R.A. at all.* Political Institutions, Policymaking Processes, and Policy Outcomes in Venezuela // Inter-American Development Bank, Latin American Research Network, Research Network Working Paper #R-507, January 2006.
- Perry G.E., Lypez J.H., Maloney WF. & et al.* (2006). Poverty Reduction and Growth: Virtuous and Vicious Cycles. Washington, DC: The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank.
- Poniatowska E.* Massacre in Mexico. University of Missouri Press, 1991.
- Przeworski A., Limongi F.* Modernization: Theories and Facts // World Politics 49. January 1997.
- Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J.A., Limongi F.* What Makes Democracies Endure? // Journal of Democracy 7 (January 1996); *Idem.* Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950—1990. N.Y.: Cambridge University Press, 2000.
- Ricardo D.* On the Principles of Political Economy and Taxation. L.: John Murray, 1921.
- Rippy M.* Oil and The Mexican Revolution. Leiden, 1972.
- Ross M.L.* Does Oil Hinder Democracy? // World Politics 53 (April 2001).
- Rubio Mar.* Oil and Economic in Mexico, 1900—1930 // UPF Economics & Business Working Papers. May, 2003. N 690.
- Rubio Mar.* Towards Enviromental Historical National Accounts for oil Producers: Methodological Considerations and Estimates for Venezuela and Mexico over 20th Century. PhD: London School of Economics, 2002.
- Sachs J., Warner A.* Natural Resource Adundance and Economic Growth // NBER Working Paper Series. N 5398. Cambridge MA, 1998.
- Tsui K.K.* More Oil, Less Democracy?: Theory and Evidence from Crude Oil Discoveries. University of Chicago (Job Market Paper). December 29, 2005.
- Wiktorowicz Q.* The Limits of Democracy in the Middle East: The Case of Jordan // The Middle East Journal, 53. Autumn 1999.
- Yanovsky K., Zatscovecky I.* Sourcer of the Leftist's Governing Position in the Israel. Lecture on the Conference in Memory of «Altalena». June 2007.

Электронные источники

Госдепартамент США. <http://www.state.gov/>.

Йельская юридическая школа. <http://www.yale.edu/>.

Энциклопедия Кольер. <http://www.diclib.com/cgi-bin/>.

Электронная Еврейская энциклопедия. <http://www.eleven.co.il/>.

Энциклопедия «Едиот Ахронот». <http://www.ynet.co.il/yaan/>.

Сайт-мемориал еврейской подпольной организации «ЭЦЕЛЬ». <http://www.etzel.org.il/>.

Официальный сайт Кнессета. <http://knesset.gov.il/>.

Глава 3 Со своим уставом... Иммиграция: выбор стратегии адаптации

*Нашел здесь все, для чего стоит жить, — здесь любовь, мой дом и двор,
Да что там, я здесь, как в пиве хмель, я ирландский волонтер...//*

*Поднимем бокалы и выпьем, друзья, выпьем без разговоров
За эту страну, что нас приняла, и ирландских волонтеров.*

*Мы любим свободы славный край, чей закон и обычай нам дорог...
За свободу и этот закон — на бой, ирландские волонтеры!¹⁰²*

Из песни ирландских добровольцев-федералистов времен Гражданской войны в США

Состояние проблемы

Современные подходы к иммиграционной политике в развитых странах (старых правовых демократиях) не в состоянии предотвратить — а иногда и провоцируют — обострение проблемы долгосрочной адаптации иммигрантов. Глубокая дезадаптация иммигрантов ведет к регулярным проблемам с законом вплоть до мятежей. Действия иммигрантов могут ограничиваться вмешательством во внутренние дела принимающей страны¹⁰³ или даже приводить к массовым беспорядкам, как в Париже в 2005 г.

Современная ситуация — полная противоположность осознанному выбору эмигрантов XIX — начала XX в. в США, когда новые жители четко осознавали причины своего вынужденного отъезда с родины, признавали безусловное превосходство законов и порядков принимающей страны, испытывали к этой стране уважение или, по крайней мере, были ей лояльны.

Режим правовой демократии опирается на ряд важных гражданских навыков и воспроизводится благодаря этим навыкам. Навыки кооперативного поведения, решения проблем и согласования интересов в рамках власти закона и демократических процедур — важный компонент человеческого капитала. Это умение взаимодействовать с окружающими с минимальными издержками как на личном уровне, так и в рамках «коллективного выбора» требует не только обучения. Такие навыки существовали задолго до того, как соответствующие курсы начали внедрять в школьные программы. Для успешного усвоения этих навыков требуется позитивный опыт многих поколений по «эксплуатации» соответствующих институтов. Массовый наплыв не склонных к адаптации (к примеру, к ассимиляции) иммигрантов из стран, где власть основывается главным образом на авторитете грубой силы, размывает эту основу для воспроизводства «мягкой инфраструктуры» правовой демократии и власти закона.

Консерватор Э.Шолефилд (Sholefield, 2007) обращает внимание на то, что иммигрант снижает благосостояние населения старых демократий, вкладывавшего веками в инфраструктуру, пользуясь этим накопленным капиталом как правило бесплатно.

Л.Азарнерт (Azarnert, 2010) указывает на проблему снижения доли образованных, квалифицированных работников (с наблюдаемой низкой фертильностью) при массовой иммиграции неквалифицированных работников с высокой фертильностью.

¹⁰² Перев. наш.

¹⁰³ Как это было во время кампании 1994 г. в связи с референдумом штата Калифорния по предложению № 187 (попытка возложить часть издержек по социальному обслуживанию на граждан штата).

Классический либерал Г. Хоппе показал, как право собственности (и защита этого права от угрозы обесценения собственности) противостоит свободе иммиграции. Он подчеркивает, что свобода торговли несовместима со свободной иммиграцией, и, в частности, пишет: «...попустительство в иммиграционной политике и вследствие этого незащищенность американского и швейцарского населения от принудительной интеграции с иностранцами усугубляются тем, что размеры общественной собственности в обеих странах (как и в других странах с высоким уровнем зарплаты) весьма значительны, а суммы социальных пособий, финансируемых налогоплательщиками, высоки и продолжают увеличиваться. При этом иностранцы входят в число получателей, а приверженность политике свободной торговли, вопреки громким официальным речам, весьма далека от полноты и последовательности. Поэтому и в Швейцарии, и в США, и в большинстве других стран с высоким уровнем жизни общественный протест против политики в сфере иммиграции становится все более и более громким»¹⁰⁴.

Мы однако склонны полагать что главный "капитал" которым пользуется иммигрант принципиально иного свойства. Это законы и обычаи, сделавшие страну в которую стремятся иммигранты свободной и богатой. И именно этому капиталу они, в силу стратегии "сохранения своеобразия" пришельцев угрожают более всего.

Природу этой угрозы легко понять если вспомнить, что уважение к частной собственности – чужой и своей неотделимо от уважения личности собственника – чужой и своей. А также то, что далеко не все культуры поддерживают такое отношение к личности и собственности. Именно это, вероятно, имели в виду в своих знаменитых и яростно критикуемых работах про связь институтов и выживаемости населения европейского происхождения Асем-оглу и Робинсон (см. например Asemoglu et al, 2001). Институты не существуют без людей которые готовы их поддерживать и защищать (как минимум уважать).

Современные классические либералы в отличие от Хоппе, как правило, склонны отстаивать права индивида-пришельца, игнорируя многие институциональные последствия массовой иммиграции для "местного" индивида. Однако и они высказывают озабоченность, что одни вынуждены оплачивать «бонусы мультикультурализма» для других¹⁰⁵.

Э. Мейерс¹⁰⁶ делает попытку сравнительного анализа тенденций в иммиграционной политике ряда развитых стран. Описывая историю иммиграционной политики в США, он прежде всего отмечает регулярно воспроизводящуюся проблему нарастания антииммигрантских настроений в отношении групп, достаточно многочисленных и культурно и ценностно отличных от англосаксонской протестантской культуры (китайцы в период «золотой лихорадки» в Калифорнии). Впоследствии в большей или меньшей степени напряжение вызывали волны мигрантов из Ирландии, Японии, Восточной и Южной Европы.

До введения квот регулярно предпринимались попытки введения теста на грамотность, автоматически отсекавшего «нежелательные группы», перечисленные выше¹⁰⁷, а также подушевого налога (Head tax).

Долгое время традиции свободной иммиграции в сочетании с потребностями промышленности в дешевой рабочей силе перевешивали нарастающее напряжение в обществе и усиливающиеся антииммигрантские настроения. С конца 1890-х гг. вплоть до 1917 г. Конгресс неоднократно пытался провести комплекс антииммигрантских мер, но попытки блокировались или сенатом, или президентом. Заслуживает проверки гипотеза о том, что в период президентства В. Вильсона борьба против антииммигрантских законов основывалась на надеждах Демократической партии заполучить голоса иммигрантов. Однако в 1917 г. антииммигрантские настроения стали настолько сильными, что запрет Вильсона на проведение теста на грамотность был снят. В 1920-х гг., после прихода к власти республиканской администрации, и вовсе возобладала политика квотирования иммиграции. Усиливающиеся профсоюзы Демократической партии, требовавшие недопущения новых волн конкурентов, закрепили сложившийся баланс основных политических сил.

---

¹⁰⁴ Hoppe, 1998.

¹⁰⁵ <http://www.cepos.dk/publikationer/analyser-notater/analyseringlealle/artikel/multikulturalisme-og-integration/>.

¹⁰⁶ Meyers, 2004.

¹⁰⁷ Кроме ирландцев, владеющих английским языком.

В дальнейшем иммиграционная политика претерпевала конъюнктурные изменения, оставаясь в основе своей неизменной.

В годы «холодной войны» приоритет имели иммигранты, вырвавшиеся «из-за железного занавеса». В 1990-е гг. произошло заимствование у Канады и Австралии нового приоритета — инвесторов, приводящих капиталы и создающих рабочие места.

По мере ослабления профсоюзов и поиска новых союзников идеи опоры на новых иммигрантов вновь находят сторонников в рядах Демократической партии (глава суперведомства безопасности — Homeland Security Department Secretary — Дж. Наполитано заявляет о том, что нелегальная иммиграция не является уголовным преступлением¹⁰⁸).

В Великобритании начало поворота от свободной иммиграции к ограничительной было вызвано мощным притоком еврейского населения, бежавшего от погромов из Российской империи и пятикратно увеличившего еврейское население Соединенного Королевства за 20 лет до 1905 г. за счет притока бедных, малоквалифицированных, не знающих английского языка иммигрантов. Английские профсоюзы восприняли этих иммигрантов как серьезную угрозу и были среди инициаторов ограничения иммиграции.

Впоследствии крупные волны иммиграции были связаны с моральными и/или юридическими обязательствами королевства в отношении союзников (солдаты армии Андерса) и части населения бывших колоний. Рост иммиграции обострял реакцию законопослушного населения и приводил к ужесточению (в периоды консервативных правительств) иммиграционного законодательства.

Мейерс также подробно описывает динамику иммиграционного законодательства Германии и Нидерландов.

По итогам обзоров он делает вывод о том, что на иммиграционную политику влиял вполне очевидный набор экономических и политических факторов, постепенно приводящий к конвергенции законодательств разных стран в этой сфере.

Во всех странах рассматриваются следующие факторы, влияющие на иммиграцию:

трудова иммиграция (или связь спроса на рабочую силу и иммиграции);

воссоединение семей;

беженцы из зон конфликтов.

Автор представляет *тенденцию к либерализации*, отказу от расового, этнического, религиозного квотирования или запретов как необратимую, обусловленную успехами борьбы за гражданские права в 1960-х гг. и впечатлением от геноцида евреев во время Второй мировой войны.

Это не совсем согласуется с тем фактом, отмеченным самим же автором, что в США, например, в качестве основы для ограничений иммиграции еще в 90-х гг. XIX в. предлагались вовсе не этнические принципы, а экономические критерии и грамотность.

Заметим, что выбор стран для сравнительного анализа не очень удачный, поскольку не учитывает принципиально иной модели иммиграционного законодательства, упомянутой лишь вскользь. Речь идет о модели селективной иммиграции Канады и Австралии.

По поводу Австралии автор ограничивается замечанием, что страна широко распахнула двери для молодых, здоровых, квалифицированных иммигрантов с целью противостоять угрозе наводнения мигрантами из густонаселенной Юго-Восточной Азии.

---

¹⁰⁸ В интервью 19 апреля 2009 г. телеканалу CNN Наполитано заявила буквально следующее: «...нелегальное пересечение границы само по себе не есть уголовное преступление, это гражданское дело...». http://www.realclearpolitics.com/articles/2009/04/19/janet_napolitano_klobuchar_ensign_state_of_the_union_96070.html. Комментарий на консервативном блоге Heritage Foundation сослался на ч. 8 ст. 1325 Собрания кодексов США (USC), определяющую нелегальное пересечение границы именно как преступление. <http://blog.heritage.org/2009/04/20/napolitano-illegal-immigration-not-a-crime/>.

При этом процесс адаптации иммигрантов и политика государств в этой сфере не рассматриваются подробно, как и вопрос о том, насколько жестко стоял и стоит перед новыми жителями выбор принимать или не принимать местное законодательство, традиции, культуру, язык и т.п.

В результате поведение местного населения (в том числе его электоральные реакции) «повисает» или представляется исключительно как реакция «реакционной массы» на прогрессивный процесс роста культурного и этнического многообразия.

Мейерс упоминает социальный фактор и претензии иммигрантов на долю в социальных расходах государства как раздражающий фактор (школы, медицинское обслуживание в Калифорнии — proposition 187).

Поведение самих иммигрантов (уровень законопослушания, уважение к нормам, обычаям, культуре, языку принимающей страны) почти не анализируется. Судить об этом можно лишь косвенно, по описываемым реакциям государств:

языковые требования как один из инструментов ограничения иммиграции;

реакция на насильственные акции и иные незаконные действия иммигрантов как сигнал для изменения иммиграционной политики (упоминаются лишь отдельные и малозначительные эпизоды — беспорядки с участием курдов и незаконные забастовки с массовым участием иностранных рабочих в Германии).

А. Шляйфер¹⁰⁹ подверг критике Д. Асемоглу¹¹⁰ за смешение понятий, способствующих экономическому росту, — «человеческий капитал» и «институты». Однако, как мы только что отметили выше, невозможно провести четкую границу между этими понятиями.

Рассмотрим такие понятия: «институт-норма» (например, мораль) и «институты-организации», например семья, религиозная община, клуб и др.

Образцы и модели поведения, задаваемые этими институтами, с одной стороны, формируют навыки гражданской жизни, а с другой — предоставляют почву для формальных институтов, т.е. определяют глубоко укорененный и сложно изменяемый набор норм (реальную конституцию) (см. определение во Введении) общества. Из-за оторванности не желающих ассимилироваться иммигрантов от этих моделей поведения рост их численности представляет реальную угрозу базовым институтам правовых демократий.

В упомянутой работе Д. Асемоглу описана противоположная ситуация — наплыв иммигрантов, уважающих права собственности и поддерживающих их гораздо эффективнее, чем коренные жители. Пример — Сейшельские острова, где основу первых законодательных собраний составляли представители коалиции землевладельцев-налогоплательщиков преимущественно из числа иммигрантов европейского происхождения.

Резюмировать наше видение соотношения человеческого капитала (личного фактора) с институциональными факторами можно следующим образом: для существования института в условиях правовой демократии необходима критическая масса рыночных агентов, поддерживающая этот институт и обеспечивающая:

либо применение соответствующих норм в бытовом поведении, в том числе и эффективными неформальными санкциями¹¹¹ даже за незначительное нарушение¹¹²;

либо быстрое формирование выигрывающей коалиции в поддержку принятия соответствующего формального законодательства и его применения.

---

¹⁰⁹ Shleifer et al., 2004.

¹¹⁰ Acemoglu, Johnson, Robinson, 2001.

¹¹¹ Например, бойкотом. Отчасти к таким санкциям относится и вооруженная защита своего владения, если государство уважает право человека на ношение оружия и не препятствует его применению в соответствующей ситуации для защиты своего участка, не говоря уже о жизни и достоинстве.

¹¹² То есть норма охраняется даже на «дальних подступах». Например, наказание детей за попытку взять и использовать чужую вещь без спроса.

Ключевая проблема для стран-реципиентов, таким образом, не отсутствие у иммигрантов денег, профессиональных или языковых навыков и умений, а нежелание многих из них тяжело работать и адаптироваться. Новое «социальное» государство предоставляет каждому иммигранту возможность избежать (во имя идеалов мультикультурализма) такого трудоемкого способа адаптации, а в итоге избежать адаптации вообще к моменту, когда он получает право голоса. Корень этой проблемы — в принимающем государстве, а не в иммигрантах.

Если же иммигрант не имеет альтернативы «социальных» пособий длительной адаптации, приспособлению, усвоению языка и норм, тяжкому труду и т.п., то у него, а тем более у его детей повышаются шансы освоить не только профессиональные навыки и язык, но и, главное, посредством проб и ошибок («Learning by Doing») те навыки, которые делают возможным его существование в гражданском обществе и правовом демократическом государстве.

В настоящее время нарастание антииммигрантских настроений как в России, так и в Европе отражает неспособность (или дефицит желания) растущей части иммигрантов адаптироваться к новой реальности (Кочеткова, 2005).

Иммиграция из слаборазвитых стран, управляемых не по закону, а по праву силы¹¹³, в страны рыночных институтов и правовой демократии имеет много общего с посткоммунистическим переходным периодом. В обеих ситуациях необходимо приспособляться к множеству новых правил и реальностей; для многих остро встает проблема восстановления утраченных социального статуса и уважения окружающих, возникает необходимость нахождения новых источников доходов. В случае иммиграции к этим проблемам добавляется смена места жительства и языковой барьер.

Иммигрант в первом поколении Джордж Борджас один из ведущих американских экономистов специализирующихся на проблемах иммиграции.

В своей работе 1991 года (Borjas, 1991) Борджас сравнивает механизм распределения квот по странам в 1940-1965 гг. с механизмом приоритета родственников резидентов 1965-1980. Он статистически показывает, что именно этот фактор ответственен за значительно снижение уровня квалификации иммигрантов 1965-1980 гг. Здесь следует обратить внимание, что 1965 год стал также первым годом функционирования регулярного социального государства в США. Первые программы относились к медицине и относительно мало (по крайней мере, непосредственно) влияли на стимулы иммигрантов. Однако сам прорыв в деле установления постоянно действующих и растущих социальных программ впервые в истории США существующих и по сей день вызвал постоянное расширение и создание все новых программ. Экспансия же социального государства не могла не сказаться долгосрочно и на условиях адаптации иммигрантов. Также следует подчеркнуть, что среди иммигрантов 1940-1965 гг. была заметная доля беженцев от тоталитарных режимов. Они не только повышали средний уровень квалификации иммигрантов. Куда более важно, что они ценили человеческую жизнь, свободу и собственность несколько выше иммигрантов последующих, в особенности, последних десятилетий.

В книге, вышедшей в 1999 году (Borjas, 1999) он описывает последствия массовой иммиграции в условиях "социального государства", сравнивая его с разумно ожидаемым при условии адаптации иммигрантов. Они легко предсказуемы: налоговое и регулятивное бремя на бизнес сделали вероятность успеха трудолюбивого и предприимчивого ниже. Напротив, вероятность того что человек не желающий работать из отсталой страны не встретит после попадания в страну особых проблем и резко повысит свой жизненный уровень. Соответственно США стали привлекать в последние десятилетия все больше иммигрантов не желающих адаптироваться за счет тех, кто готов работать и преуспевать. Автор предлагает резко – с миллиона до полумиллиона в год сократить квоты и при этом ввести механизм селективной иммиграции с приемом квалифицированных и образованных кандидатов.

Еще острее проблема не желающих адаптироваться иммигрантов, предпочитающих пособия зарплатам, стоит в Швеции. Рост доли иммигрантов с 7.6 до 10.8% населения в 1983-96 гг. сопровождался скачкообразным – на 170% ростом (в постоянных ценах) программ социальной

¹¹³ То есть общества, которые мы называем «Rule of Force» — см. определение во Введении.

помощи. Конечно, большая часть прироста пошла не на новых иммигрантов. Однако, сами изменения в той среде куда прибывают иммигранты и притягивают соответствующих новичков и влияют на поведение тех кто уже "устроился" на новом месте. Доля безработных среди этой категории лиц выросла с 4 до 23% (Hansen, Lofstrom, 2009). Можно подобно "оптимистам" акцентировать тот факт что большинство по прежнему работает, однако опасно игнорировать очевидную негативную тенденцию порождаемую социальным государством.

Следует подчеркнуть, что подавляющее большинство авторов статей и книг по проблемам иммиграции публикуемых ведущими издательствами по причинам рассмотренным во второй главе первой книги или по каким-то иным поддерживает идею "свободы иммиграции" и пытается акцентировать исключительно позитивные моменты вызываемые ею (давление на рынок труда в сторону понижения цен, занятие позиций будто бы отвергаемых местным населением без рассмотрения причин такого явления, также, обычно, связанного с социальным государством).

Нельзя сказать, что неселективная иммиграция в страну с Большим и заботливым правительством не знала успехов. Массовая иммиграция в Израиль в 1989-1992 гг привела к расцвету ряда отраслей – от строительства до высокотехнологичных и информационных. Вызвала массовый приток частных инвестиций в НИОКР, резко снизив долю бюджетного финансирования. Повысило конкуренцию среди врачей, учителей и привела к целому ряду иных выгод для принимающей страны.

Однако в данном случае речь идет о специфическом варианте репатриации. Иммиграция прошла по процедурам "Закона о возвращении", касающегося евреев и их ближайших родственников. Таким образом она была в известной степени селективной. При репатриации не возникает тяжелых проблем с уважением законов, прав и собственности "принимающего" населения несмотря на беспрецедентную (правда не для самого Израиля) массовость (равносильную прибытию в США населения Польши или Испании в полном составе за несколько лет). Наконец, по образовательному уровню (среди прибывших начиная с 1989 г из стран бывшего СССР было около 20 тысяч ученых – физиков, химиков, биологов, математиков, а также программистов и инженеров высокотехнологичных отраслей¹¹⁴) данный случай также вполне сопоставим с программами селективной а не свободной иммиграции.

Выбор стратегии иммиграции и адаптации можно представить в виде пошаговой игры. Первый шаг делает принимающее государство (его соответствующие институты), выбирая между следующими стратегиями.

Стратегия дискреционных процедур (предоставление политического убежища¹¹⁵) или случайного отбора (розыгрыш «грин-кард»); в обоих случаях государство не устанавливает четких критериев, которые бы сделали процедуру предсказуемой для заявителя; в случае удачи счастливчик почти не нуждается в реальной адаптации и может пожизненно эксплуатировать предрассудки мультикультурализма для получения пособия или для продвижения по государственной службе. Поскольку политическое убежище, как правило, предоставляется по этническому/религиозному признаку, следствие этой стратегии — появление в странах-реципиентах общин выходцев из стран Rule of Force с присущей им системой общественных отношений. Таким образом, на территории государства Rule of Law образуются «автономии» — районы, где его законы не действуют. Ситуация ухудшается, если полиция и власти не вмешиваются в насильственные конфликты внутри общин, кварталов, населенных иммигрантами. Государство поощряет создание таких кварталов, вместо того чтобы препятствовать их организации.

Стратегия селективной, формальной и предсказуемой процедуры иммиграции и дальнейшей ассимиляции (прежде всего правовой, а не культурно-бытовой). Такая стратегия по идеологическим соображениям исключает неявное делегирование государственных властных полномочий неформальным и зачастую криминальным этническим группам.

---

¹¹⁴ Khanin, Yanovskiy, 2010

¹¹⁵ Произвольность решения обусловлена тем, что чиновник, готовящий и принимающий его, как правило, может не опасаться апелляции или даже требования раскрыть причины отказа.

Проследим возможные разветвления при выборе из двух стратегий приема и адаптации иммигрантов (социально ориентированной мультикультуралистской и индивидуальной).

Первая стратегия выбрана большинством европейских стран; промежуточная (со случайным отбором) — США, вторая применяется в Канаде и Австралии.

Когда государство сделало свой выбор, следующий ход за потенциальным иммигрантом:

он мог бы выбрать трудоемкую стратегию адаптации, с тем чтобы в долгосрочной перспективе реализовать возможности новой родины для процветания своей семьи;

мог бы переложить на третьих лиц ответственность за свое пропитание¹¹⁶.

Это вполне реальная опция в условиях, когда многие государства полны решимости не просто перераспределять через налоги в пользу «новых граждан» средства, заработанные экономически активным населением, но и запрещать несущим бремя жаловаться путем ограничения свободы слова¹¹⁷, т.е. иммигранты, присоединившись к этнической общине, могут эффективно лоббировать свои интересы посредством коллективных действий (*Hardin, 1997*) и извлекать ренту из бюджета государства всеобщего благосостояния, вместо того чтобы искать работу и изучать язык.

При произвольном принятии решения о предоставлении права на жительство (не предоставлять его или предоставлять вместе с щедрым пакетом не заработанных иммигрантом благ) стратегия отказа иммигранта от трудоемкого процесса адаптации является единственно рациональной. Следующий шаг — решение иммигранта сохранить свою «культурную самобытность», кооперироваться с себе подобными с целью извлечения ренты из бюджета. После этого решение иммигранта, привязанного к традиционной общине страны *Rule of Force*, применять насилие для давления на принявшее его государство выглядит естественным и вполне рациональным продолжением выбранного пути. Как правило, если не заходить слишком далеко, такая линия поведения достаточно безопасна и в то же время позволяет поддерживать высокий статус внутри своей общины.

Возможности дискреционного принятия решений и раздувания штатов под «новые важные» задачи — мощный стимул для поощрения чиновниками заведомо паразитической миграции¹¹⁸. В связи с этим нельзя не сослаться на емкий и глубокий анализ проблемы Ю. Латыниной, хотя и проведенный в далеком от науки жанре¹¹⁹.

Для того чтобы адаптироваться к свободной рыночной (капиталистической) системе и правовой демократии, необходимо отказаться от огромного числа привычек и стереотипов. Опыт как индивидуальных, так и коллективных стратегий, использовавшихся в странах с переходной экономикой, показывает это совершенно ясно¹²⁰.

Лучше адаптированные к рынку и демократии народы были склонны поддерживать сторонников рынка, партий, выступавших за компактное государство, приватизацию, низкие налоги и государственные расходы. Народы же, которые скептически оценивали свои возможности процветать в условиях рынка и свободной конкуренции, были настроены поддерживать левых, партию большой государственной собственности, высоких налогов и расходов.

---

¹¹⁶ См. пример Дании: первая стратегия приносит выгоду и иммигранту, и новой родине; вторая — является обременительной для новой родины. <http://www.berlingske.dk/politik/vestlige-indvandre-bidraget-mest>.

¹¹⁷ Законодательство о разжигании вражды — Hate Speech Legislation.

¹¹⁸ Иллюстрацией этой проблемы могут быть дискуссии по поводу передвижения цыган по территории стран ЕС при депортации некоторых из них из Франции в августе 2010 г. См., к примеру, ленту новостей про выдворение таборов из Франции после устроенных там беспорядков в Гренобле и на дорогах в июле того же года: http://www.svobodanews.ru/archive/ru_news_zone/20100819/17/17.html?id=2132292; http://www.svobodanews.ru/archive/ru_news_zone/20100819/17/17.html?id=2132485; <http://www.eutimes.net/tag/france/>. Очевидно, что 17,5 млрд евро, выделяемых Еврокомиссией на «интеграцию цыган» — серьезный стимул для еврочиновников не способствовать реальной интеграции, а регулярно воспроизводить проблему.

¹¹⁹ Латынина, 2011.

¹²⁰ Мау, Яновский, 2003, 2006.

По аналогии можно предположить, что иммигранты голосуют за партии исходя из ожиданий успеха (провала) в конкуренции, а также из выбранной стратегии адаптации, т.е. либо партии низких налогов, либо партии щедрого государства. Если принять такую интерпретацию результатов выборов, то электоральную статистику можно использовать как инструмент оценки выбранной иммигрантами стратегии адаптации.

В то же время оценка собственной конкурентоспособности влияет и на электоральное поведение коренного населения. Вспомним, к примеру, известный феномен поддержки Национального фронта (НФ) Ле Пена во Франции коренным населением как раз в тех районах, где высока доля пришлого арабского населения. По сути партии типа НФ или партии Й. Хайдера в Австрии являются зеркальным отражением классических левых партий с той лишь разницей, что их требования перераспределения формулируются несколько отличным способом (хотя и не всегда: НФ, например, напрямую конкурирует с коммунистами, также претендующими на голоса белых малообразованных работников).

Сравнивая статистику голосований, прошедших в районах компактного проживания мигрантов и остальных районах России, Германии и Канады, мы могли оценить способность к адаптации и самооценку коренного населения (которая влияет на способность «принять» иммигрантов на своей территории).

Анализ поведения российского электората показал, что во многих районах избиратель пессимистически оценивает свои перспективы, в том числе и вследствие низкой способности адаптироваться к рыночным реалиям¹²¹. Такие избиратели предъявляют спрос на специфических политиков, которых Глейзер¹²² определил как «поставщиков ненависти» (hatred — supplier).

Тот факт, что процесс натурализации занимает несколько лет, позволяет исключить эмоциональную реакцию иммигранта первых лет (как эйфорию, так и депрессию от первых проблем) и расценивать его электоральное поведение как отражение стратегического выбора, а не краткосрочной реакции на проблемы.

Для того чтобы выявить, какие преобладают стратегии адаптации иммигрантов из отсталых стран в развитые правовые демократии, воспользуемся данными об электоральном поведении. Эти данные также позволят получить материал для оценки эффективности иммиграционного законодательства (его возможное влияние на выбор стратегии адаптации).

Проверка модели и отдельные страновые наблюдения

Данные

Для проведения сравнительного анализа были выбраны две страны — Федеративная Республика Германия и Канада. Оба государства — федерации, что позволило получить больше наблюдений. Иммиграционная политика этих стран различается коренным образом.

В ходе анализа использовалась уголовная статистика по всем регионам, включая густонаселенные иммигрантами, для оценки качества иммиграционной политики (нейтрального или неблагоприятного отбора потенциальных новых соседей для жителя соответствующей территории).

Для канадских провинций и территорий кроме этого проанализированы:

группы мигрантов из США и Европы в качестве носителей вышеперечисленных компонентов человеческого капитала;

иммигранты из азиатских и африканских стран, которые не являются правовыми демократиями¹²³; отсутствие у иммигранта личного опыта использования институтов правовой демократии и семейной традиции поддержки и уважения таких институтов повышает издержки самостоятельной адаптации;

---

¹²¹ Kochetkova, 2005.

¹²² Glaeser, 2002.

¹²³ Исключая Израиль.

иммигранты из стран Южной и Центральной Америки; выходцы из этого региона — носители промежуточного уровня соответствующих компонентов человеческого капитала (существенно более высокая способность кооперироваться в рамках институтов правовой демократии, чем у африканцев);

иммигранты из стран Восточной и Южной Европы (уровень этих компонентов выше среднего);

голосование за партии высоких бюджетных расходов (экономическая платформа) и «промультикультуральные» (идеологические предпочтения) как показатель низкого качества человеческого капитала и стремления к стратегии иждивенческой адаптации;

технические данные об административном делении страны.

Анализ немецких территорий включал следующие параметры:

доля иностранного населения (поскольку новые иммигранты обычно склонны селиться рядом с соотечественниками, мы исходим из предположения, что доля иностранных граждан (по которым есть статистика) сильно и положительно коррелирует с долей избирателей-иммигрантов в том же регионе);

программы, декларации и деятельность ведущих (представленных в Бундестаге) политических партий.

В случае Германии получено только 16 наблюдений для cross-section-анализа. По Канаде мы воспользовались данными о результатах всеобщих парламентских выборов 2000 г. и результатами переписи населения 2001 г. (Данные приведены по долям мигрантов по 13 провинциям и территориям, а также по 25 городским агломерациям.) Учитывались результаты выборов по всем 65 477 избирательным участкам Канады. Многие статистические данные в Канаде собирают и публикуют по 27 городским агломерациям. Для агломераций Кингстон (Онтарио) и Абботсфорд (Британская Колумбия) данных по доле иммигрантов обнаружить не удалось. В итоге данные по доле иммигрантов обнаружены по 25 агломерациям и 13 провинциям и территориям. Провинции Остров Принца Эдуарда, Юкон, Северо-Западные территории и Нунават не содержат городских агломераций; столичная агломерация Оттава—Гулль поделена между провинциями Онтарио и Квебек, поэтому в две агрегированные единицы наблюдения сведены все данные по мелким городам и сельским поселениям этих двух самых густонаселенных провинций. С учетом вышеперечисленного было выделено 37 наблюдений.

Переменные

Зависимая переменная: электоральная поддержка экстремистских и левых партий (партий, идеологически ориентированных на фашизм или коммунизм или имеющих соответствующее происхождение).

Основная гипотеза заключается в том, что система «социальной защиты» подрывает стимулы к самостоятельным усилиям для адаптации и провоцирует экстремистское поведение среди иммигрантов. Система «социальной защиты» неявным образом поощряет приезд лиц, социально дезадаптированных уже у себя на родине, изначально претендующих на пожизненный статус иждивенца, вместо того чтобы привлекать самостоятельных, предприимчивых и трудолюбивых. Иными словами, провоцируется рентоориентированное поведение и соответствующая жизненная стратегия вместо производительной; провоцируется стратегия агрессивного навязывания норм отсталого общества передовому («мультикультурализм») вместо вхождения в передовое общество (политико-правовой и экономической ассимиляции).

Для выделения господствующих тенденций была использована статистика голосования за партии — перераспределительные коалиции (левоэкстремистские) и уголовная статистика.

При наличии статистически значимой связи между долей иммигрантов и электоральной поддержкой таких партий, между долей иммигрантов и уровнем преступности гипотеза не может быть отвергнута.

Германия

Расчет (см. Приложение 1 к настоящей главе) показывает взаимозависимость между долей иностранцев в населении и уровнем электоральной поддержки партии зеленых на выборах в Бундестаг (голосование по спискам). Принимая во внимание тот факт, что репатриировавшиеся из стран СНГ имеют в Германии устойчивую репутацию крайних консерваторов, наиболее вероятным объяснением этой связи является сильная поддержка этой партии турецкими иммигрантами.

Партия зеленых является одной из двух бюджетно-экспансионистских партий (наряду с левой) и, безусловно, наиболее нацеленной на поощрение иммиграции¹²⁴.

Переход от социализма к рыночной демократии как разновидность миграции. Пример Восточной Германии. Жители постсоциалистических стран с переходной экономикой сталкивались с многими проблемами, стоявшими перед иммигрантами, — им приходилось в короткие сроки приспосабливаться к новой социальной, экономической, правовой и политической системе. Правда, они избежали ряда весьма значительных транзакционных издержек, типичных для иммигрантов: не было необходимости срочно учить новый язык, продавать недвижимость и обустраиваться на новом месте.

Сравнительный анализ стратегий перехода¹²⁵ свидетельствует о преимуществах «шоковой» стратегии, при этом налицо и неудачи практически всех попыток смягчить адаптацию (особенно за счет бюджета) и провалы множества рецептов постепенных преобразований. При воссоединении Германии власти ФРГ приняли стратегическое решение в пользу иного, «щедрого» сценария. Вероятно, такой выбор был предопределен стремлением не дать социал-демократической оппозиции и профсоюзам превратить новые земли в свой оплот. Первые выборы и последовавшие за ними, казалось, подтверждали правильность принятого решения — наибольшее число голосов на Востоке получали партии правящей коалиции ХДС — СвДП. Однако затем последовал провал. Щедрое финансирование резко завысило ожидания восточных немцев и тем самым подорвало их конкурентоспособность на рынке труда. Безработица подскочила до невероятных для «старых» земель показателей, при том что воспользоваться уничтожением «стены» сотням тысяч восточных немцев явно не удавалось. Эйфория первых лет сменилась глубоким разочарованием и значимой поддержкой левых экстремистов (Партии демократического социализма, затем левой партии) и крайних националистов (НДП). Для значительного числа домохозяйств попытка социальной защиты при переходе обернулась устойчивой неспособностью адаптироваться, ностальгией по жесткому тоталитарному режиму ГДР и т.п.

Канада

Страна традиционно привлекает иммигрантов. При этом политика селективной миграции (при наличии наряду с ней определенного количества мигрантов, претендующих на политическое убежище и получающих его, но их численность сильно уступает основному потоку) позволяет не обременять бюджет гигантскими расходами на адаптацию. Более того, отобранные мигранты в сравнительно короткий период адаптируются. Набор требований сравнительно простой: необходимые на рынке образование, квалификация, опыт работы, знание языка. Соблюдение этих требований позволяет мигрантам стать донорами бюджета, а не обузой для него.

Следует обратить внимание, что ни статистика тяжких преступлений, ни доля голосов за антииммигрантские партии (как реакция коренного населения), ни особенно значимая электоральная поддержка партий высоких бюджетных расходов (Новая демократическая и партия зеленых) вовсе не сосредоточены в городских районах провинций Онтарио и Квебек, густо населенных иммигрантами. Более конкурентоспособные и богатые избиратели поддерживают, как это часто бывает, консервативные, прорыночные партии компактного государства; менее конкурентоспособные избиратели обычно голосуют за левые, пререгулятивные партии государства.

Статистический анализ, представленный в Приложении 2 к главе, доказывает: ни либералы, ни консерваторы, ни левые не имеют в Канаде явно выраженной «этнической» поддержки избирателей, т.е. иммигранты в целом распределяют свои голоса среди партий примерно так же, как избиратели, родившиеся в Канаде.

Франция (пример алжирских лоялистов)

Предки едва ли не большинства современных парижских мародеров и хулиганов были вполне социально адаптированными и уважаемыми гражданами. Они обладали собственностью, уважали закон, служили Французской Республике. Их предпочтения и лояльность были настолько сильными и стабильными, что они сохранили их и тогда, когда в Алжире поднялась волна национализма и соответственно появилась дополнительная опция выбора. За свою лояльность они заплатили огромную цену, став главной мишенью

---

¹²⁴ См. партийный веб-сайт <http://www.gruene.de/cms/default/rubrik/0/3.htm>.

¹²⁵ Мау, Яновский, Жаворонков и др., 2003.

бандитов из Фронта национального освобождения Алжира. Последние пытали и убивали лоялистов (Хорн, 2002; Johnson, 1983).

В результате решения французских лидеров капитулировать перед мятежниками десятки тысяч лоялистов были убиты после бегства французской армии из Алжира. Еще десятки тысяч сумели добраться до Франции. Стратегия адаптации, выбранная властями, свелась к строительству для новых мигрантов отдельных кварталов недорогого жилья (бесплатного для беженцев) и откупу за предательство небольшими, хотя и достаточными для выживания пособиями. Очевидно, те, кто потерял на родине не только жилье, но и привычный образ жизни (включая заработок) и получил сильный удар по самоуважению, не могли принять эти пособия и квартиры в качестве справедливого возмещения своих потерь. Естественно, что их дети и внуки, не говоря уже о представителях новых волн иммигрантов, тем более не склонны испытывать благодарность к Франции и быть хоть сколько-нибудь лояльными этой стране.

Результаты такой иммиграционной политики хорошо известны: они выражаются и в растущем напряжении государственных финансов Франции, и в голосовании таких граждан за экстремистов, и в волнах беспорядков и регулярных, уже вполне рутинных инцидентов массового вандализма¹²⁶. К тому же такая иммиграционная политика создает благоприятную среду для многочисленных террористических организаций в самом сердце «старой Европы».

Выводы

Гипотеза о том, что селективный механизм отбора наиболее квалифицированных и лояльных иммигрантов из стран, в которых власть основана на насилии, в сочетании с ориентацией государственных институтов на адаптацию мигрантов на основе ассимиляции (по крайней мере, в политико-правовом аспекте) создает у иммигранта стимулы к кооперативному поведению, не может быть отвергнута на основе доступных данных. При отсутствии же мощной и разветвленной системы социальной защиты такая стратегия приема иммигрантов создает у них сильные стимулы улучшать знание языка, законов, обычаев и традиций страны, повышать квалификацию, много и тяжело работать, платить налоги и т.д., т.е. превращаться в полноправного и ответственного гражданина — налогоплательщика — избирателя.

Также не может быть отвергнута (см. пример Германии) гипотеза о наличии в некоторых странах групп интересов и политических коалиций, стремящихся создать электоральный резервуар из неадаптированных или даже дезадаптируемых иммигрантов (поощрением враждебной стране пропагандистской деятельности, финансируемой странами, поддерживающими международный терроризм). Дезадаптация делает таких людей надежными союзниками радикальных левых группировок и зависимыми как от политиков, бюрократов, так и от общинных лидеров, зачастую опирающихся на внешние источники финансирования. Иными словами, при неселективной иммиграции большая часть иммигрантов становится клиентами государственной помощи и управляемым электоратом. По сути, речь идет о таком явлении, как импорт управляемого электората из стран без демократической традиции.

Образуется порочный круг. Попытки указанных групп и коалиций сохранить значительные социальные обязательства бюджета повышают интерес к выбору неэффективной модели иммиграции. Эта модель обуславливает расширенный приток иммигрантов с низким качеством человеческого капитала. Невозможно эффективно решать задачу сохранения правового порядка и стимулов к легальной экономической активности, одновременно поощряя приток малоспособных к адаптации людей, да еще и подавляя в них основные стимулы к эффективной самостоятельной адаптации.

Такие стимулы и тенденции приводят к размыванию «мягкой инфраструктуры» формальных институтов, поддерживающих рыночную экономику.

Властям стран, принимающих иммигрантов, рекомендуется строить свою политику в этой области на основе канадской модели. В Канаде, в том числе в результате такой политики, интересы иммигрантов достаточно быстро становятся малоотличимыми от интересов местных жителей. Это прослеживается на статистике голосований (сравнение голосований мигрантов с голосованием граждан¹²⁷). Не в последнюю

---

¹²⁶ http://timescorrespondents.typepad.com/charles_bremner/2007/11/behind-the-new.html.

¹²⁷ И это даже при том, что значительная часть новых граждан весьма экономически активны и сами заинтересованы в снижении налогов и регуляций.

очередь это связано с фактической политикой имущественного ценза, в рамках которой ключевым фактором предоставления гражданства становится приобретение недвижимости в Канаде, т.е. иммигрант не только оказывается изначально способным что-либо заработать, но и предстает в положении человека, которому есть что терять.

Если же местные граждане воспринимаются как люди второго сорта, обязанные снабжать носителя другой религии и культуры деньгами и закрывать глаза на его «шалости», ситуация как раз и становится такой, какая все чаще наблюдается в крупных городах Западной Европы. От наплыва таких «гордых» своей культурой и религией иммигрантов страдает качество общественного блага «правовой порядок», т.е. качество этого блага, поставляемого гражданам-налогоплательщикам, снижается, а издержки поставки растут. При этом, поскольку качество плохо адаптированных мигрантов даже как работников сомнительно, ситуацию на рынке труда они улучшают значительно меньше, чем принято полагать, а социальные обязательства государства увеличивают, обременяя работающее местное население. Последнее побуждается продавать упавшее в цене жилье и переезжать в районы, менее насыщенные мигрантами, или даже эмигрировать в другие страны. Указанные негативные тенденции накладываются на низкую рождаемость, связанную с кризисом семьи (см. гл. 12). Все это ведет к краху государственно-перераспределительных систем и к большому напряжению частных накопительных пенсионных систем.

Накапливающиеся проблемы с обеспечением правового порядка, напряжение на рынке труда и старение населения угрожают экономическому росту в большинстве урбанизированных индустриальных стран, включая и старые демократии, и постсоциалистические страны с переходными экономиками.

Рентоориентированное поведение иммигрантов дополнительно обременяет бюджет. Усиление радикальных антикапиталистических партий ухудшает инвестиционный климат. Поэтому иммигранты, игнорирующие изучение языка и иные возможности социальной адаптации на новом месте, в новой стране не в состоянии смягчить проблему старения населения, кроме как на очень короткий период (не более жизни одного поколения, после чего есть риск обострения проблемы). Более того, они создают дополнительные проблемы и риски для принимающих их стран.

Продолжить эти исследования можно, продлив период наблюдений, с тем чтобы получить панель данных для каждого из типов иммиграционной политики.

Литература

- May В., Жаворонков С., Яновский К. и др. Импортированные институты в странах с переходной экономикой: эффективность и издержки. Научные труды. № 68. М.: ИЭПП, 2003.
- Латынина Ю. Мультикультурализм как разновидность социализма // Ежедневный журнал. 2011. 22 февр. <http://www.ej.ru/?a=note&id=10832>.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation // *American Economic Review*, December 2001. Vol. 91.
- Alistair H. (1978). *A Savage War of Peace: Algeria 1954—1962*. N.Y.: Viking.
- Azarnert L.V. "Immigration, fertility, and human capital: A model of economic decline of the West" *European Journal of Political Economy* 26 (2010) 431–440
- Bade K.J. (1994) Immigration and social peace in United Germany. *Daedalus*, Winter Issue.
- Borjas George J. Immigrants in the U.S. Labor Market: 1940-80 *The American Economic Review*, Vol. 81, No. 2, *Papers and Proceedings of the Hundred and Third Annual Meeting of the American Economic Association* (May, 1991), pp. 287-291
- Borjas George J. *Heaven's Door: Immigration Policy and the American Economy* Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1999
- Clark J.A., Legge Jr.J.S. (1997) Economics, Racism, and Attitudes toward Immigration in the New Germany // *Political Research Quarterly*. Vol. 50. N 4.
- Denisenko M., Harayeva O., Chudinovskih O. *Immigracionnaya politika v Rossii i stranah Zapada* (Immigration policies in the Russia and Western countries). Moscow, IET, 2003 WP#61.
- Edmond J. (1969). *O Mon Pays Perdu: De Bou-Sfer a Tulle*. P.: Librarie Artheme Fayard.
- Fetzer J.S. *Public Attitudes Toward Immigration in the United States, France and Germany*. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 2000.
- Freeman G.P. (1995). Modes of Immigration Politics in Liberal Democratic States // *International Migration Review*. 29:4. Winter 1995.
- Glaeser E.L. *The Political Economy of Hatred*. Harvard University, Harvard Institute of Economic Research discussion paper #1970, August 2002.
- Hansen Jorgen and Lofstrom Magnus *The Dynamics of Immigrant Welfare and Labor Market Behavior* *Journal of Population Economics*, Vol. 22, No. 4 (Aug., 2009), pp. 941-970
- Hardin R. (1997). *One for All. Logic of group Conflict*. Princeton University Press, NJ.
- Hoppe H. *The Case for Free Trade and Restricted Immigration* // *Journal of Libertarian Studies*, 13:2 (Summer 1998).
- Horne A. *A Savage War of Peace*. PAN. 2002.
- Johnson P. (1983). *Modern Times*. N.Y.: Harper and Row.
- Kastoryano R. (2002). *Negotiating Identities: States and Immigrants in France and Germany*. Princeton University Press, Princeton, NJ and Oxford.
- Khanin Vladimir (Ze'ev), Yanovski Moshe "Immigrant scientist in the Israel: Integration Policy Development and the Contribution in the National Economy, 1989 – 2009" in the book "Immigrant Scientist in Israel. Achievements and Challenges of Integration in Comparative Context" edited by Khanin V., Epstein Alek, Geva-May Iris, Tel Aviv University, 2010

- Kochetkova O.* Immigrants' Adaptation Costs and Strategies Reflection in the Electoral Reaction of Indigenous Population. Public choice society. New Orleans. 2005. Meeting report.
- Lamont M., Morning A., Mooney M.* (2002). Particular Universalisms: North African Immigrants Respond to French Racism. *Ethnic and Racial Studies*. 25:3.
- Mau V., Yanovskiy K. et al.* G. McMahon (ed.) *Understanding Market Reforms. Vol. 2: Motivation, Implementation and Sustainability.* Palgrave Macmillan, 2006.
- Meyers E.* (2004). *International Immigration Policy: Theoretical and Comparative Analysis.* Palgrave Macmillan, USA.
- Niskanen W.A.* Welfare and the Culture of Poverty // *Cato Journal*. 1998. Vol. 16. N 1.
- Shleifer A., Glaeser E., La Porta R., Lypez de Silanes F.* Do Institutions Cause Growth // *Journal of Economic Growth*. 9:271—303.

Приложение 1

Статистическая иллюстрация на данных по землям ФРГ

Таблица 7.1 иллюстрирует статистическую взаимосвязь между голосованием за список партии зеленых в 2005 г. (1-й тур) (переменная *GRUNE2005_1ST_PCT*) и долей иностранного населения на соответствующей земле (как независимой переменной) (переменная *FOREIGN_POPULATION_PCT*). Эта модель с одной переменной (*FOREIGN_POPULATION_PCT*) объясняет примерно две трети вариации электоральной поддержки этой радикальной партии ($R^2 = 0,69$).

Таблица 7.1

Электоральная поддержка партии зеленых в 2005 г.
в зависимости от общей численности мигрантов (ФРГ)

Зависимая переменная: GRUNE2005_1ST_PCT Число наблюдений: 16				
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
FOREIGN_POPULATION_PCT	0,405435	0,073305	5,530813	0,0001
C	0,010082	0,006478	1,556222	0,1420
R-squared	0,686027	Mean dependent var		0,041388
Adjusted R-squared	0,663601	S.D. dependent var		0,021733
S.E. of regression	0,012605	Akaike info criterion		— 5,792976

Sum squared resid	0,002224	Schwarz criterion	— 5,696402
Log likelihood	48,34381	F-statistic	30,58989
Durbin-Watson stat	1,747699	Prob(F-statistic)	0,000074

При этом электоральная поддержка ХДС/ХСС (переменные *CSU_CDU2005_1ST_PCT* и *CSU_CDU2005_2ND_PCT*) оказывается не коррелированной с долей иностранного населения (*FOREIGN_POPULATION_PCT*) ни в первом (табл. 7.2), ни во втором туре выборов в Бундестаг 2005 г. (табл. 7.3).

Таблица 7.2

Электоральная поддержка партий ХДС/ХСС в 1-м туре в 2005 г.
в зависимости от общей численности мигрантов (ФРГ)

Зависимая переменная: CSU_CDU2005_1ST_PCT Число наблюдений: 16				
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
FOREIGN_POPULATION_PCT	0,48979 4	0,40717 3	1,20291 5	0,2490
C	0,23447 1	0,03598 4	6,51594 9	0,0000
R-squared	0,09367 5	Mean dependent var		0,272291
Adjusted R-squared	0,02893 8	S.D. dependent var		0,071050

S.E. of regression	0,07001 5	Akaike info criterion	— 2,363754
Sum squared resid	0,06862 9	Schwarz criterion	— 2,267180
Log likelihood	20,9100 3	F-statistic	1,447005
Durbin-Watson stat	1,67356 6	Prob(F-statistic)	0,248958

Таблица 7.3

Электоральная поддержка партий ХДС/ХСС во 2-м туре в 2005 г.
в зависимости от общей численности мигрантов (ФРГ)

Зависимая переменная: CSU_CDU2005_2ND_PCT Число наблюдений: 16				
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
FOREIGN_POPULATION_PCT	0,349473	0,35419 2	0,98667 8	0,3405
C	0,208856	0,03130 2	6,67231 9	0,0000
R-squared	0,065017	Mean dependent var		0,235841

Adjusted R-squared	—0,001768	S.D. dependent var	0,060851
S.E. of regression	0,060904	Akaike info criterion	— 2,642553
Sum squared resid	0,051931	Schwarz criterion	— 2,545980
Log likelihood	23,14043	F-statistic	0,973534
Durbin-Watson stat	1,703089	Prob(F-statistic)	0,340547

Аналогичные соотношения получены и для выборов в Бундестаг 2002 г. Обнаруживается сильная зависимость между долей иностранного населения (*FOREIGN_POPULATION_PCT*) и голосами за список партии зеленых (*GRUNE2002_1ST_PCT*) (табл. 7.4), т.е. в Германии районы расселения мигрантов характеризуются значительной поддержкой левых партий.

Таблица 7.4

Электоральная поддержка партии зеленых в 2002 г.
в зависимости от общей численности мигрантов (ФРГ)

Зависимая переменная: GRUNE2002_1ST_PCT Число наблюдений: 16				
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
FOREIGN_POPULATION_PCT	0,417296	0,053829	7,752238	0,0000
C	0,010953	0,004757	2,302441	0,0372

R-squared	0,811059	Mean dependent var	0,043175
Adjusted R-squared	0,797563	S.D. dependent var	0,020572
S.E. of regression	0,009256	Akaike info criterion	— 6,410598
Sum squared resid	0,001199	Schwarz criterion	— 6,314025
Log likelihood	53,28479	F-statistic	60,09719
Durbin-Watson stat	1,723699	Prob(F-statistic)	0,000002

Статистический анализ по канадским регионам и городским агломерациям

В Канаде районы компактного расселения иммигрантов не становятся «бастионами» левых (табл. 7.5). Переменная *US&WestEuropmigrants* + *EastSouthEuropmigrants* + *LatAmermigrants* + *AfroAsianmigrants* характеризует общую долю иммигрантов из различных стран (США, Европы, Латинской Америки, Африки и Азии).

Таблица 7.5

Голосование за Новую демократическую партию (НДП) от общей численности мигрантов (Канада)

Зависимая переменная: % голосов за НДП Число наблюдений: 37				
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
US&WestEuropmigrants + + EastSouthEuropmigrants + + LatAmermigrants + + AfroAsianmigrants	0,154594	0,160857	0,961065	0,3431
C	0,191179	0,025511	7,494105	0
R-squared	0,021675	Mean dependent var		0,208651
Adjusted R-squared	—0,00628	S.D. dependent var		0,099905
S.E. of regression	0,100218	Akaike info criterion		—1,7104
Sum squared resid	0,351528	Schwarz criterion		—

			1,62332
Log likelihood	33,64235	F-statistic	0,775429

Голосование за ведущую партию щедрой за счет налогоплательщика бюджетной политики НДП не имеет статистически значимой связи с численностью иммигрантов.

В табл. 7.6 представлены результаты статистического анализа модели, где зависимая переменная такая же, как и в предыдущей модели (см. табл. 7.5), — процент голосов за НДП, а независимые переменные — это доли мигрантов из США и Западной Европы (переменная *US&WestEuropmigrants*), мигрантов из Южной и Восточной Европы (переменная *EastSouthEuropmigrants*), мигрантов из Латинской Америки (переменная *LatAmermigrants*), мигрантов из Африки и Азии (*AfroAsianmigrants*).

Таблица 7.6

Голосование за НДП от численности мигрантов (Канада)

Зависимая переменная: % голосов за Новую демократическую партию (НДП) Число наблюдений: 37				
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
US&WestEuropmigrants	1,05975	0,54388 5	1,94848 1	0,0602
EastSouthEuropmigrants	1,115793	1,21314 4	0,91975 3	0,3646
LatAmermigrants	—4,77385	2,05256 5	—2,3258	0,0265
AfroAsianmigrants	0,33044	0,26557 3	1,24425 5	0,2224

C	0,171159	0,02960 2	5,78190 9	0
R-squared	0,206547	Mean dependent var		0,208651
Adjusted R-squared	0,107366	S.D. dependent var		0,099905
S.E. of regression	0,09439	Akaike info criterion		— 1,75768
Sum squared resid	0,285101	Schwarz criterion		— 1,53999
Log likelihood	37,51715	F-statistic		2,082519
Durbin-Watson stat	2,072995	Prob(F-statistic)		0,106239

Из табл. 7.6 видно, что процент голосов за НДП статистически значим и отрицательно связан с долей латиноамериканских мигрантов.

Переменная, описывающая долю мигрантов из США и Западной Европы (*US&WestEuropmigrants*), значима на 6%-м уровне и положительно влияет на долю голосов за НДП. В следующей модели (табл. 7.7) объединены в одну переменную (*US&WestEuropmigrants+EastSouthEuropmigrants*) доли мигрантов из США, Западной, Восточной и Южной Европы.

Таблица 7.7

Голосование за НДП от доли американцев и европейцев

Зависимая переменная: % голосов за Новую демократическую партию (НДП) Число наблюдений: 37				
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.

US&WestEuropmigrants + + EastSouthEuropmigrants	1,082908	0,46355	2,33611 9	0,0257
LatAmermigrants	—4,72811	1,24643 2	— 3,79332	0,0006
AfroAsianmigrants	0,329043	0,26416 5	1,24559 8	0,2217
C	0,170705	0,02900 1	5,88627 9	0

Окончание табл. 7.7

R-squared	0,20651 5	Mean dependent var	0,208651
Adjusted R-squared	0,13438	S.D. dependent var	0,099905
S.E. of regression	0,09295	Akaike info criterion	—1,8117
Sum squared resid	0,28511 2	Schwarz criterion	— 1,63754
Log likelihood	37,5163 9	F-statistic	2,862897
Durbin-Watson stat	2,07122 9	Prob(F-statistic)	0,051573

Единственная найденная статистически значимая положительная зависимость — голосование за НДП и доля иммигрантов из США и Европы. Впрочем, это исключение можно объяснить тем, что из США в Канаду уезжают, как правило, люди, не желающие участвовать в жесткой конкуренции на равных, предпочитающие меньше зарабатывать и пользоваться защитой государства и соответственно согласные на большее государственное вмешательство во все сферы жизни. Иными словами, речь идет о группе населения, очевидно склонной поддерживать левые идеи. Отчасти то же можно сказать и о некоторых эмигрантах из Европы. Как бы то ни было, в группе «эмигранты из США, Западной, Восточной и Южной Европы» первые составляют внушительное большинство.

Таблица 7.8

Голосование за маргинальные левые партии

Зависимая переменная: сумма голосов за маргинальные группы левых (марксисты, партия за легализацию марихуаны и т.д.)				
Число наблюдений: 37				
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
US&WestEuropmigrants	—0,07167	0,102678	— 0,69798	0,4902
EastSouthEuropmigrants	0,061597	0,044312	1,390076	0,1741
LatAmermigrants	—0,10138	0,097189	— 1,04312	0,3047
AfroAsianmigrants	—0,01136	0,009167	— 1,23942	0,2242
C	0,008977	0,006678	1,344266	0,1883
R-squared	0,021147	Mean dependent var		0,006324
Adjusted R-squared	—0,10121	S.D. dependent var		0,012816

S.E. of regression	0,013448	Akaike info criterion	— 5,65482
Sum squared resid	0,005788	Schwarz criterion	— 5,43713
Log likelihood	109,6141	F-statistic	0,17283
Durbin-Watson stat	1,256853	Prob(F-statistic)	0,950714

Из анализа табл. 7.8 можно сделать вывод, что маргинальные левые партии (марксисты, партия за легализацию марихуаны и т.д.) также не могут рассчитывать на голоса иммигрантов. Наблюдается незначимая (и часто отрицательная) зависимость между процентом поддержки этих партий и долей мигрантов.

Таблица 7.9

Голосование за партию зеленых

Зависимая переменная: все маргинальные левые + партия зеленых				
Число наблюдений: 37				
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
US&WestEuropmigrants	0,318105	0,177626	1,790872	0,0828
EastSouthEuropmigrants	—0,08052	0,119613	— 0,67313	0,5057
LatAmermigrants	0,252836	0,300447	0,841533	0,4063
AfroAsianmigrants	0,023682	0,072523	0,326538	0,7461

C	0,033368	0,01029 9	3,23987 4	0,0028
R-squared	0,133072	Mean dependent var		0,047157
Adjusted R-squared	0,024706	S.D. dependent var		0,023449
S.E. of regression	0,023158	Akaike info criterion		— 4,56787
Sum squared resid	0,017161	Schwarz criterion		— 4,35018
Log likelihood	89,50563	F-statistic		1,227984
Durbin-Watson stat	1,470351	Prob(F-statistic)		0,318535

Из результатов анализа, приведенных в табл. 7.9, видно, что «зеленым» чаще симпатизируют эмигранты из США и Западной Европы (хотя значимость наблюдается лишь на 8%-м уровне).

Таблица 7.10

Голосование за левые партии (включая НДП)

Зависимая переменная: все левые, включая НДП				
Число наблюдений: 37				
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.

US&WestEuropmigrants	1,377855	0,592074	2,327167	0,0264
EastSouthEuropmigrants	1,035278	1,199157	0,863338	0,3944
LatAmermigrants	—4,52101	1,995267	— 2,26587	0,0304
AfroAsianmigrants	0,354122	0,27586	1,283703	0,2085
C	0,204527	0,031396	6,514461	0
R-squared	0,246838	Mean dependent var		0,255807
Adjusted R-squared	0,152692	S.D. dependent var		0,101167
S.E. of regression	0,093124	Akaike info criterion		— 1,78469
Sum squared resid	0,277505	Schwarz criterion		—1,567
Log likelihood	38,01673	F-statistic		2,621878
Durbin-Watson stat	1,943768	Prob(F-statistic)		0,05306

Из табл. 7.10 видно, что левых (сумма голосов за все партии) поддерживают американские и европейские мигранты («либералы») и отторгают выходцы из Латинской Америки.

Голосование за Либеральную партию Канады

Зависимая переменная: Либеральная партия				
Число наблюдений: 37				
Variable	Coefficient	Std. Error	t—Statistic	Prob.
US&WestEuropmigrants	0,157713	0,954959	0,165151	0,8699
EastSouthEuropmigrants	1,250211	0,96286	1,298434	0,2034
LatAmermigrants	—0,87922	2,151953	—0,40857	0,6856
AfroAsianmigrants	—0,00791	0,251255	—0,03146	0,9751
C	0,278628	0,043723	6,372564	0
R-squared	0,061127	Mean dependent var		0,308076
Adjusted R-squared	—0,05623	S.D. dependent var		0,117088
S.E. of regression	0,120335	Akaike info criterion		—1,27199

Sum squared resid	0,463373	Schwarz criterion	—1,0543
Log likelihood	28,53187	F-statistic	0,520856
Durbin-Watson stat	1,541982	Prob(F-statistic)	0,721011

Из табл. 7.11 можно сделать вывод, что Либеральная партия Канады (левоцентристы) не вызывает явно выраженных симпатий, равно как и антипатий, иммигрантов.

Таблица 7.12

Голосование за Квебекский блок

Зависимая переменная: Квебекский блок				
Число наблюдений: 37				
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
US&WestEuropmigrants	—2,33341	0,999409	—2,33479	0,026
EastSouthEuropmigrants	—0,90171	0,678603	—1,32877	0,1933
LatAmermigrants	4,262668	3,198967	1,332514	0,1921
AfroAsianmigrants	—0,3092	0,317787	—0,97296	0,3379
C	0,149643	0,056703	2,639064	0,0127

Окончание табл. 7.12

R-squared	0,21879 5	Mean dependent var	0,063431
Adjusted R-squared	0,12114 4	S.D. dependent var	0,145959
S.E. of regression	0,13683 3	Akaike info criterion	— 1,01502
Sum squared resid	0,59914 4	Schwarz criterion	— 0,79733
Log likelihood	23,7779 4	F-statistic	2,240588
Durbin-Watson stat	2,14061 1	Prob(F-statistic)	0,086601

Из анализа результатов, представленных в табл. 7.12, можно сделать вывод, что эмигранты из США и Западной Европы не поддерживают квебекских националистов.

Таблица 7.13

Голосование за Консервативную партию

Зависимая переменная: Консервативная партия				
Наблюдений: 37				
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
US&WestEuropmigrants	0,887553	1,00201 1	0,88577 2	0,3823

EastSouthEuropmigrants	—1,24929	1,195416	— 1,04507	0,3038
LatAmermigrants	0,937609	2,46398	0,380526	0,7061
AfroAsianmigrants	—0,03402	0,422429	— 0,08054	0,9363
C	0,351962	0,032847	10,71519	0
R-squared	0,033727	Mean dependent var		0,362623
Adjusted R-squared	—0,08706	S.D. dependent var		0,126964
S.E. of regression	0,132375	Akaike info criterion		— 1,08127
Sum squared resid	0,560742	Schwarz criterion		— 0,86357
Log likelihood	25,0034	F-statistic		0,279235
Durbin-Watson stat	1,690114	Prob(F-statistic)		0,88923

Из табл. 7.13 следует вывод, что консерваторы, как и либералы, не являются фаворитами в глазах иммигрантов.

*Я приехал из Китая...
Богородица святая!
Хороша страна Китай...
Император всекитайский...
Каждый чих его — закон,
А Пекин — его столица —
На него должна молиться.
Я поклон ему отвесил,
Но правитель был невесел.
Полицейских вызвав рать,
Он велел меня забрать...
Ах, ах, ах! Постичь едва ли
Европейскому уму,
Чтобы запросто сажали
Невиновного в тюрьму.
Возвращение из Китая.*

Страницы немецкой поэзии в переводах Льва Гинзбурга

О некоторых свойствах экономического роста в Китае

Экономический рост современного Китая впечатляет многих. Китай предлагается в качестве модели для подражания экономистами с противоположными взглядами: от либертарианских (Cato Institute¹²⁸, А. Илларионов¹²⁹) до этатистских (В. Попов¹³⁰). Такое единодушие усиливает впечатление от экономического роста Китая, хотя на поверку оно может оказаться обманчивым.

В этой главе авторы намерены показать, что:

китайский экономический рост гораздо менее устойчив, чем обычно считают;

---

¹²⁸ Cato Institute (www.cato.org) оптимистично настроен относительно перспектив продолжения китайского экономического чуда, роста китайского потенциала и значения этой страны как партнера (<http://www.freetrade.org/issues/china.html>).

¹²⁹ http://www.libertarium.ru/l_ptchina_china.

¹³⁰ См.: Попов В. Пекинский консенсус // Коммерсантъ. 2006. 1 сент.; Он же. Шок и рынок // Коммерсантъ. 2006. 30 авг.

власти страны, особенно в последние годы, позволяют себе немало действий, подрывающих стабильность экономического роста;

феномен роста Китая содержит гораздо меньше нового и поучительного, чем принято думать;

сценарии высоких темпов экономического роста в долгосрочном периоде, при которых Китай сможет прочно занять позицию крупнейшей экономики мира, существуют, но их реализация маловероятна.

Хотя большинство богатых стран — правовые демократии, феномен быстрого роста экономики в авторитарных государствах не является чем-то необычным. СССР на протяжении многих десятилетий впечатлял западных интеллектуалов экономическими успехами. Лидеры западного мира¹³¹ всерьез допускали перспективу сосуществования в условиях лидерства СССР (по объему производства и производительности труда, т.е. в условиях «победы социализма» в экономическом соревновании двух систем), хотя и видели неспособность социализма поддерживать высокий жизненный уровень граждан. Нобелевские лауреаты предсказывали неуклонное развитие «самой стабильной экономики мира» еще в 1980-е гг. (П. Самуэльсон внес этот прогноз в свой знаменитый учебник по экономике, включая издание 1989 г.¹³²).

А. Пжеворский¹³³ отмечал, что при сопоставимых средних показателях роста авторитарные режимы характеризуют большие пиковые значения, как положительные, так и отрицательные. Иными словами, главная проблема экономического роста при авторитарном режиме — нестабильность.

Если же расширить временной интервал анализа с 40 лет, как у Пжеворского, до 180 лет, то эта разница становится еще более очевидной¹³⁴. Вероятно, имеет смысл распространить осторожный подход Чжоу Эньлая к оценке итогов Великой французской революции и на наблюдаемый с конца XX в. экономический рост Китая.

Кроме преимуществ, которые дает осторожность и осмотрительность перед поспешностью, есть еще несколько веских причин не торопиться с выводами об успехах капиталистического строительства в КНР.

В ряде более ранних работ мы показали, что надежность гарантий прав собственности требует в качестве необходимого предварительного условия надежности гарантий неприкосновенности собственника¹³⁵.

В этих же работах объяснялся феномен способности КНР привлекать прямые иностранные инвестиции своеобразным импортом институтов из развитых стран. Отсутствие практики задержания и лишения свободы обладателей паспортов стран с правовой демократией означало фактическую их неприкосновенность (почти такую же, как и на родине). Для бизнесмена долговременная привычка к такому порядку вещей вполне эквивалентна универсальным правовым гарантиям. На самом деле механизм принципиально иной — это сдержанность режима в отношении как объема взимаемой ренты, так и методов ее выбивания. Но, как отмечал еще Олсон, только демократия с конкурентной властью и прозрачными универсальными процедурами может обеспечить гарантии собственника и собственности независимо от политической конъюнктуры¹³⁶ и личных соображений того или иного вождя.

На определенном этапе «стационарный бандит» полагает, что можно изымать ресурсы посредством платежей, именуемых налогами, особенно это характерно в случае постоянно продолжающегося роста, когда даже в коротком периоде выгоднее поддерживать права контрагентов, чем их грабить. Но однажды

---

¹³¹ Foreign Relations of the United States 1961—1963. Vol. V. Soviet Union. Department of State. Washington, DC (http://www.state.gov/www/about_state/history/vol_v/01_09.html); U.S. Department of State. Vol. X. Part 1. FRUS, 1958-60: E. Europe Region; Soviet Union; Cyprus Office of the Historian <http://dosfan.lib.uic.edu/ERC/frus/frus58-60x1/13soviet7.html>; *Horne, 1989*. P. 303.

¹³² «Советская экономика доказала, что вопреки неоднократно высказываемому ранее скептицизму социалистическая командная система может работать и даже процветать». — *Samuelson P. Economics*. 1989. P. 837. http://www.cne.org/pub_pdf/monatsmag/2004_10_00_CNE_Monatsmagazin_eng.htm.

¹³³ *Przeworski, Alvarez, Cheibub, Limongi, 2000*.

¹³⁴ *Яновский, Шульгин, 2008*.

¹³⁵ *Яновский, Шульгин, 2008; Мау, Яновский, Жаворонков и др., 2007*.

¹³⁶ *Olson, 2000*.

«стационарный бандит» может решить, что деньги нужны срочно (на борьбу с последствиями кризиса или наводнения, на войну и т.п.), а потому несознательный предприниматель должен отдать весь свой бизнес. Чтобы ускорить «разъяснительную» процедуру, предпринимателя можно посадить. Такая практика широко распространена в государствах, основанных не на власти закона, а на дискреционном, т.е. произвольном, принятии решений.

В конце 1970-х гг. политически мотивированное насилие резко сократилось, иначе говоря, снизились риски для жизни потенциального собственника. Само понятие «быть собственником» было реабилитировано и перестало считаться преступлением. Огромный «навес» возможных взаимовыгодных сделок и маленьких бизнесов начал реализовываться, обеспечивая высокие темпы роста. Среди других ключевых источников такого роста следует выделить один из самых низких уровней экономического развития в мире на новом старте и огромный резерв дешевой рабочей силы в деревне, до сих пор еще не исчерпанный. Все это создало условия для быстрого и сравнительно продолжительного роста китайской экономики.

Деревня — городу

Главным конкурентным преимуществом и ресурсом роста китайской экономики в настоящее время является человеческий капитал — рабочая сила, дешевая и относительно квалифицированная. При этом китайцы неприхотливы и имеют определенные представления о трудовой этике.

Наплыв рабочей силы из села, где уровень жизни катастрофически низкий, делает конкуренцию между людьми в Китае особенно ожесточенной, заставляет их проявлять лучшие способности и работать, по сути, на пределе возможностей. Помимо всех косвенных и трудно подсчитываемых эффектов отметим и чисто экономический: высокая конкуренция обуславливает низкую стоимость рабочей силы, что наряду с систематически занижаемым курсом юаня уменьшает стоимость товаров, идущих на экспорт (т.е. повышает конкурентоспособность китайской продукции).

Через десятилетия роста, подпитываемого давлением притекающей из деревни рабочей силы, прошли и Европа, и Россия (СССР), и отчасти США.

Маршрут прохождения этого этапа развития в СССР был самым варварским по сравнению с крупными индустриальными странами (как, впрочем, и в Китае при Мао). При этом экспорт продовольствия играл не самую значимую роль. Отъем у крестьян продовольствия на экспорт и продажа крестьянам продукции отечественной промышленности по завышенным ценам, вероятно, имеют не самое важное значение. Более существенным стал переток наиболее трудоспособных, энергичных, честолюбивых граждан из деревни в город.

Заметим, что ни в СССР, ни в Китае политика ускоренной индустриализации, накопления за счет мобилизации ресурсов села не имела серьезной отдачи. Само по себе наличие избыточной трудовой массы еще не гарантирует высоких, а тем более устойчивых темпов роста, так что при тоталитарной политике даже этот козырь не всегда срабатывает. Мобилизация ценой голода в индустриализации СССР имела результатом быстро добытые дополнительные 4—5 млн т зерна в течение двух лет¹³⁷ за счет потери миллионов человек (рабочей силы). Даже в перспективе 1933—1941 гг. это не было приобретением. Отличие Китая заключалось в том, что его человеческие ресурсы казались неисчерпаемыми, в то время как в СССР после голода, войны и ГУЛАГа нехватка рабочей силы стала ощутимой уже в 1950—1960-е гг.

Итак, главным фактором структурной трансформации в Китае, как ранее в других странах, является человеческий капитал (в широком смысле), а его истощение означает исчерпание резерва деревни. Возникает вопрос: как долго может продлиться стимулирующий эффект от перелива населения из деревни в город?

Максимальная численность сельского населения в Китае была зафиксирована в 1995 г.¹³⁸ — 860 млн, после чего наблюдалось снижение. На сегодняшний день доля сельских жителей составляет около 55% общей численности населения. Если учесть, что сельское население сокращается примерно на 10 млн в год, то, согласно приблизительному подсчету, процесс урбанизации может растянуться на 40—60 лет.

---

¹³⁷ Гайдар, 2005 (ср. данные с. 315, табл. 8.9, с аналогичными китайскими показателями — с. 316, табл. 8.10).

¹³⁸ http://www.allcountries.org/china_statistics/4_1_population_and_its_composition.html.

Что касается избытка трудовых ресурсов, то, по некоторым оценкам, «запас» дешевой рабочей силы в современном Китае только в селе составляет примерно 17% трудоспособного населения страны¹³⁹. Имеется «запас» и в городе — безработица 4,5%, а это не менее 10% трудоспособных горожан. Если же учесть, что малоэффективные государственные предприятия в значительной степени маскируют безработицу, реальные масштабы трудоизбыточного населения впечатляют.

Однако можно предположить, что роль «запаса» дешевой рабочей силы как фактора экономического роста будет постепенно уменьшаться.

Во-первых, потенциал экстенсивной модели экономического роста — за счет все более масштабного вовлечения ресурсов в экономику — в Китае в значительной мере исчерпан. Но причина здесь, как ни странно, не в ограниченности ресурсов (по крайней мере, трудовых ресурсов, как мы отметили, вполне достаточно), а в ограниченности спроса, прежде всего мирового¹⁴⁰. В середине 1990-х гг. загрузка производственных мощностей составляла 30—60% (нормальной считается загрузка на уровне 80—90%) в зависимости от отраслей, в дальнейшем она только снижалась¹⁴¹. Это свидетельствует о том, что создано множество дублирующих друг друга или вообще ненужных (с точки зрения спроса) производств. В связи с этим понятно, что продолжающийся приток рабочей силы ситуацию в экономике не улучшает (или это будет рост ради роста, как в командной экономике).

Во-вторых, власти целенаправленно ослабляют способность города абсорбировать мигрантов, препятствуя росту наиболее квалифицированного и образованного населения. При этом искусственно создается дефицит квалифицированных кадров, что ведет к росту их стоимости, а в долгосрочной перспективе — к снижению рентабельности экономики. Избыток малоквалифицированных мигрантов из деревни оказывает давление лишь на соответствующий сектор рынка труда. От низких цен на их рабочую силу выигрывает строительство, торговля, благоустройство городских территорий и т.п.

Однако диспропорции могут привести к ситуации, когда выгоднее создавать трудоемкие производства в ущерб капиталоемким (вместо одного крана использовать два десятка рабочих), а это негативно сказывается на развитии технологий. По мере того как Китай все настойчивее претендует на роль мирового экономического и технологического центра, уровень образования и квалификации кадров становится определяющим фактором развития и «помощь из села» оказывается ненужной.

С нашей точки зрения, основное заблуждение экономистов, видящих Китай лидером и примером для подражания, лежит в слепой экстраполяции трендов периода индустриализации и урбанизации. Это крайне ненадежное основание для прогнозов, особенно для страны, где отсутствуют институциональные предпосылки долгосрочного экономического роста: надежные гарантии защиты прав собственности и собственника в виде сочетания формальных, обезличенных правовых норм и соответствующей традиции правоприменительной практики.

О достижениях в исторической ретроспективе

Если рассматривать рост экономики Китая в ретроспективе, то нынешние успехи становятся, с одной стороны, менее головокружительными, а с другой — более понятными. Так, в начале XIX в. на Китай приходилось около трети мирового продукта (табл. 8.1). В период бурного роста на Западе доля Китая в мировом производстве постоянно падала (как из-за внутренних причин — крестьянских войн и революций, так и из-за внешних — роста вклада других стран в мировой продукт). К 1995 г., согласно Мэддисону, доля Китая вернулась к уровню 10% и, хотя продолжает расти, остается значительно ниже прежних значений. Иными словами, Китай в конце XX столетия только восстановил, да и то лишь отчасти, позиции, утраченные им ранее в ходе промышленного роста на Западе. Экономическая мощь Китая во многом объясняется огромной территорией и многочисленным населением, так что даже при невысоких показателях ВВП на душу населения общий объем произведенного продукта выше, чем в других странах.

---

¹³⁹ Гельбрас, 2005.

¹⁴⁰ Во время кризиса 2008—2009 гг. чрезмерная зависимость китайской экономики от экспортного сектора стала очевидной.

¹⁴¹ Гельбрас, 2003.

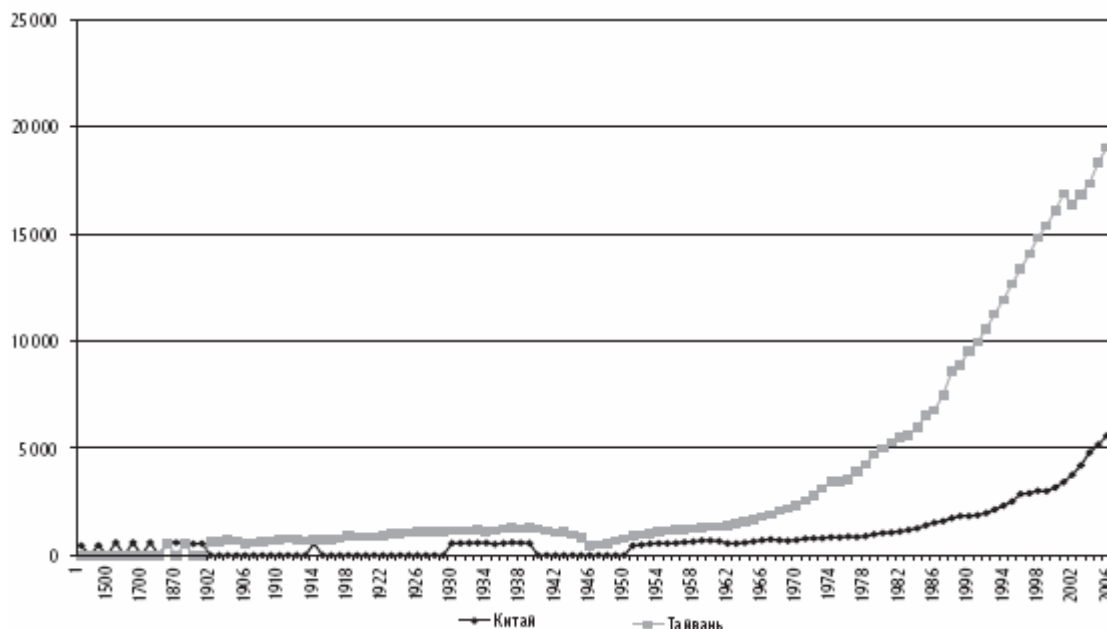
Доля крупнейших стран в мировой экономике, %

Страна	1700	1820	1890	1952	1978	1995	2006
Китай	23,1	32,4	13,2	5,2	5,0	10,9	16,8
Индия	22,6	15,7	11,0	3,8	3,4	4,6	6,1
Япония	4,5	3,0	2,5	3,4	7,7	8,4	6,1
Страны Европы	23,3	26,6	40,3	29,7	27,9	23,8	20,9
США	—	1,8	13,8	28,4	21,8	20,9	19,6
СССР/Россия	3,2	4,8	6,3	8,7	9,2	2,2	2,4

Источники: Maddison A. Chinese economic performance in the long run. Table 2.2a (статистические данные см. в: <http://www.ggdcc.net/maddison/>); Maddison A. March 2009, http://www.ggdcc.net/maddison/Historical_Statistics/vertical-file_03—2009.xls. Домашняя страница Ангуса Мэддисона.

Однако если сравнивать подушевой ВВП, то в отличие от начала XIX в. отставание Китая от лидеров заметно выросло. По данным Мэддисона, Китай в 2006 г. отставал от США более чем в 5 раз по показателю ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности (ППС) номинальный разрыв намного выше¹⁴²). В 1820 г. отставание от Великобритании было менее чем трехкратным (от Нидерландов — немного более чем трехкратным). Тайвань по-прежнему опережает Китай в 3 раза (рис. 8.1).

¹⁴² По оценкам Всемирного банка, подушевой национальный доход Китая в 2007 г. составил 2037 долл., а по ППС — 5420 долл. Показатели США: 46 040 и 45 840 долл. соответственно (WDI 2009), т.е. показатели Китая меньше американских более чем в 22 раза, или в 8 раз по ППС.

Источник: Историческая статистика на домашней странице А. Мэддисона. 2009. March. http://www.ggdс.net/maddison/Historical_Statistics/vertical-file_03—2009.xls.

Рис. 8.1. Динамика подушевого ВВП Китая и Тайваня, международные доллары 1990, Гири-Хамис

Следует отметить, что хотя мы и ссылаемся на статистические данные о ВВП Китая, весьма вероятно, что многие из них сильно завышены. Сложность объективных оценок обусловлена целым рядом причин. Официальная статистика склонна преувеличивать достижения и умалчивать о недостатках¹⁴³. Существуют заметные расхождения между данными центральных статистических органов и сведениями, переданными из провинций¹⁴⁴. Официальный ВВП заметно превосходит более точно измеряемые натуральные показатели, например потребление электроэнергии и объем внутренних грузоперевозок, причем при отсутствии данных о том, что экономика стала более энергосберегающей¹⁴⁵. Все это говорит о том, что официальные данные по ВВП Китая завышены.

Также отсутствует надежная информация о неэкспортном секторе¹⁴⁶. Отрасли этого сектора менее открыты, а то и вовсе закрыты для мировой конкуренции. Зачастую они не вполне открыты даже для внутренней конкуренции (банковский сектор и ЖКХ). В результате они остаются отсталыми, а в отношении перспектив роста становятся бременем на экспортном секторе.

Что касается экспорта, то его объем на протяжении последних двух десятилетий соответствовал уровню стран, которые в несколько раз опережали Китай по ВВП на душу населения¹⁴⁷. Безусловно, в отличие от модели экономики, направленной на экспорт сырья, реализуемой, например, в России, «экспортно-

¹⁴³ Анекдотично-конспирологическую версию о том, что китайское руководство занижает данные по экономическому росту, чтобы не раздражать и не пугать мир, мы не рассматриваем.

¹⁴⁴ Гельбрас, 2003.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Механизм сбора и публикации информации статистическим ведомством КНР не защищен от политического давления и фальсификаций в силу зависимости. (Как и в любом тоталитарном государстве, в котором публикуемая статистическая отчетность является также инструментом пропагандистского воздействия на окружающий мир.)

¹⁴⁷ Попов, 2006.

ориентированная» модель значительно более перспективна, однако она не может гарантировать устойчивость и долгосрочность роста. Последнее в конечном счете зависит от способности системы генерировать новые *научно-технические знания*, а также создавать механизмы их применения на практике. В этой области государство не может соперничать со свободным рынком, по крайней мере в длительной перспективе.

Е. Гайдар (2005) отмечал, что кроме непрозрачности государства и недостоверности статистики с оценкой ВВП тоталитарных стран есть более фундаментальная проблема. Оценка, проводимая главным образом по итогам покупок свободных потребителей на свободном рынке, и оценка закупок, значительная¹⁴⁸ часть которых определяется административно, вообще плохо сопоставимы.

Рост китайского Левиафана

Невысокая, но систематически возрастающая доля государственных доходов (5,4% ВВП в 1995 г. и 10,3% в 2007 г.¹⁴⁹) и государственных расходов к ВВП (12,9% в 1997 г. и 19,9% в 2007 г.¹⁵⁰) свидетельствует о том, что, хотя государственное фискальное вмешательство в экономику по сравнению с развитыми странами невелико, эта мера во многом вынужденная. При средних доходах большинства населения, едва превышающих прожиточный минимум, невозможно собирать налоги по высоким ставкам. Так, в одной из богатейших стран Древнего мира — в Египте — налоговое бремя в 20% воспринималось и оценивалось как показатель рабского состояния¹⁵¹. Государство же, не подотчетное избирателю и достаточно сильное, чтобы стабильно собирать налоги, заинтересовано максимизировать налоговые сборы как для укрепления режима в чисто военном отношении, так и для «покупки» политической стабильности. Последняя цель недостижима на определенном уровне налогового бремени из-за постоянной переоценки и роста «минимального» уровня, который стремится обеспечить государство.

Вместе с тем заметим, что официальные данные не всегда и не вполне отражают уровень реального вмешательства государства в экономику, так как показывают только ту часть доходов, которая проходит через бюджеты различных уровней. Официальные данные не учитывают нелегальные поборы, совсем не оценивают упущенную экономическую выгоду от деятельности государства и его агентов (например, отказ от открытия частного предприятия в связи с высокими административными барьерами).

Уровень экономической свободы в Китае по сравнению с первыми годами реформ вырос. При этом похоже, что реальная либерализация пришла на 1980-е. В дальнейшем ситуация не улучшалась, а, по некоторым данным, даже (относительно других стран) несколько ухудшилась¹⁵².

В условиях смешанной экономики нельзя говорить о решающем влиянии на экономический рост государства (равно как и рынка), тем не менее влияние государства оказывается ощутимым. Например, оно отражается в структуре ВВП и экспорта, где опережающие темпы роста начиная с 1990-х гг. показывали тяжелая промышленность и соответствующие экспортные товары, а легкая промышленность, бурно развивавшаяся в 1980-е гг. благодаря мелким частным предприятиям, значительно отставала¹⁵³. Подобные структурные сдвиги, вероятнее всего, обусловлены влиянием государства, что могло выражаться не столько

---

¹⁴⁸ Хотя, конечно, далеко не настолько значительная, как в СССР.

¹⁴⁹ World Bank. WDI 2009. Table 4.10.

¹⁵⁰ http://www.adb.org/Documents/Books/Key_Indicators/2008/xls/PRC.xls.

¹⁵¹ Что нашло отражение в Пятикнижии, см.: Бытие 47:24.

¹⁵² По методологии www.freetheworld.com, уровень экономической свободы в Китае вырос с 4,42 в 1980 г. до 6,17 в 2006 г. (максимально возможный индекс — 10,0), при этом в рейтинге Китай опустился с 80-го до 88-го места. <http://www.freetheworld.com/2008/EconomicFreedomoftheWorld2008.pdf>.

¹⁵³ В частности, производство стали выросло за 1990—2007 гг. в 7,37 раза, экспорт машиностроительной продукции — в 48 раз, экспорт текстильной продукции — в 6,8 раза. При этом ВВП увеличился в 5,3 раза. <http://www.adb.org>.

в прямом вмешательстве в экономику, сколько в предпочтениях крупным корпорациям, многие из которых тесно связаны со структурами Коммунистической партии Китая (КПК).

Есть основания предполагать, что в дальнейшем по мере увеличения ВВП роль государства будет возрастать. Во-первых, в силу физической возможности собирать более высокие налоги (*извлекать более высокую ренту*) без опасности подорвать налоговую¹⁵⁴ (административно-рентную) базу. Во-вторых, с ухудшением делового климата возможности государства игнорировать недовольство трудоизбыточного населения резко снижаются. Авторитарное государство может полностью отказаться от «социального» перераспределения, если оно обеспечивает высокие темпы экономического роста на здоровой основе, т.е. на основе благоприятного делового климата. Следствием последнего является, как правило, сохранение неизменным разрыва в доходах между социальными группами и регионами (чем выше темпы роста без искажающего государственного вмешательства, тем надежнее смягчаются диспропорции¹⁵⁵ в долгосрочном периоде). Тогда логичным является жесткое преследование правительством левых экстремистов за «разжигание классово-рози», как это происходило в Турции. Однако, если власть сама склонна обращаться к социальной демагогии и если при этом деловой климат ухудшается, обойтись без подкупа трудоизбыточного населения сложно. Последний в сочетании со стимулами чиновников к раздуванию требуемых для их ведомства ресурсов ведет к формированию устойчивой тенденции роста общего бремени государства.

Такие действия и политическое решение властей опираться не на группы населения, которые более других выиграли от реформ, еще более ухудшают деловой климат. В долгосрочной перспективе это провоцирует рост ожиданий люмпенизированных слоев и, таким образом, угрожает социально-политической стабильности. Это очень опасно, ведь КПК не является монолитным образованием. Партия фактически выступает не столько коалицией, сколько конгломератом групп специальных интересов. Институциональная слабость Китая заключается в отсутствии обратной связи в обществе: население не имеет возможности повлиять на решения руководства, и по мере снижения вероятности революционных выступлений слабеет мотивация руководителей продолжать реформы.

Новые тенденции

Выбор нового поколения

Есть серьезные основания полагать, что тенденция первых лет китайских реформ к либерализации экономики, к ослаблению государственного контроля прервана¹⁵⁶.

Косвенно об этом свидетельствует опрос пекинских студентов, проведенный в 2007 г. Согласно данным этого опроса, госслужба заняла второе место среди желаемых профессий (на первом месте — работа в транснациональных корпорациях). Из опрошенных студентов 13% хотели бы работать на государственных

---

¹⁵⁴ В недемократическом государстве, как показали М. Олсон (*Olson, 2000*), В. Май (*May B. Налоговая система: Верность ордынской традиции // Ведомости. 2007. 5 марта. <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2007/03/05/121750>*), экономический смысл налогов радикально отличается от их смысла в государстве демократическом. В последнем случае налогоплательщик оплачивает — хотя и не вполне добровольно — поставку общественных благ. Причем при демократии, особенно при утверждении ставок налогов с каждым законом о бюджете, как это было в США в XIX в., уровень добровольности оказывался довольно высоким, в отличие от нынешних демократий всеобщего избирательного права. В недемократической же стране любые платежи государству практически не связаны с объемом и качеством общественных благ и скорее напоминают не налог, а дань, т.е. плату, откуп насильнику за временную отсрочку расправы.

¹⁵⁵ *Priest G.L. Poverty, Inequality and Economic Growth: Simple Principles. http://www.law.yale.edu/documents/pdf/Priest_poverty_inequality_and_economic_growth_simple_principles.pdf; см. также: <http://info.worldbank.org/etools/BSPAN/PresentationView.asp?PID=783&EID=399>.*

¹⁵⁶ *Huang, 2008.*

предприятиях и только 1% — заниматься частным предпринимательством¹⁵⁷. Конкурсы на должности госслужащих бьют все мыслимые рекорды¹⁵⁸.

Так, в позднем Средневековье — при аналогичном уровне защищенности прав собственности и престиже предпринимательской деятельности — наиболее талантливые и энергичные, даже добившись успехов в торговле, зачастую старались купить титул, землю и стать такими, «как все нормальные аристократы»¹⁵⁹, т.е. пробиться в элиту, принадлежность к которой определяла не столько возможность краткосрочного успеха, сколько надежный (насколько это вообще было возможно), долгосрочный статус семьи. Статус не только политический, но и экономический, поскольку в стране, где доминирующее насилие¹⁶⁰ подменяет закон, власть (т.е. насилие) и есть основной источник стабильного («легитимного») богатства.

При этом не наблюдается никаких признаков того, что возросший уровень вмешательства государства и перераспределения богатства в Китае снизил неравенство в стране.

Ухудшение инвестиционного климата, естественно, больше всего бьет по мелкому частному предпринимателю в деревне и в маленьких городах, что снижает возможности занятости и отчасти искусственно увеличивает миграцию в большие города.

Рынок рабочей силы: некоторые тенденции

Индийский опыт показывает, что свобода выезда и массовый выезд за рубеж наиболее талантливых, предприимчивых молодых людей не является однозначной потерей для страны. Напротив, это может выступить катализатором роста в долгосрочной перспективе, такого, каким стал рост высокотехнологичных отраслей, когда преуспевшие на Западе индусы прокладывают дорогу инвестициям из США на свою родину. В этом смысле либерализация эмиграционных процедур в Китае — явление в долгосрочной перспективе прогрессивное¹⁶¹, но при одном важном условии. Для того чтобы у преуспевшего китайца возникло желание вернуться с капиталами и знаниями, заработанными за рубежом, в свою страну, необходимы не только формальная возможность быстро открыть бизнес, вывозить прибыль и т.п., но и гарантии собственности и собственника. В Индии присутствуют, по меньшей мере, последние. В Китае ситуация пока далеко не столь однозначна.

А что будет, если отъезд энергичной молодежи за рубеж не вызовет через то или иное время обратного движения — притока человеческого капитала «с процентами» в виде новых знаний, опыта, репутации и заработанного капитала? Тогда этот процесс будет означать «смягчение проблемы безработицы» за счет отъезда потенциальных высококвалифицированных работников, менеджеров и предпринимателей (с последующим замещением их потенциальными дворниками, чернорабочими, металлургами и токарями).

Быстро растущие китайские пригороды канадских городов, включая пригороды изначально богатые, иллюстрируют этот процесс. Причем современные китайцы в отличие от рожденных в 1960-е гг., как правило, не будут действовать в ущерб себе во имя интересов родины и партии. Единственные дети в городских семьях, они не имеют оснований ощущать обязательства перед государством. Проведя годы и десятилетия на Западе, они, вероятно, адаптируются там значительно глубже, чем их предшественники.

---

¹⁵⁷ *ibid.* P. 282.

¹⁵⁸ Появляются, например, даже такие сообщения: «Для участия в экзаменах на должность госслужащих в г. Вэйфан провинции Шаньдун в 2009 г. подали заявления 37 021 человек, что на 15 070 больше, чем в прошлом году, при конкурсе 50—400 человек на место». <http://www.epochtimes.ru/content/view/22981/4/>

¹⁵⁹ См., к примеру: *Котельникова, 1987*. В современной России некоторые предприниматели совершают кажущиеся на первый взгляд не вполне оправданными (с точки зрения прибыльности, например) приобретения за рубежом — в странах, где собственность надежно защищена. При этом мотив ограничения рисков путем расширения доли малоприбыльных, но надежных активов представляется более чем рациональным во всех описанных ситуациях — от инвестирования своего человеческого капитала в подготовку к государственной службе до приобретения за рубежом футбольных команд.

¹⁶⁰ Квазилегитимное насилие власти.

¹⁶¹ *Гельбрас, 2005*.

Отметим в связи с этим одно обстоятельство. Часто обсуждаемые меры властей КНР по контролю за Интернетом сами по себе, вероятно, не столь уж важны, но они являются индикаторами двух явлений:

информационной закрытости, стандартной для всех обществ, кроме конкурентной правовой демократии;

более низкой (из-за этого) конкурентоспособности Китая в борьбе за привлечение наиболее образованных научных и технических кадров, а также инвестиций в венчурные проекты. Сама возможность государства-предпринимателя манипулировать информацией снижает доверие, что особенно опасно для высокорискованных долгосрочных проектов.

На ухудшение структуры предложения рабочей силы в КНР дополнительно влияет политика контроля над рождаемостью. Власти, по сути, препятствуют воспроизводству слоя образованных, квалифицированных горожан. При этом возможности контролировать прирост населения в селе были и остаются ограниченными, т.е. нехватка образованных горожан «компенсируется» притоком пока еще честолюбивых и энергичных селян (в селе эффективный контроль за рождаемостью объективно затруднен: низкий уровень предоставляемых государством «социальных» услуг снижает интерес крестьян к государственной регистрации новорожденных). Но запас энергичной, предприимчивой сельской молодежи ограничен (ее явное меньшинство среди мигрантов). Крестьянин, приехавший не «завоевывать столицу», а просто решить на время проблему пропитания, никоим образом не замещает нехватку («недородившихся» или эмигрировавших) более культурных горожан.

Наметившееся усиление роли государства положительно коррелирует с ростом коррупции¹⁶². При этом активная антикоррупционная политика властей заведомо неэффективна, поскольку «врач» лечит «болезнь», которую сам же и вызывает.

Положение значительно усугубляется незрелостью правовой системы Китая и неоднозначностью трактовки законов. Различные государственные и квазигосударственные органы берут на себя полномочия устанавливать правила относительно различных аспектов социальной и экономической жизни, однако выяснить, на самом ли деле они имеют такие полномочия, зачастую невозможно. Система не обладает эффективным и общепризнанным способом решения этих вопросов¹⁶³. Большое разнообразие регулирующих актов, выпущенных различными органами, не оставляет возможности для бизнеса работать в строго легальном поле. Такая ситуация характерна для большинства развивающихся стран, где почти всякий экономический агент неизбежно обнаруживает себя нарушающим хоть какой-нибудь закон, а значит, постоянно находится перед лицом возможных репрессий со стороны власти. Можно сказать, что из-за отсутствия в системе единого источника конечных полномочий не существует и единого китайского правового порядка, но вместо этого есть много «правовых» порядков, каждый из которых имеет собственную юрисдикцию, иерархию власти и правила¹⁶⁴.

Широко анонсированная кампания по борьбе с коррупцией, затеянная ради поддержания престижа КПК и преследующая популистские цели (переадресация недовольства народа с государственной власти в целом на отдельных чиновников и олигархов), на практике является расправой с политическими соперниками.

Китайские гарантии

Даже на пике своих успехов Китай не обладал развитым транзакционным сектором. Китайские банки, инвестиционные компании оставались и остаются подконтрольными государству и неэффективными. Проблемы частного инвестирования венчурных проектов мы уже упоминали.

Все это имеет прямое отношение к отмеченной выше недостаточности самих по себе гарантий собственности и бизнеса без должных гарантий собственника. Особенно это актуально для крупных, долгосрочных, транзакционных проектов, сопряженных с таким множеством рыночных рисков, что

---

¹⁶² Ранее коррупция была вполне эффективна в том смысле, что взятые коррумпированным чиновником обязательства, как правило, неукоснительно исполнялись, что и вызывало «энтузиазм американских предпринимателей», о котором писал Л. Арон (*Aron, 2001*).

¹⁶³ *Clarke, 2006*.

¹⁶⁴ *Ibid.* P. 51.

заложить в прибыль еще и дополнительные страновые политические риски уже невозможно, т.е. это актуально для проектов, требующих связывания капиталов на длительный срок и кооперации значительного числа агентов, требующих гарантий обезличенных, формальных, а не подкрепленных личным честным словом¹⁶⁵, деловой репутацией партнера или обещанием политического лидера, чиновника.

В июле 2009 г. газеты и информационные агентства сообщили об аресте группы сотрудников австралийской компании *Rio Tinto*, включая гражданина Австралии. Компания — крупнейший поставщик железной руды для черной металлургии Китая. Ранее эта компания отвергла предложение китайской стороны инвестировать почти 20 млрд долл. в китайскую государственную корпорацию *Chinalco*. Китайские спецслужбы обвиняют сотрудников компании в промышленном шпионаже, в результате чего австралийцы будто бы добыли информацию, позволившую получить с Китая «лишние» 102 млрд долл. (!)¹⁶⁶ При этом в Австралии обсуждается информация о попытке китайских спецслужб взломать почту премьер-министра Австралии в 2008 г.¹⁶⁷

Великобритания, прежде чем стать мастерской мира, прошла почти столетний период гарантий неприкосновенности личности, отказа от практики произвольного начисления налогов и иных подобных действий, т.е. гарантии собственности уже много лет обеспечивались там прочными гарантиями собственника. Поэтому, даже утратив статус доминирующей мировой державы и двигателя мировой экономики, эта страна не скатилась в «развивающиеся» страны, а продолжает нормальное экономическое развитие.

Среди важнейших факторов инвестиционной привлекательности Китая — ощущение политической стабильности¹⁶⁸, высокая надежность неформальных договоренностей («хорошая коррупция», когда коррумпированный чиновник строго исполняет взятые обязательства¹⁶⁹). Плюс ко всему иностранные инвестиции были «защищены» неформальными гарантиями гражданам развитых стран (старых правовых демократий) от произвольного ареста¹⁷⁰.

Казалось, в сочетании с неформальным же правилом китайских руководителей не разорять «источники кормлений» друг друга, установленным еще во время постепенного отхода от дел Дэн Сяопина, «протез» западных гарантий неприкосновенности личности собственника (инвестора) отлично работал.

Однако неформальные гарантии продержались недолго. Произошло событие, показавшее, что, по всей видимости, власти решились нарушить последние из таких «гарантий»¹⁷¹.

При определенной доле удачи заработать миллиардное состояние в Китае можно относительно быстро, но потерять — еще быстрее. Попадание в списки *Forbse* в Китае воспринимается не как почетное достижение, а скорее как дополнительный фактор риска¹⁷².

---

¹⁶⁵ Greif, 1994.

¹⁶⁶ http://www.channelnewsasia.com/stories/afp_asiapacific_business/view/448282/1.html.

¹⁶⁷ http://www.nytimes.com/2009/07/10/world/asia/10riotinto.html?_r=2.

¹⁶⁸ Ощущение в значительной степени иллюзорное с учетом приближения среднедушевых доходов к опасному порогу, когда дальнейшее развитие возможно только после революции (см.: Мау, Стародубровская, 2001. С. 63. Табл. 2.2; Мау, Яновский, Жаворонков и др., 2003. П. 4.3 «Проблемы авторитарной модернизации».

¹⁶⁹ Арон, 2002.

¹⁷⁰ <http://www.iет.ru/ru/importirovannye-instituty-v-strana-s-pere-odnoi-ekonomikoi-effektivnost-i-izderzhki-nauchnye-trudy-68-2.html>.

¹⁷¹ Дело компании *Rio Tinto* и арест австралийского гражданина Стерна Ху, сопровождающиеся уверенными комментариями официальных лиц о том, что процесс только повысит привлекательность Китая для прямых инвестиций: «It will not impair China's efforts in terms of attracting FDI. On the contrary, we believe it will benefit China's (efforts to get) FDI», — Vice Commerce Minister Fu Ziyang told reporters at a briefing» («Это не повредит усилиям Китая по привлечению прямых иностранных инвестиций. Наоборот, мы верим, что это будет способствовать успешности таких усилий» — заявил заместитель министра торговли на брифинге) // Business News. 2009. 12 авг. (http://www.channelnewsasia.com/stories/afp_asiapacific_business/view/448282/1.html).

К сожалению, наши прогнозы (Маслов, Яновский, 2009) продолжают сбываться. 9 февраля 2015 года был казнен миллиардер – металлург Лю Хань¹⁷³. Он был арестован в результате ослабления позиций его покровителя, бывшего члена политбюро ЦК КПК и шефа госбезопасности Чжоу Юнкяня, который потерял свои посты и обвиняется в коррупции (стандартное обвинение в Китае). Зато обвинения миллиардера были не вполне стандартными. Так крупнейшего предпринимателя обвиняли в "подработках" к основному бизнесу в виде торговли оружием, подпольными казино и заказными убийствами (только что не строительством тоннелей на Марс).

Страна, в которой мало чего стоит жизнь крупного предпринимателя, не может защищать частную собственность. Без надежной защиты собственности и собственника любое законодательство о регулировании бизнеса не стоит бумаги на которой опубликовано.

О текущем моменте

Кризис 2008—2009 гг. и реакция на него руководства крупнейших развитых стран (паника и экспансия государственного вмешательства) укрепили уверенность руководства КПК в правильности политики государственного руководства экономикой, в частности политики контроля за банками¹⁷⁴. Банки остаются под прямым контролем государства, и государство расплачивается за их неудачи, рекапитализируя их время от времени¹⁷⁵. Сокращение емкости мировых рынков и возможностей экспорта ухудшает перспективы даже посткризисного роста. Чтобы наращивать свою долю на рынке, вероятно, придется снижать цену, а значит, и прибыль. Для экономики, чей рост целиком связан с экспортным сектором и инвестициями, это очень опасно.

Другим, еще более опасным для перспектив китайской экономики обстоятельством стала новая внешняя политика «перезагрузок» и признания «особого» статуса Китая администрацией президента США Б. Обамы. Воспринимаемая как индикатор признаваемого самими американцами дряхления единственной «сверхдержавы», эта политика ослабляет мотивы, сдерживающие китайское руководство от массивного передела собственности иностранцев.

Приведенные выше соображения не означают, что следует ожидать скорого обвала китайской экономики. Уже сделанные огромные прямые инвестиции исключают возможность быстрого вывода капиталов, даже если бы всем стало ясно, что вести дела в Китае опасно. Однако очевидно, что новые проекты будут переоцениваться в свете новой информации, что, по нашему мнению, не может не сказаться и на будущих темпах роста китайской экономики.

Антикоррупционная и антикапиталистическая по сути риторика государственных СМИ, сопровождающая аресты и конфискации, способствует в краткосрочном периоде укреплению позиций правящей группировки. Получаемые же китайским руководством сигналы с Запада о безнаказанности подобных действий в сочетании с «головокружением» от успехов своего и иностранного бизнеса снижают вероятность сценария прекращения подобной практики в будущем. Продолжение ее чревато уже не просто замедлением темпов роста...

Существует очевидная и надежно регистрируемая взаимосвязь между устойчивостью правовой демократии в стране и высоким уровнем экономического развития. Дискуссия о направлении каузальности при этом ведется давно и по-прежнему далека от завершения¹⁷⁶. Как отмечал Дж. Бьюкенен, история —

---

¹⁷² *Huang Guangyu*. China's richest man, disappears amid corruption investigation // *The Times*. 2008. November 25 (<http://www.timesonline.co.uk/tol/new s/w orld/asia/article5221230.ece>).

¹⁷³ <http://www.bbc.com/news/world-asia-china-31341692>

¹⁷⁴ Фактически речь идет о зарезервированной руководством страны возможности вмешиваться там и тогда, когда они сочтут нужным, и теми методами, которые они сами выберут, т.е. о политике отсутствия гарантий от вмешательства в любое время в любом месте.

¹⁷⁵ Heritage Foundation Events: The New Strategic and Economic Dialogue with China: Fresh Start or Waste of Time? Discussion hosted by Derek Scissors; speakers S. Dunaway, E. Gresser, T. Smith (<http://www.heritage.org/Press/Events/ev072109a.cfm>).

¹⁷⁶ См., в частности, обзор этой дискуссии в статье: *Яновский, Шульгин*. Институты, демократия и экономический рост: тест 180-летнего развития // *Экономическая политика*. 2008. № 3. С. 57—75.

единственная доступная экономисту лаборатория. Китай и его история, в том числе та, которая делается у нас на глазах, не исключение.

Представляется, что только правовая демократия, обеспечивая неприкосновенность собственника, дает наилучшие гарантии частной собственности, а потому и наилучшие условия для долгосрочного экономического роста¹⁷⁷. Ранее также высказывалось предположение о том, что успехи авторитарной модернизации Китая связаны, с одной стороны, со снижением для большинства китайцев риска стать жертвой расправы, а с другой — с гарантиями гражданам стран правовых демократий, которые фактически предоставлялись до недавнего¹⁷⁸ времени китайскими властями¹⁷⁹.

Ближайшее десятилетие в Китае, вероятно, станет проверкой как теорий о направлении каузальности связи демократия — экономический рост, так и нашей гипотезы об одной из причин успехов Китая.

Если существенное замедление темпов экономического роста начнется именно в ближайшие десять лет при сохранении значительного «запаса» дешевой рабочей силы, это станет аргументом в пользу нашей гипотезы.

Если при сохранении нынешних институтов, в отсутствие гарантий собственника и собственности замедления темпов экономического роста в Китае вообще не произойдет, это будет сильным аргументом в пользу гипотезы о том, что только богатые страны могут позволить себе роскошь демократии.

Выводы

Экстраполяция тенденции высоких темпов экономического роста Китая на будущее крайне рискованна в силу ряда проблем:

исчерпаемости резерва качественной рабочей силы;

наблюдаемого быстрого ухудшения делового климата вследствие неэффективности «неписаных правил» и неустойчивости благоприятных для бизнеса «традиций» 1980-х — начала 2000-х гг.;

провоцирования СМИ «антикоррупционной» кампании, социальной напряженности и соответствующего нарастания рисков социально-политической нестабильности;

провоцирования роста ожиданий трудоизбыточного населения (ожидающего своей доли от передела собственности богатейших сограждан).

В условиях падения темпов роста есть основания ожидать неуклонного роста социальных обязательств государства. В этом же направлении действует отмеченный Нисканеном стимул чиновничества (особенно гражданского) раздувать расходы своих ведомств в бюджете¹⁸⁰. Таким образом, тенденция «масло наряду с пушками» имеет в Китае лучшие перспективы, нежели тенденция к росту прямых иностранных инвестиций.

Реализация сценариев развития, согласно которым Китай займет место крупнейшей экономики мира, менее вероятна, чем реализация сценариев, сопряженных с обострением отмеченных выше проблем.

---

¹⁷⁷ См. там же.

¹⁷⁸ До дела компании *Rio Tinto* и ареста австралийского гражданина Стерна Ху.

¹⁷⁹ Мау, Жаворонков, Яновский и др., 2003.

¹⁸⁰ *Niskanen W.* Bureaucracy and Representative Government. Chicago: Aldine-Alttherton, 1971.

Литература

- Арон Л.* Бедные демократические страны. Вместо пренебрежительного к ним отношения заслуживают нашей поддержки // *Материалы международной конференции «Экономический рост: после коммунизма»* 20—21 марта 2002 г., Москва. 2002. <http://www.iet.ru/ru/bednye-demokraticheskie-strany-vmesto-prenebrezhitelnogo-k-nim-otnosheniya-zasluzhivayut-nashei-podderzhki-2.html>.
- Барач Д.* Дэн Сяопин. М., 1989.
- Бергер Я.* Социально-экономическое развитие рыночных реформ в Китае // *Проблемы Дальнего Востока.* 2004. № 2.
- Бергер Я.* Синие книги как источник для изучения социальных процессов в Китае // *Проблемы Дальнего Востока.* 2005. № 4.
- Гайдар Е.* Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005.
- Гайдар Е.* Аномалии экономического роста. М., 1997.
- Гельбрас В.* Миграции китайского крестьянства // *Вопросы экономики.* 2005. № 7.
- Гельбрас В.* Китай: «У пчелы спина полосатая, но тигром ее не назовешь» // *Вопросы экономики.* 2003. № 3.
- Гудошников Л., Поляков В.* Развитие конституционного права КНР (1988—2004) // *Проблемы Дальнего Востока.* 2004. № 4.
- Котельникова Л.А.* Феодализм и город в Италии в VIII—XV веках. М.: Наука, 1987.
- Лопатина А.* Проблема передачи современных технологий из США в Китай // *Проблемы Дальнего Востока.* 2005. № 5—6.
- Лиу С., Лундин Н.* Китай на пути к открытой и рыночной инновационной системе // *Форсайт.* 2007. № 4.
- Мау В.А., Стародубровская И.В.* Великие революции. От Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001.
- Мау В., Яновский К., Жаворонков С. и др.* Импортированные институты в странах с переходной экономикой: эффективность и издержки. Научные труды. № 68. М.: ИЭПП, 2003.
- Мау В., Яновский К., Жаворонков С. и др.* Институциональные предпосылки современного экономического роста. Научные труды. № 106Р. М.: ИЭПП, 2007.
- Непомнин О.Е.* Социально-экономическая история Китая 1894—1914. М.: Наука, 1980.
- Непомнин О.Е., Меньшиков В.Б.* Синтез в переходном обществе. М., 1999.
- Попов В.* Чудеса в экономике. Китайская модель против неолиберализма // *Политический журнал.* 2006. 25 сент.
- Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и сотворение благоденствия // *Неприкосновенный запас.* 2001. № 2(16).
- Яновский К., Шульгин С.* Институты, демократия и экономический рост: тест 180-летнего развития // *Экономическая политика.* 2008. № 3.
- Aron L.* Poor Democracies. American Enterprise Institute for Public Policy Research. Outlooks & On the Issues. 2001. August 1. <http://www.aei.org/issue/13028>.
- Clarke D.C.* Corporate Governance in China: Dilemmas of Reform and Institutional Environment. Washington University Law School, 2006. P. 49. <http://www.isnie.org/ISNIE06/Papers06/07.5/c%20clarke%20draft.pdf>.

Greif A. Cultural Beliefs and the organization of Society: A Historical and Theoretical Reflection on Collectivist and Individualist Society // Journal of Political Economy. 1994. Vol. 102. N 5.

Djankov S., Qian Y., Roland G., and Zhuravskaya E. Who Are China's Entrepreneurs? // American Economic Review. American Economic Association. Vol. 96(2). May 2006.

Gates H. China's motor: A thousand years of petty capitalism. Ithaca: N.Y. Cornell University Press. 1996.

Ahrens and Patrick Jünemann "Transitional Institutions, Institutional Complementarities and Economic Performance in China A 'Varieties of Capitalism' Approach" // Workshop series on the Role of Institutions in East Asian development — Duisburg: University of Duisburg-Essen, Institute of East Asian Studies 2007.

Heritage Foundation. Seminar «The New Strategic and Economic Dialogue with China: Fresh Start or Waste of Time?» July 21. 2009 hosted by Derek Scissors.

Horne A. Harold Macmillan. L., 1989. Vol II: 1957—1986.

Huang Guangyu. China's richest man, disappears amid corruption investigation // The Times. 2008. November 25. <http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/asia/article5221230.ece>.

Huang Y. Capitalism with Chinese characteristics: entrepreneurship and the state. Cambridge University Press, 2008.

Olson M. Power and Prosperity. N.Y.: Basic Books, 2000.

Przeworski A., Alvarez M.E., Cheibub J.A., Limongi F. Democracy and Development. Political Institutions and Well-Being in the World 1950–1990. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Статистические данные

Мэддисон А. http://www.ggd.net/maddison/Historical_Statistics/horizontal-file_09—2008.xls.

Maddison A. Chinese economic performance in the long run, 960—2030 OECD. P., 2007.

Статистика. <http://www.adb.org>.

China's law and practice. <http://www.chinalawandpractice.com>.

Сложно или даже невозможно найти избираемого политика, который высказывался бы в пользу ослабления регулирования экономики и также в защиту права на аборт, и наоборот.

П. Рубин

Свобода процветает, пока жива вера и признается власть закона, данная нам Всевышним.

Р. Рейган, 39-й президент США

Идеология: попытка определения

Идеология является эффективным средством координации коллективных действий. Даже в отсутствие законов и инструкций она позволяет чиновникам, активистам гражданского общества, политикам эффективно взаимодействовать, продвигая и отстаивая свои интересы. Распространенная идеология снижает издержки восприятия точки зрения, на ней основанной. Господствующая идеология кроме этого резко повышает издержки распространения альтернативных точек зрения. Также повышаются издержки координации действий лиц, не согласных с господствующей идеологией. Поэтому доминирование некой единой идеологии создает ситуацию, в чем-то напоминающую отсутствие свободы слова и союзов или аналогичную наличию ограничений на таковые.

Ослабление политической конкуренции, вызываемое таким доминированием, не может не отразиться на гарантиях частной собственности, а в конечном счете и на деловом климате.

На интуитивном уровне взаимосвязь отношения к рынку, собственности, бизнесу с целым рядом воззрений, не имеющих никакого отношения к экономике, очевидна. Комплекс таких воззрений обычно называют идеологией.

Существует множество определений понятия «идеология» (букв. — «учение о представлениях»). В основном они выделяют в качестве ключевого положения системность набора взглядов (мировоззрения) и представлений, иногда — привязку таких систем взглядов к различным эпохам, территориям или политической конъюнктуре¹⁸¹.

В данной работе используется следующее определение: идеология — это продвигаемая (распространяемая) в политических целях система взглядов, модель общественной жизни. Такая модель позволяет снижать издержки взаимодействия политиков и граждан (в качестве индикатора «свой — чужой», например).

Идеология включает набор представлений о политике, религии, морали, экономике. Он определяет восприятие соответствующих проблем (набор этот более или менее логичен, внутренне согласован). Наконец, этот набор прост в восприятии настолько, что пригоден для массового усвоения и использования индивидами, обычно не интересующимися перечисленным кругом проблем сколько-нибудь глубоко. Так, большинство может быть слабо знакомо с определенными документами и трудами, но способно «ассоциировать» себя с ними. Большинство американских либералов и консерваторов не читали соответственно Т. Джефферсона, Ж-

¹⁸¹ Тер-Минасова, 2000. См. гл. 2 «Язык и идеология». http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/_23.php.

Ж. Руссо, А. Гамильтона, Ф. Хайека, не всегда знакомы с текстом Конституции, смутно представляют себе даже процедуру выбора президента и т.п. Большинство не читает сложных для понимания книг и статей по общественно-политической или религиозно-этической тематике, однако при этом легко способно определиться в терминах позитивного или негативного отношения и степени поддержки относительно Библии, Корана или «Манифеста коммунистической партии» (или «Капитала»).

Конкурентность на политическом поле, а значит, сама идея выборности и подотчетности власти, прозрачности, предсказуемости и законности ее решений плохо совместимы с единственностью мировоззрения, идеологии в обществе.

Сделаем важную оговорку. Идеология обычно несводима к такому набору принципов, как: «Не убивать, не красть, не лжесвидетельствовать, не насилловать, не делать другому того, что ненавистно самому, вообще жить самому и давать жить другим». Она может быть совместима или несовместима с ними, включать их полностью или частично, но обычно ими не исчерпывается. Хотя это тот набор норм, который, будучи широко принятым и глубоко укорененным в обществе, обеспечивает устойчивость законодательства, защищающего жизнь, свободу и собственность человека. Благодаря этому создаются условия для долгосрочного экономического роста. То, как связаны здоровая мораль и здоровый деловой климат (благоприятные для экономического роста условия), мы подробнее рассмотрим в гл. 12.

В частности, там мы обратим внимание на желательность единственности и неизменности основного набора моральных норм (в известной степени по аналогии с желательностью для экономики стабильности Конституции и иных основных законов). Множественность противоречащих друг другу основных принципов внутри одной правовой системы чревата большими проблемами вплоть до гражданской войны. Ситуацию конкуренции основных законов в рамках одного общества мы рассматривать не будем¹⁸², но остановимся на моделях обществ с конкурирующими моральными системами.

Ситуация же с идеологией скорее обратная. Для того чтобы минимизировать угрозы перечисленным базовым моральным ценностям, конкуренция идеологий должна быть свободной и жесткой.

Идеология — это в известном смысле набор сигналов, свидетельствующих о силе поддерживающей ее группы или коалиции групп. Такой набор может выполнять координирующую функцию в условиях неопределенности. О роли механизмов координации для захвата и удержания власти уже ведутся дискуссии с участием экономистов¹⁸³. Поэтому доминирование одного такого механизма может привести к доминированию одной политической силы.

В наиболее примитивном варианте идеология может быть построена на весьма примитивном фундаменте таких реакций, как ненависть и страх.

Феномен ненависти и его использование для координации коллективных действий анализирует Е. Глейзер в своей «Политической экономии ненависти». Автор полагает, что при двухпартийной демократической конкуренции стимулы подавляющего большинства избирателей слишком слабы, чтобы политику потребовалось столь сильнодействующее средство, как ненависть.

Он также делает допущение о том, что ненависть не связана с реальными обидами в прошлом. Аналогичные построения демонстрирует К. Робин¹⁸⁴, пытаясь обосновать тезис о том, что страх может быть адекватной реакцией только на определенный тип тоталитарных режимов. Причем список этих режимов является закрытым. Также «легитимен» страх перед американским консерватизмом. Современный

---

¹⁸² Минимальное представление о таком положении дает ситуация 1992—1993 гг. — до принятия Конституции 12 декабря 1993 г., когда в прежней Конституции «народовластие... республиканская форма правления, разделение властей» провозглашались в ст. 1 «неизменными основами конституционного строя». И в то же время один орган власти — съезд был « правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению Российской Федерации» (ст. 104). Что означало наличие норм «верно А» и «верно не А» внутри единой правовой (и надо было ожидать также логической) конструкции? Здоровое явление конкуренции между политическими группами при такой ситуации позволяет любые действия, в том числе очевидно выходящие за любые рамки, и потому грозит выродиться в вооруженный конфликт — последнее средство выяснения правоты в ситуации, когда формально «правы» все (или все «не правы»).

¹⁸³ *Hardin, 1997. Ch. 2.*

¹⁸⁴ *Робин, 2007.*

консерватизм должен занять последний «слот», последнюю зарезервированную автором позицию в закрытом, подчеркиваю, списке. Новый «потенциально тоталитарный» консервативный режим отчасти легитимировал себя ранее существованием коммунизма, как сейчас — вызовом исламского террора.

Уверенность упомянутых авторов в том, что отсутствие должных оснований для страха и ненависти во многих ситуациях, которые они описывают, означает нерелевантность и общественную опасность любых идеологий, апеллирующих к страху и ненависти, представляется весьма уязвимой, равно как и попытки представить «предрассудки» (стереотипы, если отказаться от заранее нагруженных эмоционально терминов) исключительно в негативном свете. Стереотипы потому и живучи, что в большинстве случаев они позволяют сделать правильный выбор с минимальными издержками. Страх зачастую способен спасти от реального заслуживающего ненависти врага, и, наоборот, «открытость» мышления чревата большими неприятностями.

Советские граждане, принадлежавшие к преследуемым нацистами категориям, справедливо сомневались в 1941 г. в правдивости сталинской пропаганды. Свое недоверие они зачастую переносили и на ее антигитлеровскую составляющую. Сомнения были тем более обоснованны, что они подкреплялись личными воспоминаниями многих о германской оккупации 1918 г. Кроме того, они усиливались поразительной гибкостью пристрастий большевистских вождей, то забывавших об опасности фашизма, то превращавших термин «фашист» («фашистский») в ничего не значащий ярлык, универсальное обвинение в минимальной нелояльности режиму, в бранное слово.

Соответственно люди, менее подверженные стереотипному мышлению, страхам и питаемой страхом ненависти, с большей вероятностью попадали в лагеря смерти, газовые камеры или расстрельные рвы, и наоборот.

В правовой демократии динамичная (а потому охотно защищаемая публично своими сторонниками¹⁸⁵) идеология сигнализирует «болоту», к кому можно примкнуть, чтобы обладать благом чувства сопричастности к победителю, к удовлетворению от ощущения «я, как все», «я не хуже других».

При диктатуре, в доправовом обществе — обществе «Rule of Force» — этот сигнал помогает населению избегать репрессий со стороны правящего бандита. В переходной ситуации — при схватке за власть нескольких бандитов — идеологические сигналы (то, что пишут в газетах, говорят по радио и телевидению, в мечетях, в школах) позволяют минимизировать высокие риски расправы со стороны набирающего силу наиболее «перспективного» бандита, т.е. идеологический диктат и единообразие есть сигнал «нормальности» ситуации в таком обществе.

Напротив, для правовой демократии явное доминирование в СМИ, в системе образования одной идеологии — явный сигнал неблагополучия. Про такие сигналы и их происхождение мы писали подробнее выше, в гл. 2. Там же мы отмечали объективное совпадение интересов работников «общественных» теле- и радиокорпораций, школ и иных учреждений, рассчитывающих на получение бюджетных денег вместо пожертвований или платы за услуги (т.е. интерес к перераспределению налоговых средств на поставку некоторого набора «смешанных общественных благ»).

Конечно, в отдельные периоды — например, глубоких кризисов или стремительного восстановления — ситуация с явным доминированием одной идеологии может складываться естественным путем. Но тогда политические конкуренты вторгаются на «политически прибыльное» идеологическое поле. «Поле национального консенсуса» временно или постоянно расширяется. Впоследствии водораздел либо проходит по какой-то новой границе, либо старый водораздел углубляется. Так, например, в США после 1933 г. многие республиканцы мимикрировали под сторонников Рузвельта и шок прошел только к концу 1930-х гг. В середине 1980-х некоторые демократы акцентировали свою лояльность Рейгану (феномен Reagan-democrats на уровне избирателей¹⁸⁶ породил соответствующее поведение политиков-демократов, например части конгрессменов-демократов периода президентства Рейгана, благодаря которым он проводил многие законы, несмотря на отсутствие республиканского большинства в Конгрессе¹⁸⁷). В послевоенной Германии один из лидеров берлинских социал-демократов, В. Брандт, объявил о поддержке рыночных реформ Л. Эрхарда и

---

¹⁸⁵ *Нозль-Нойман, 1996.*

¹⁸⁶ *Greenberg, 1996.*

¹⁸⁷ *Fairfax, 2005.*

впоследствии возглавил и партию, и страну. Однако такое состояние не бывает стабильным и проходит в течение 5—10 лет. Тот феномен идеологической унификации в правовых демократиях, который (в разных аспектах) мы анализируем здесь, наблюдается уже в течение нескольких десятилетий.

Существует представление о том, что идеология играет особо важную роль в тоталитарных странах. Следует, однако, напомнить, что значимая коррекция идеологии в такой стране проходит удивительно легко. Тому есть немало примеров: замена интернационализма на шовинизм в СССР, замена уравнилельного перераспределения на рыночные принципы в Китае, не говоря уже о многочисленных «колебаниях курса» «дружественных партий» (включая события 22 июня 1941 г., столь вдохновившие Дж. Оруэлла).

Напротив, распространение той или иной идеологии в условиях жесткой политической конкуренции среди свободных рыночных агентов требует немалых усилий, времени и инвестиций. Ниже мы рассмотрим значение идеологии для экономического климата, ее влияние на процесс принятия решений в демократических странах.

Есть немало каналов такого влияния: через систему образования, через восприятие электората и политических лидеров, через меню выбора для тех и других. В обороте находится огромный объем информации и идей. Однако только та информация и только те идеи, которые широко дискутируются благодаря изданию книг, развертыванию дискуссий в периодике и в электронных СМИ, реально могут быть выбраны для обсуждения в ходе принятия конкретных решений. То есть только те идеи, которые являются общедоступными, находятся в реальном «меню» политиков и тем более избирателей.

Как мы уже отмечали, лишь сравнительно небольшой процент избирателей регулярно читает насыщенную идеями и фактами юридическую, политическую или экономическую литературу. Даже среди ревностных приверженцев религии далеко не все (за исключением последователей иудаизма, некоторых направлений протестантизма и православного раскольниковства) хорошо знакомы с первоисточниками (хотя бы и в переводе). Поэтому идеология нередко оказывается «бытовой», легкоусваиваемой оболочкой, в том числе и для религии, т.е. представляет собой компактный, легкоусваиваемый набор идей и взглядов, облегчающий как самоидентификацию, так и «слияние» с той толпой, в которой рыночный агент чувствует себя наиболее комфортно (или в наименьшей опасности).

Идеология — это один из механизмов координации действий. Гибкий и не требующий «прямых приказов», когда, как и на высокой стадии развития диктатуры, «приказов уже не требуется и каждый сам знает, что надлежит делать». Такой механизм координации снижает издержки как диктатора (освобожденного от части «грязной работы»), так и исполнителей (получающих некий ориентир в море неопределенности и обоснованную надежду на поддержку своих действий, запрос прямого одобрения которых может рассматриваться как проявление нелояльности).

Но и в демократическом обществе этот механизм может работать весьма эффективно (например, для координации действий внутри корпораций юристов, академических работников, журналистов, политиков). Идеология здесь, как и при диктатуре, позволяет избегать прямых договоренностей в ситуациях, когда наличие их может восприниматься как нечто предосудительное или даже незаконное («конфликт интересов»).

Так, прямая договоренность профсоюзов и администрации Б. Обамы о предоставлении наемным работникам или бывшим наемным работникам статуса привилегированных кредиторов при банкротстве «Дженерал моторз» в ходе предвыборной кампании была бы весьма рискованным предприятием. Однако профсоюзы вкладывали в кампанию Обамы средства, а Обама защищает их интересы в обход закона просто потому, что обмен сигналами «свой — чужой» в рамках левого крыла Демократической партии оказался вполне достаточным для достижения эффективной договоренности, фактически обязывающей президента США, достигнутой задолго до финансового краха автогиганта и до победы кандидата на выборах, которая могла бы не просто повредить кандидату в случае ее формальной фиксации, но и быть напрямую запрещенной к исполнению судебными органами. Достижение множества подобных не прописанных явно договоренностей вполне реально благодаря общей или общеизвестной идеологии (позволяющей понимать контрагента). Без обусловленного ею взаимопонимания договоренности не были бы «заключены».

Для достижения договоренности с судьями также используются (хотя и далеко не в равной степени «консервативными» и «либеральными» политиками) идеологически нагруженные заявления. Так может быть интерпретирована «оговорка» опытного судьи С. Сотомайор, назначенной, несмотря на обоснованные

возражения оппозиции, членом Верховного суда США, о том, что она «считает себя лучше подготовленной для работы в Верховном суде, чем белый мужчина»¹⁸⁸. Не исключено, что никакой оговорки не было, а был публично посланный кандидатом идеологический и политический сигнал. Первая компонента естественным образом нацелена на леволиберального президента (которого судье Сотомайор пришлось дожидаться после ее выступления восемь лет, но ожидание которого никак нельзя было считать нерациональным), вторая — на любого политика, заинтересованного в голосах латиноамериканцев. Впрочем, и вторую компоненту можно интерпретировать как «идеологическую», если иметь в виду примитивнейшую идеологию, не содержащую никаких других идей, кроме «свой — хорошо, чужой — плохо», и толкующую «свой — чужой» исключительно в этнически-языковых координатах.

Даже сильный и независимый лидер подвержен такому влиянию идеологии, как «меню выбора», набор наиболее обсуждаемых идей. Конечно, и в отсутствие книг Фридмена и Хайека вряд ли М. Лаар проводил бы социалистическую экономическую политику. Но влияние классической либеральной идеологии в сочетании с сильными национальными традициями и ценностями (то, что сейчас относят к консервативной идеологии) на эстонские реформы несомненно.

Распространенность определенной идеологии в *i*-й стране может значимо влиять на выбор руководства *j*-й страны. Так, шоу, устроенное Геббельсом в 1943-м на «Национальном стадионе» в поддержку «тотальной войны», было принято за чистую монету (Нозль-Нойман пишет, что в это же время в Германии был популярен анекдот о «самом большом в мире стадионе, вмещающем всю германскую нацию»). Несомненно, некоторые решения союзников о тактике боевых действий учитывали такую ошибочную информацию.

П. Рубин¹⁸⁹ задается вопросом о значении влияния внеэкономических факторов на экономическое законодательство. На основе целого ряда исследований голосований законодателей США в течение двух веков разные исследователи приходят к схожим выводам:

такое влияние имеет место, и оно значимо;

существует множество факторов, влияющих на поведение законодателей (уклонение от своих обещаний под влиянием коммерческих и иных интересов, логроллинг, экономические интересы округа, который представляет законодатель); при этом идеологический фактор выделяем (по определению Poole & Rosenthal¹⁹⁰ — предсказуемость позиции законодателя по широкому набору вопросов);

хотя и не всегда, но есть возможность четко разграничить фактор предпочтений и запросов округа и фактор идеологии в чистом виде, большинство решений «укладывается» в одно- или двухмерном идеологическом пространстве (в зависимости от периода американской истории).

Религия — более комплексное понятие, нежели идеология, но имеющее, безусловно, и соответствующую идеологическую компоненту¹⁹¹ (которую мы намерены обсуждать ниже). Идея значимости распространенных в стране религиозных взглядов для укоренения дружественных рынку институтов многими оспаривается. Действительно, если игнорировать смысл идеологии как координационного механизма, простого инструмента для ориентации в общественной проблематике (поддержки — противостояния тем или иным тенденциям), такая связь выглядит сомнительной.

Религия имеет значение

Одним из важных тезисов Каирской¹⁹² речи действующего президента США стало следующее утверждение: «Есть одно правило, лежащее в сердце каждой из религий, — делать другим то, что мы хотели

¹⁸⁸ <http://www.svobodanews.ru/content/article/1742590.html>.

¹⁸⁹ Rubin, 2001.

¹⁹⁰ Подробнее о работах этих ученых см. сайт Пула и Розенталя: <http://voteview.com/>, о других работах в этом направлении — <http://www.congressionalbills.org/research.html>.

¹⁹¹ Ориентацию «свое — чужое»; «дружественное» — («нейтральное») — «враждебное» в отношении определенных ценностей и институтов.

¹⁹² Обращенной к мусульманам и их лидерам.

бы, чтобы делали для нас. Эта истина выходит за пределы религий и народов, убеждение, которое не ново — для черных и белых или коричневых, христиан, мусульман или евреев — вера, пульсирующая в колыбели цивилизации...»¹⁹³

В переводе с политического (леволиберального) языка на экономический это утверждение равносильно следующему. Не существует никаких фундаментальных, значимых факторов, укорененных в религии, влияющих на качество институтов, на их способность поддерживать или пресекать экономический рост.

Ниже мы попробуем проверить эту гипотезу.

Начало XX в. знаменовалось рядом публикаций, чье значение в истории общественных наук неоспоримо, но чьи выводы впоследствии подвергались ожесточенной критике и отвергались большинством исследователей.

М. Вебер (1905) и В. Зомбарт (1911) выдвинули и тщательно обосновали независимо друг от друга идею о том, что развитие капитализма было значимо обусловлено определенными религиозными концепциями. Прежде всего выделялись иудаизм и протестантизм. В первом акцент делался на создание рационально-моральной основы правового порядка, во втором — на создание внеэкономических стимулов к экономическому успеху как к явному, наблюдаемому показателю богоизбранности. (По мнению многих, такой же смысл заложен и во многих положениях иудаизма. Так, понятие «благословение» в Пятикнижии, Пророках и Писаниях обычно означает либо многодетность, либо материальный достаток — «А Бог благословил Авраама...».)

Эту идею критически анализировали представители австрийской школы, либертарианцы. Основная аргументация этих критиков сводится к двум тезисам.

Первый — все основные институты капитализма зародились в период расцвета городов Северной Италии — страны католической, а не протестантской. Этот аргумент представляется особенно важным. Он выглядит несокрушимым с позиции тех авторов, которые уверены в позитивном влиянии только «экономических институтов» (формальное право частной собственности и степень детализации, качество разграничения и т.п.; организационные формы бизнеса — банки, акционерные общества, бухгалтерский учет и т.д. и т.п.). Но не можем его отвергнуть и мы, полагающие, что наиболее важными институтами являются не формальные гарантии собственности и уж точно не воспроизводимые социально-экономико-организационные изобретения, а базовые права — те, которые позволяют на века гарантировать сохранность и преемственность прав частной собственности посредством защиты прав самих собственников, а следовательно, обеспечить достаточное время на поиск и оптимизацию всех прочих решений — институциональных и чисто организационных.

Действительно, города Северной Италии одними из первых начали еще в раннем Средневековье выстраивать гарантии неприкосновенности личности. Так, крепостное право в некоторых таких государствах было отменено задолго до того, как в России был отменен Юрьев день (в XIII в. — *Кулишер, 2004. С. 182*). Политическая система была, конечно, далека от любого определения демократии, но достаточно конкурентна. При этом города были вполне лояльны католицизму и даже имели сильные пропагандистские партии (зачастую борьба в них шла между разными фракциями гвельфов). Существовало и своеобразное (во Флоренции весьма сложное) разделение властей для предотвращения узурпации власти. Структура общества была такой, что в течение веков существовало по несколько разных центров политического влияния, обеспечивавших противовес друг другу.

Однако очевидно, что экономическому и политическому упадку предшествовал и сопутствовал глубокий моральный кризис — кризис веры. Авторитет требований христианства был чрезвычайно низок. Не только исторические хроники, но и литература того времени отражает деградацию семейных ценностей, при том что институт семьи был до определенного времени в этих краях очень крепок (о брачных контрактах в первой трети XV в. см.: *Botticini, 1999*).

---

¹⁹³ «There is also one rule that lies at the heart of every religion that we do unto others as we would have them do unto us. This truth transcends nations and peoples — a belief that isn't new; that isn't black or white or brown; that isn't Christian, or Muslim or Jew. It's a belief that pulsed in the cradle of civilization...» Из речи президента США Б. Обамы в Каире 4 июня 2009 г. http://www.whitehouse.gov/me_j3ress_office/Remarks-bv-the-President-at-Cairo-University-6-04-09/.

Мужские (гомосексуальные) бордели Флоренции и (Rocke, 1996) поощрение проституции, с тем чтобы отвлечь людей от содомии в Венеции (11 тыс. проституток на 100 тыс. населения в XV в.), производили впечатление на всю Европу. Политические успехи Дж. Савонаролы в значительной степени объясняются усталостью и раздражением большинства горожан Флоренции таким уровнем терпимости и «половой свободы».

В настоящей главе, как и во всей книге, мы не ставим целью объяснить причину упадка городов Северной Италии. Отметим лишь, что объяснение одним смещением торговых путей вследствие Великих географических открытий представляется явно недостаточным хотя бы потому, что этим первоклассным морским державам с лучшими моряками было вполне по силам принять вызов Испании и повторить успехи маленькой Португалии, как это позднее сделала протестантская Голландия.

Вопросу о том, как связаны разрушение семьи, упадок морали с ухудшением экономического климата, посвящены главы о кризисе института семьи и о морали (гл. 12 и 13). Снизившаяся к XVI в. способность североитальянских государств защищать свою свободу и процветание от внешних врагов также, вероятно, связана с упадком семьи и морали. Иностранцы наемники на службе республик, как правило, превосходили по боеспособности местные ополчения, что означало наличие острого дефицита мотивации среди самих граждан защищать свою республику.

Также очевидно, что протестантизм периода первых успехов Голландии, Англии, развития колоний в Северной Америке исключал возможность столь глубокого кризиса семьи и морали. Иностранное давление, начиная с походов испанцев против Нидерландов и кончая 30-летней войной, было очень мощным и угрожало самому существованию государств, первыми продемонстрировавших феномен современного экономического роста. Способность противостоять этому давлению ценой огромных издержек также, вероятно, укоренена в сильной религиозной мотивации.

Другим мощным аргументом против идеи Вебера и Зомбарта являются успехи капитализма и экономического роста стран Юго-Восточной Азии во второй половине XX в. В связи с этим отметим следующее.

Успехи «азиатских тигров» и Китая связаны с импортом капитала, технологий и институтов либо напрямую из стран с протестантской культурой, либо из стран, испытавших ее влияние. Причем каждый провал государства (например, в Китае) по обеспечению прав собственности и собственника-гражданина (точнее, подданного) Китая (см. выше, гл. 8) вызывает новую волну эмиграции в протестантские же по базовой культуре Канаду и США.

В некоторых из этих стран быстрое распространение протестантизма идет рука об руку с экономическим ростом (прежде всего в Южной Корее).

Наконец, продолжительность периода экономических успехов стран региона впечатляет, однако не дает пока оснований (особенно для Китая) говорить определенно о том, что им удалось выйти на траекторию долгосрочного экономического роста.

Историческую обусловленность современного экономического процветания протестантскими ценностями отмечает в своем обзоре и Е. Гайдар¹⁹⁴. Он также отмечает некоторые особенности ислама, указывая на их архаичность¹⁹⁵.

Современная леволиберальная критика, основанная на идеологии равенства всех культур, испытывает влияние своего рода конфликта интересов авторов. Для носителей такой идеологии признать положительную роль религий (особенно некоторых) в связи с экономическим ростом означает уступку идеологическим оппонентам — консерваторам. Последнее требует дополнительных существенных усилий, а

---

¹⁹⁴ См.: Гайдар, 2005. С. 108—110.

¹⁹⁵ Там же. С. 119—123. В чем, правда, состоит непреодолимое противоречие между современным экономическим ростом и статусом женщины или высокой рождаемостью, Гайдар не указывает, ограничиваясь констатацией того, что в развитых странах ситуация качественно иная. С нашей точки зрения, формальные атрибуты лидерства в семье малозначимы. Однако уязвимость значительной части населения, исключающая минимальные гарантии самостоятельной частной жизни, неприкосновенности личности и т.п., подрывает гарантии частной собственности в целом. А последнее, в свою очередь, уже понятным образом влияет и на перспективы экономического роста.

потому оценки таких авторов, вероятно, смещены. В значительной степени это касается и современных либертарианцев. Претензии последних на роль своего рода светских кардиналов экономического прогресса, не слишком заинтересованных в конкуренции с традиционной религией, мы подробнее рассмотрим в гл. 12.

Обзор значительного числа работ, включая эмпирические (Barro, McCleary, 2006), по этой теме, а также по смежной — культура и экономический рост приведен в работе Аузана и Тамбовцева (2009).

«Ничего не подтверждающая» статистика

В литературе встречается немало безапелляционных утверждений, что идеи Вебера и Зомбарта о значимости религиозного фактора не находят подтверждения. Мы вполне осознаем скромную и чисто иллюстративную роль статистического анализа и тем не менее приводим здесь результат расчетов, демонстрирующих то, что является общеизвестным, то, что А. Грейф¹⁹⁶ назвал различными траекториями общественной организации, особыми траекториями институционального развития «латинского» и «исламского» мира, говоря менее политкорректно, иллюстрацией того, как и почему «латинский» (термин Грейфа) Запад стал богатым, а исламский Восток, несмотря на лучшие начальные условия, на определенном этапе остался относительно бедным.

Используя данные Мэддисона по странам и регионам за 1820—2000 гг., мы попытались оценить значение различных религиозных факторов (табл. 9.1) для экономического роста.

Таблица 9.1

Описание переменных для анализа

№ п/п	Обозначение переменной	Описание переменной
1.	GDPavgrowth	Средние темпы роста подушевого ВВП за период 1820—2000 г.
2.	DemocrTaxr	Продолжительность периода демократии налогоплательщика
3.	RoL Democracy	Продолжительность периода режима правовой демократии в стране (не исключая период демократии всеобщего избирательного права, несмотря на очевидную несправедливость последнего): США, Англия после 1832 г., Франция, Третья республика до 1940 г. и т.п. (высшая исполнительная власть ограничена конституцией, базовыми правами и институтами, т.е. может и проиграть в суде, и уйти в результате поражения на свободных выборах)
4.	«Relig_Peace»	В стране большинство населения исповедует неэтический «монотеизм» (монотеизм, не выдвигающий общеизвестный свод этических требований — заповедей в качестве центрального элемента учения)

¹⁹⁶ Greif, 1994.

5.	Judeo-protest	Преобладание иудео-протестантских ценностей в период становления демократии
----	---------------	---

Мы рассмотрели несколько моделей (табл. 9.2). В модели 1 в качестве объясняемой переменной выступает переменная, описывающая средние темпы роста подушевого ВВП за период 1820—2000 гг. (переменная GDPavgrowth). В моделях 2 и 3 объясняемая переменная — это продолжительность периода правовой демократии (переменная RoL Democracy).

Таблица 9.2

Результаты анализа

№ п/п	Объясняемая переменная	Независимые переменные	Значение коэффициента при независимой переменной (нормированного)	Число наблюдений	T-статистика	R ² -нормированный
1.	GDPavgrowth	RoL Democracy «Relig_Peace»	0,513 —0,162	145	7,213 —2,275	0,324
2.	RoL Democracy	StartGDP Judeo-protest DemocrTax	0,289 0,308 0,392	145	4,763 5,199 5,615	0,761
3.	RoL Democracy	«Relig_Peace» DemocrTax	—0,107 0,792	145	—2,131 15,779	0,671

Результаты анализа влияния различных факторов на темпы экономического роста (переменная GDPavgrowth) и продолжительность периода правовой демократии (переменная RoL Democracy) показывают, что распространенность и доминирование в стране ислама (переменная «Relig_Peace») снижают вероятность стабильного долгосрочного экономического роста, а также препятствуют установлению режимов правовой демократии.

Схожие результаты (относительно демократии) получены и Р. Барро (Barro, 1999. Table 2.3) на выборке 136 стран, а также (Barro, 1999 (December) Table 3. Additional Determinants of Democracy).

Любопытно отметить следующее. Грейф, опираясь на свою основную аргументацию, пишет, что построенная на доверии и репутации «коалиция» магрибских торговцев превосходила по эффективности генуэзских коллег. Это замечание лишь подчеркивает очевидную мысль: для больших масштабов институты, обеспечивающие снижение транзакционных издержек обезличенно, важнее репутации. При этом Грейф предпочитает не акцентировать лишний раз того очевидного факта, что магрибская «коалиция» еврейских торговцев имеет прямое отношение к Западу и лишь косвенное (только по месту жительства и подданству торговцев) к исламскому Востоку и что соответственно основные способы снижения транзакционных издержек и наиболее важные принципы создания и поддержания репутации коренятся в этической и правовой системе западной цивилизации, — в системе, достаточно свободной от влияния личных симпатий, антипатий, наличия или отсутствия связей и т.п. и весьма чувствительной к нарушению универсальных норм, включая формализованное и детализованное галахическое право. В системе с высоким уровнем документированности хозяйственного оборота (в связи с обнаружением значительного объема документов в генизе — специальном хранилище одной из синагог (Фустат, старый Каир) и стало возможным описание этой коалиции¹⁹⁷).

Интерпретация статистики

Монотеизм обладает целым рядом характеристик, подвигающих его последователей вести себя кооперативно, т.е. следовать нормам, перечисленным в начале главы (не поклоняться идолам, не убивать, поддерживать справедливый суд, «жить самому и давать жить другим»).

Резонно предположить, что в обществе, в котором преобладают взгляды, основанные на религии этического монотеизма, транзакционные издержки и риски проектов должны быть ниже, нежели в обществе, не придерживающемся таких ценностей.

На индивидуальном уровне эти религии, с одной стороны, предлагают последователю режим «бесконечноходовой игры» (посмертное воздаяние, оплата и грехов и добрых дел по принципу «мера за меру»), прямой контакт и прямую ответственность в отношениях с единым Высшим существом (а значит, не дают возможности задействовать «конкуренцию между богами»), требуют личного знакомства со священными текстами и регулярного их перечитывания (что если и не формирует навык работы с нормативными текстами, то ослабляет страх перед чтением таковых, внушает идею высшего происхождения закона, т.е. формирует законопослушание без страха перед законом, написанным людьми).

Для реализации идеи воздаяния эти религии требуют индивидуальной свободы и личной ответственности (подробнее см. в гл. 12). Они запрещают под угрозой тяжких кар убийство, отъем собственности, нанесение вреда репутации, искажение правосудия. Под этой угрозой «стоит подпись» Единого создателя и Правителя мироздания, т.е. религиозно санкционируются институты, обеспечивающие права собственности и права собственника. Причем благодаря многократному повторению этих требований как в кодифицированном виде, так и по отдельности они остаются даже в «сухом идеологическом остатке». Любая, даже наиболее редуцированная форма этического монотеизма содержит такие требования.

Это не значит, что между разновидностями **монотеизма** — иудаизмом, протестантизмом, современным католицизмом — не существует значимых отличий. Однако в редуцированной, идеологической форме эти отличия также редуцируются к умеренным разногласиям.

Подчеркнем, редукция — процесс, неизбежный в силу феномена рационального неведения. Даже в сильно религиозном обществе подавляющее большинство, как правило, не тратит достаточного объема времени для поддержания такого образа жизни и информированности относительно религии, с которой человек себя идентифицирует, чтобы его можно было определить как «религиозного» или даже «соблюдающего».

Неэтический "монотеизм" основан на жесткой приверженности единобожию, т.е. он содержит четко определенные санкции за нарушение воли Единственного судьи и Правителя мира. Однако санкции эти применяются, по сути, только к тем, кто не исполняет («недостаточно хорошо исполняет») требование безграничной преданности Высшему существу, верности так или иначе санкционированному божественно правителю и лояльности единоверцам. При идеологической редукции такая религиозная основа дает результат, качественно отличный от приведенных выше формулировок. Лояльность той или иной иерархии,

---

¹⁹⁷ Greif, 1993.

во главе которой монарх, военный диктатор или клирик¹⁹⁸, оказывается достаточным условием осознания себя вполне приличным гражданином и гармоничной личностью. Успех лица, не связанного с иерархией, воспринимается как вызов. Само это лицо, если не защищено неодолимой военной силой, становится «легитимным» объектом атаки и ограбления. Такое отношение к чужому успеху плохо совмещается с должной защитой иностранных инвестиций, не говоря уже о национальных (национальный инвестор должен быть надлежащим образом «вписан» в пирамиду, т.е. состоять в дружеских отношениях с властью). Последнее, к примеру, напрямую осуждается **монотеизмом**¹⁹⁹.

Немонотеистическая религия с сильной этической компонентой (буддизм, например) не обеспечивает четко определенной угрозы санкции и фактически оставляет все решения и каждый выбор на усмотрение каждого отдельного человека. Соответственно он не противопоставляет себя жестко государству и власти, если последняя вынуждает человека нарушать этические нормы.

Разумеется, в случае, когда приходится противостоять реальному тоталитарному государству, даже лидеры религиозных общин, придерживающихся **монотеистических** учений, не всегда находят в себе силы для сопротивления произволу власти. Однако в целом уровень сопротивления произволу, несомненно, выше именно в таких общинах.

Можно предположить, что эффективные и влиятельные религиозные общины, придерживающиеся этического монотеизма, могут оказывать позитивное влияние на экономический рост, поощряя честное ведение дел и защиту собственности (подробнее об этом см. в гл. 12).

В идеологической проекции, однако, остается более или менее очевидным только влияние, которое способствует принятию идей конкурентной демократии и правового государства (правосудия, Rule of Law).

Спрос на престиж: механизм реализации влияния религии и идеологии на экономический рост

Подавляющее большинство рыночных агентов предъявляют спрос на престиж, признание, уважение окружающих, самоуважение как на качественные блага. Причем зачастую спрос на них (судя по размеру пожертвований, нередко сопоставимому с уплачиваемыми налогами) эквивалентен спросу на все остальные блага (кроме жизни и свободы), вместе взятые.

Логично предположить, что лица, наделенные предпринимательским талантом, стоят перед выбором — постараться реализовать эти свои способности или предпочесть более спокойную карьеру наемного работника или самозанятого специалиста.

При этом общество может демонстрировать уважение и признательность предпринимателям просто по факту их успешности, каковая приносит увеличение занятости, разнообразие выбора для наемных работников и для потребителей товаров и услуг, рост выпуска этих товаров и услуг — количественный и качественный.

В таком случае резонно ожидать, что внушительное большинство тех, кто имеет соответствующие способности, попытается их реализовать, с тем чтобы максимизировать и свой доход, и уважение окружающих.

Если общество не демонстрирует уважения к труду предпринимателя, высока вероятность того, что наиболее честолюбивые из потенциальных предпринимателей могут сделать выбор в пользу альтернативной карьеры. Тогда множество выгодных всему обществу коммерческих проектов останется нереализованным. Более того, неуважение общества к бизнесу приобретает отчасти характер «самосбывающегося прогноза», отсеивая как раз тех предпринимателей, которые наиболее чувствительны к моральной оценке своего труда.

---

¹⁹⁸ Или лицо, совмещающее функции, как турецкий султан, бывший одновременно и религиозным лидером мусульман — халифом.

¹⁹⁹ «Поучения отцов» настоятельно рекомендуют не надеяться на власть, не полагаться на нее и не заводить знакомства во власти (Шмайя, первый раздел: «Люби работу, ненавидь величие ("властность") и не стремись к знакомствам во власти»).

Таким образом, идеологии (как религиозные, так и светские), обеспечивающие моральное вознаграждение, а не простую легитимацию предпринимательства, максимизируют выпуск и темпы экономического роста, максимально смягчают последствия кризисов. Последние разрешаются как раз тем, что именно в период кризиса начинается наибольшее число новых бизнес-проектов в связи с ослаблением конкурентов (расчисткой рынка) и снижением ставки процента по кредитам для заемщиков с надежной репутацией и хорошо проработанными инвестиционными проектами.

Возможности религиозно укорененной идеологии при прочих равных оказываются выше за счет того, что вознаграждение обещается в течение неопределенно продолжительного периода, а гарантом такового выступает Высшее существо. Соответственно каждый обидчик предпринимателя воспринимается им как грешник, а не как «глас народа».

Неудивительно, что те религии, которые дают наилучшую легитимацию предпринимательству, материальному успеху и достатку (иудаизм и некоторые версии протестантизма), могут обоснованно претендовать на роль катализатора экономического роста.

Золотое правило этики: общее и особенное

Известное золотое правило этики обычно используется для обоснования несущественности различий между религиями. Действительно, оно встречается в более или менее схожих формулировках едва ли не всех распространенных вероучений, равно как и светских этических систем от древности до наших дней. Мы, однако, обратим внимание читателя на существенное, хотя и давно известное отличие в формуле. Сделаем мы это в связи со следующим высказыванием президента США Б. Обамы об идентичности понимания золотого правила монотеистическими религиями авраамического корня²⁰⁰:

Что ненавистно тебе, не делай ближнему своему. В этом все учение. Остальное — комментарии. Иди и учи (Хиллель; Талмуд, трактат Шаббат 31а).

Эта интерпретация позитивного требования Всевышнего: «Люби ближнего своего, как самого себя» (Пятикнижие Моисея, Левит 19:18) не случайно изложена в негативной форме. Она изложена в ответ на просьбу потенциального прозелита изложить все учение за время, которое он смог бы простоять на одной ноге (т.е. вкратце). Также не случайно, что точная формулировка существенно более длинная, нежели само золотое правило, излагающее установку на изучение Закона. Просто сказать и совсем непросто не заступить за границу этого требования. Требование «Иди и учи», таким образом, неотъемлемая часть формулы. Усвоение законодательства, равно как и собирание жизненного опыта, необходимого для того, чтобы эффективно остерегаться нарушений, исключает возможность простых и быстрых решений.

Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними (Евангелие от Матфея 7:12).

Никто не является истинно верующим, пока не желает брату того же, что желает себе (Сунна *Forty Hadith of an-Nawawi* 13).

Брахманизм, конфуцианство, зороастризм предлагают негативные версии формулировки золотого правила.

Обама не просто выбрал «позитивную» формулировку (что естественно и с учетом прозрачности интересов составителя и презентатора текста, и с учетом того, что она является общей для христианства и ислама). Президент не просто не вполне корректно настаивает на том, что она единственно верная. Он утверждает фактически, что других, значимо отличных не существует. Суть различия двух подходов — «жить самому и давать жить другим» или «загнать человечество железной рукой в рай» (политкорректности, всеобщего благоденствия, терпимости и мультикультурализма, к примеру).

---

²⁰⁰ Из речи президента США Б. Обамы в Каире 4 июня 2009 г. <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2009/06/04/09-06-04-09/>.

Перед нами кредо идеологии социализма, государственного вмешательства, в принципе враждебного рынку, предпринимательству, успеху, идее свободы, т.е. кредо идеологии, максимально недружественной рынку.

Экономический рост: преимущества и проблемы ислама как идеологии

Для дальнейшего анализа введем понятие «реальный ислам» (РИ).

РИ — так мы обозначим доминирующее в этой религии направление (совокупность течений и организаций), активно отрицающее ограничения на власть в защиту личности²⁰¹, т.е. институты, дружественные рынку, вплоть до поддержки насильственных акций на индивидуальном и государственном уровнях. Так, большинство исламских государств и организаций воздерживаются от безоговорочного осуждения террористических нападений на заведомо гражданские объекты, хотя, разумеется, и не участвуют в таких действиях сами. Любые относительно свободные выборы в странах с преобладанием исламского населения оказывают аномально высокую поддержку партиям, само членство в которых в условиях правовой демократии рассматривалось бы как участие в преступном сообществе — например, «Хизбалла» в Ливане, различные исламистские коалиции в Алжире, Египте, Кувейте, стоящие на позициях радикальной оппозиции своим и без того достаточно радикальным по меркам правовой демократии правительствам.

Несмотря на все свои очевидные проблемы, РИ имеет целый ряд очевидных преимуществ перед идеологиями, доминирующими во многих современных демократических государствах, — секуляризмом, политической корректностью (см. ниже), феминизмом, «прогрессивным либерализмом», «социальным государством» и т.п.

Однако оценить реальный уровень религиозности частотой посещения мечети (по аналогии с христианами — такой показатель широко используют в опросах американские и европейские социологи) не представляется возможным. Это обусловлено страхом уклонения в несвободном обществе. Однако гипотеза о том, что исламское население принимает идею человеческого бытия в качестве «бесконечноходовой игры», выглядит разумной. Такая игра создает «бесконечный» же (на первый взгляд) запас времени²⁰², в известном смысле и запас прочности при ведении любых торгов и переговоров²⁰³.

В отличие от леворадикальных интеллектуалов они не сомневаются в значении и позитивной роли института семьи. Высокую рождаемость они рассматривают как благословение свыше, признак успеха и процветания. Более того, по контрасту с европейцами рождаемость начинает выглядеть для них показателем силы и жизнеспособности их религии (идеологии), иллюстрирующим весьма наглядно это преимущество.

В отличие от левых они не сомневаются в существовании определенных моральных норм и неизбежности ответственности за их нарушение если и не в индивидуальном, то уж наверняка в коллективном варианте (при всей грубости и несовершенстве такого подхода).

С тех пор как Вебер отстаивал значение протестантской этики, а затем наряду с Зомбаргом значение иудаизма для современного экономического роста, многое изменилось. Наиболее заметное изменение — своего рода «глобализация» доминирования левой идеологии в академической среде, одно из проявлений которой — систематические попытки идеологического диктата и ограничения свободы дискуссий под флагом так называемой политической корректности (далее РС — *political correctness*).

---

²⁰¹ Те, которые мы выше обозначили как базовые: неприкосновенность личности в широком смысле слова и частная собственность.

²⁰² Известный левый идеолог Ш. Перес отмечал это как опасность: «...Хамас — религиозное течение, у политического течения есть временные ограничения, у религиозного — в запасе вечность». Иными словами, Перес осознает несомненное превосходство ислама над его собственной идеологией по этому параметру. (Цит. по: *Mozgovaia, 2009*.) Разумеется, первыми на такое преимущество «никуда не торопящегося игрока» обратили внимание и определили своими средствами математики, занимающиеся теорией игр (*Auman, 2005*).

²⁰³ Нобелевский лауреат Р. Ауман писал: «Если вы хотите мир сейчас, возможно, вы никогда его не получите. Но если у вас есть время — если вы можете ждать — это меняет всю картину, тогда вы можете и получить мир сейчас» (*Auman, December 2005*).

Современные левые идеологии: РС, феминизм, правозащита и т.п.

Содержание современной левой идеологии в значительной степени сводимо к следующим положениям:

государство существует для поставки преимущественно смешанных общественных благ; поставка чистых общественных благ, в особенности блага «оборона», — суть вредный анахронизм;

государство должно заниматься перераспределением доходов и активов, а также вмешиваться силой в конфликты в пользу меньшинств, в пользу слабых слоев населения;

поскольку экономические обоснования социальной политики провалились и на смену им пришли псевдоэтические, определение этических ориентиров суть прерогатива государственных чиновников; выведение этики, морали из-под их власти со ссылкой на какие-то универсальные, вечные, надчеловеческие ценности опасно ослабляет обоснование дискреционного регулирования и перераспределения (отсюда понятный спрос на государственный атеизм);

определение слабого слоя, или группы, или даже такого количественно строго определяемого понятия, как «меньшинство», есть исключительная прерогатива специально уполномоченных лиц, чьи решения обсуждать и ставить под сомнение суть экстремизм, подстрекательство и разжигание ненависти.

Ориентация на перераспределяющее, «заботливое» государство имеет важное следствие. Сторонники всеобщего произвольного перераспределения и максимизации числа функций и объема сфер ответственности агентов государства в принципе не заинтересованы в эффективных решениях, т.е. в решениях, требующих минимальных ресурсов и не требующих вмешательства государства. Понятно, что интерес максимизации государственного вмешательства с максимизацией перераспределения (описываемый моделью Нисканена) базово несовместим с интересами, подвигающими к поиску и реализации любых эффективных решений²⁰⁴.

Таковыми могут быть атомная энергетика или сильная армия, рыночная экономика или здоровая семья. Каждое такое решение делает излишним вмешательство государства, а потому потенциально чрезвычайно опасно для большинства левых политиков и чиновников. Каждое же неэффективное решение влечет возможность обоснования еще более масштабного вмешательства государства, поскольку, как отмечалось во Введении, критерий целесообразности вмешательства в связи с масштабом и остротой проблемы удалось достаточно успешно превратить в принимаемый большей частью избирателей стереотип.

В отдельных случаях левые могут быть мотивированы стремиться к таким решениям (канцлер ФРГ социал-демократ Г. Шмидт в борьбе с террористами из «фракции Красной Армии», В. Брандт, поддержавший на рубеже 1940—1950-х гг. экономическую политику Л. Эрхарда). Это важно понимать, поскольку как не существует самодовлеющих интересов государства, армии, корпорации, так не существует самодовлеющих интересов левых, этатистов, бюрократии. Однако интерес подавляющего большинства левых, этатистов и бюрократов именно таков (что косвенно подтверждается непопулярностью Г. Шмидта среди левых).

Любая идеология — это своего рода набор ориентиров, который оказывается — случайно или нет (вполне возможно, что случайно в том смысле, что не является результатом конкретного союза, соглашения, политического решения; собственно — как мы и говорили выше — идеологическое доминирование как раз и позволяет избегать форм принятия решений, чреватых личной ответственностью) — наиболее комфортным для несменяемых государственных служащих.

Как уже отмечалось, важным инструментом, придающим идеологии всеобщей «защиты и заботы» невероятную гибкость, является произвольное обозначение меньшинств. Так, согласно этой идеологии, белые мужчины-протестанты суть большинство. Женщины, очевидно являющиеся в развитых странах большинством, суть меньшинство. Арабы и мусульмане — очевидное угнетаемое меньшинство, те же протестанты и евреи — большинство.

---

²⁰⁴ Эта мысль принадлежит современному военному историку и правому политику М. Бронштейну (член центра партии «Ликуд», Израиль).

Фактически это дает возможность открыто лоббировать в правительстве и парламенте интересы совсем уж небольших, а то и вовсе ничтожных по численности групп — одиноких неудачливых женщин, лидеров террористов и т.п.

Среди наиболее известных образцов левой идеологии следует назвать концепцию «политической корректности». Политическую корректность можно определить в том числе и как распространенный (особенно широко — с 1980-х гг.) в США и Западной Европе идеологически мотивированный подход к анализу фактов, освещению событий, представлению информации обществу и выбору стратегии, основанный на принципе морального релятивизма. Активисты такого подхода идентифицируют себя как гуманистов и либералов и претендуют на монопольное толкование либерализма и гуманизма на современном этапе. Свои претензии они пытаются подкрепить запретами на выражение альтернативных точек зрения. В рамках этого подхода «моральным», или «хорошим», признается все, что выгодно для защищаемой группы, выбранной интеллектуальным лидером течения, исповедующего политическую корректность. Тот же лидер произвольно определяет, что именно является хорошим или плохим для выбранной им защищаемой группы (или групп)²⁰⁵, без использования какой-либо формальной процедуры выявления интересов этой группы (групп). Первый известный анализ политической корректности и ее экономических мотиваций дан в статье П. Рубина (P. Rubin, 1994).

Произвольно защищаемые принципы

В конкретной ситуации левые могут защищать плохо совместимые или вовсе не совместимые идеи:

глобализм и антиглобализм;

мораль (под которой понимается обычно та или иная проекция политической корректности) или отсутствие морали в принципе;

защита семьи и помощь ей²⁰⁶ (если она однополая) и борьба с нею как с институтом вплоть до требования упразднения такового (как оружия гендерной дискриминации²⁰⁷).

В качестве примера можно привести отказ от насилия при решении политических проблем (в случае войны с терроризмом, провозглашенной Дж. Бушем-младшим) и поддержку такового, если дело касается меньшинств, объявляемых большинством (предпринимателей, консерваторов, религиозных христиан, евреев, владельцев оружия, сторонников частного образования и др.).

Соответственно защита «правильных» («официальных», к примеру, требований квотирования для женщин, определенных расовых и религиозных групп) меньшинств при отказе в защите «неправильным» (к примеру, консерваторам в академической среде, которым квот, по-видимому, не полагается).

Кроме отмеченного выше удобства такого механизма управления обществом с полной свободой рук и нулевой ответственностью (все решения, принятые в рамках прогрессивной идеологии, неподсудны, за них отвечает идеология, т.е. никто) появляется важный аспект, облегчающий закрепление комфортной ситуации на неопределенное время.

---

²⁰⁵ Ср. с подходом В.И. Ленина и большевиков — их идеей о «классовой морали»: морально все, что хорошо для рабочего класса. Что именно хорошо или плохо для рабочих, решает «партия нового типа», поскольку незнакомые с марксизмом и вообще необразованные рабочие самостоятельно могут лишь объединяться в профсоюзы и постепенно улучшать свою жизнь, вместо того чтобы сразу сделать социалистическую революцию (см., например: Ленин В.И. Задачи союзов молодежи: Речь на III съезде РКСМ 2 октября 1920 г. М.: Молодая гвардия, 1989).

²⁰⁶ http://www.socialistalternative.org/new_s/article16.php?id=184.

²⁰⁷ <http://www.feministisktinitiativ.se/engelska.php?text=eu-valmanifest—2009>. Манифест «Феминистской инициативы» — политической организации в Швеции с высоким рейтингом одобрения, порядка 10—11%, провалившейся на выборах 2006 г. в основном по организационно-техническим причинам, в частности, из-за публичной дискуссии, в которой одна из руководительниц обвинила другую в предательстве за сам факт интимной жизни с мужчиной; хотя такое обвинение естественно с учетом наблюдаемой долгосрочной тенденции, но все же пока не воспринимается позитивно даже большинством феминисток, предпочитающих именно такой тип интимных отношений. Тем не менее эта организация остается ключевым поставщиком «новых идей» для всего левого лагеря (Kurtz, 2006). <http://www.nationalreview.com/kurtz/kurtz200602220826.asp>. Добавим, фактически для политической элиты страны (см. гл. 10).

Идеология левых, подкрепленная пока объективными интересами работников бюджетно (или просто принудительно) финансируемых СМИ (см. гл. 2), защищает себя саму через запрет критики (Hate speech, Hate crimes²⁰⁸, «подстрекательство»), в качестве коего квалифицируется все, что противоречит идеологии (Jacoby, 2009).

Произвольно обозначаемые ценности и оценки правозащиты

Проблема, затрагиваемая в этом пункте, разумеется, не связана с научной строгостью оценок в СМИ. Журналисты не ученые и не обязаны подгонять свои профессиональные стандарты под стандарты науки. Проблема отчасти в конфликте интересов. Однако самое интересное для нас здесь — наличие очевидно просматривающейся общности оценок, противоречащих обычной логике и здравому смыслу. Причем, несмотря на вероятное отсутствие непосредственной координации при выработке оценок правозащитными организациями, приверженность общей левой идеологии дает превосходные результаты в смысле высокой степени их совпадения.

По оценкам правозащитников (см., к примеру, обзор *Freedom House*²⁰⁹ (FH) — Map of Press Freedom, представляющий данные за 2002—2008 гг.), Италия — одна из наименее свободных стран в Европе в смысле свободы слова.

При этом эксперты FH признают, что в стране есть два основных холдинга — государственная компания RAI и контролируемый действующим премьер-министром С. Берлускони частный медиахолдинг Mediaset. Указывается на то, что они дают разнообразные, в том числе диаметрально противоположные, оценки по всем политическим вопросам, включая деятельность самого Берлускони. Это означает, что государственный холдинг, по сути, работает на нынешнюю оппозицию. Италия — единственная крупная страна в Западной Европе, в которой государственное телевидение имеет жесткого и эффективного конкурента в сфере общественно-политического вещания, где возможна не только критика правых, но и критика правыми левых.

Имеющие гораздо лучшие, нежели Италия, оценки Freedom House Швеция, Финляндия, Чехия не могут предъявить доказательств конкурентности политического теле- и радиовещания. Можно согласиться с тем, что крупнейший медиахолдинг, контролируемый действующим политиком, — это не лучшее решение из гипотетически возможных. По всей видимости, в реалиях современной Европы это отнюдь не наилучшее решение из доступных. Как отмечалось в гл. 2, вторгаться на рынок политического вещания, изначально занятый компанией, оплачиваемой налогоплательщиком, для частной компании слишком рискованно. Поэтому для появления конкуренции обычных рыночных стимулов без личных стимулов действующего политика оказывается недостаточно.

Оценки американской либеральной организации *Freedom House* — это далеко не самый яркий пример смещенности и предвзятости. Базирующаяся во Франции организация «Репортеры без границ» (*Reporters sans Frontieres*) в представленном ею рейтинге ставит Италию на 44-е место из 173 стран мира в 2009 г.²¹⁰

Это намного ниже Скандинавских стран, Германии и многих других стран. Британия имеет рейтинг ниже «образцовых» стран. В этой стране наблюдаются определенные элементы конкуренции даже на рынке телевещания после реформ М. Тэтчер.

Страна, в которой наряду с левыми телеканалами есть один общенациональный нелевый телеканал, — США — некоторое время не оценивалась «Репортерами без границ» вообще. В 2007-м она получила 47-е место, и только активная позиция всех телеканалов, кроме одного, подключившихся к поддержке одного из кандидатов в президенты еще на этапе праймериз, продвинула страну в рейтинге заметно вверх — на 41-ю позицию в 2008 г. Формально это произошло в связи с законом, защищающим право журналиста не раскрывать источник информации. Верность курсу уже после выборов (уникальный в американской медиаистории отказ большинства каналов напрямую освещать массовые акции противников налоговой

---

²⁰⁸ Выведение такого типа преступлений из обычного для США порядка расследования является произвольным, ничем всерьез не обоснованным (Jacoby, May 17, 2009). По нашей оценке, это определенный способ компенсировать невозможность провести в США законодательство типа Hate Speech напрямую, как слишком явно противоречащее 1-й поправке.

²⁰⁹ <http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=251&year=2008&country=7546>.

²¹⁰ См. Press Freedom Index на главной странице сайта: <http://en.rsf.org/>.

реформы 15 апреля 2009 г.— «чайные вечеринки», подача откровенно враждебных комментариев вместо освещения²¹¹) совпала с дальнейшим продвижением на 40-ю позицию в 2009-м, т.е. очевидное ухудшение ситуации фиксируется левыми как очевидное ее улучшение. Франция заработала снижение оценки в 2009 г. введением закона, позволяющего правительству, оплачивающему деятельность телеканалов, назначать туда своих управляющих. Нельзя не согласиться с тем, что такое решение много хуже, чем в Италии, но все же заметно лучше ситуации, когда представители большинства избирателей вынуждены щедро финансировать СМИ, игнорирующие позицию и интересы этого большинства и выражающие позицию другой части избирателей либо (что более вероятно) свою личную позицию.

Очевидную смещенность оценок большинства правозащитных организаций²¹² и даже конфликт интересов (кампании по фандрайзингу в странах Персидского залива²¹³) регулярно демонстрирует организация *NGO Monitor*, занимающаяся мониторингом отчетов и источников финансирования таких организаций.

Внешний пример как координирующий сигнал: идейное «влияние Запада» на внутривнутриполитическую динамику в России

Из-за слабости российского гражданского общества влияние Запада зачастую оказывается критически важным для состояния прав и свобод в нашей стране. Речь идет, естественно, об опосредованном влиянии, о силе примера (как позитивного, так и негативного²¹⁴). Периоды политического «потепления» и «похолодания» в России заметно синхронизированы с периодами усиления и ослабления Запада²¹⁵.

Примеров подобного влияния в российской истории множество. Так, переход от нэпа к политике коллективизации, ускоренной индустриализации и массового террора произошел одновременно с началом Великой депрессии. Быстрое послевоенное восстановление Европы, консолидация стран Запада под началом США были важными факторами того, что к 1953 г. большая часть советской элиты осознавала необходимость реформ.

Переход от преобразований Хрущева—Косыгина к консервации политической системы СССР совпал по времени со студенческими революциями 1968 г. и последующим кризисом 1970-х гг. на Западе (стагфляция и энергетические кризисы 1973 и 1979 гг.). В 1980-е гг. ситуация в мире радикально изменилась: «неолиберальная революция» Рейгана и Тэтчер, демократическая трансформация стран Южной Европы, начало рыночных преобразований в Китае способствовали тому, что необходимость реформ назрела и в СССР. В условиях резкого падения цен на нефть в середине 1980-х гг., ускорения евроинтеграции, динамичного экономического роста развитых стран и усиления международного влияния США России пришлось осуществлять радикальную перестройку общественно-политической и экономической систем.

На рубеже тысячелетий обстановка в мире вновь переменялась. Точнее, с Запада начали поступать многочисленные сигналы о неблагополучии и о слабости: крах высокотехнологичного рынка NASDAQ в 2000 г., рецессия в США в 2001 г., теракты 11 сентября того же года, трудности США в Ираке и Афганистане, провал референдума по ратификации общеевропейской конституции в 2004-м, начало ипотечного кризиса в США в 2007-м, потрясения на финансовых рынках в 2008—2009 гг. Все они наглядно свидетельствуют об ослаблении стран Запада в первом десятилетии XXI в. Одновременно с этими событиями (по получению сигналов) в России начали набирать силу авторитарные тенденции: взятие под контроль центральных СМИ, повышение процентного барьера для прохождения партий в Государственную Думу, отмена выборов губернаторов.

---

²¹¹ См. отчет об освещении сюжета организации Media Research Center <http://www.mrc.org/Profiles/teaparty/welcome.asp>; напомним, что речь идет об акциях в 750 населенных пунктах с сотнями тысяч участников по меньшей мере.

²¹² См., к примеру: http://www.ngo-monitor.org/article/hrw_s_rain_of_fire_neither_thorough_nor_impartial.

²¹³ <http://blog.ngo-monitor.org/other-ngos/human-rights-watch/israel-the-main-course-for-hungry-saudis-at-hrw-dinner-in-riyadh/>.

²¹⁴ Под «позитивным» понимается сигнал о силе, под «негативным» — о слабости Запада.

²¹⁵ О значительной роли внешних импульсов в проведении реформ и контрреформ в России см.: *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Политическая модернизация России: циклы, особенности, закономерности. М., 2007. С. 37.

В чем причина столь сильного влияния внешних импульсов на развитие внутривнутриполитической ситуации в России? По всей видимости, в период успешного развития Запада отставание России от развитых стран становится угрожающим для положения и амбиций элиты. Последняя вынуждена проводить преобразования, предполагающие общественно-политическую и экономическую либерализацию. Наоборот, в период великих кризисов (как это было в 1970-е гг.) власти теряют осязаемый стимул к проведению реформ и отказываются от политики частичного заимствования западных институтов. При этом временный уход развитых стран от внешнеполитической экспансии (например, США после войны во Вьетнаме) толкает отечественную элиту к реализации военных авантюр, одна из которых заканчивается реальной «геополитической катастрофой». Проигранные войны, как это не раз случалось в российской истории (в XIX в. — Крымская война, в XX в. — русско-японская война, война в Афганистане), становятся ясным знаком бесперспективности «застойной автаркии», после чего происходит переход к реализации либеральных реформ. Важную роль играют выход стран Запада из кризиса и усиление их роли на международной арене (яркий пример — США времен Р. Рейгана), а также позитивный пример соседних стран (революции 1989 г. в странах Центральной и Восточной Европы стали предвестником краха коммунизма в СССР и Югославии²¹⁶).

В отсутствие внешнего вызова успешных и сильных рыночных правовых демократий спрос российской элиты на либеральные (в классическом смысле) реформы существенно слабеет. А когда нет яркого и привлекательного примера, недостаточен спрос на такие реформы и «снизу» — у российского обывателя.

Выводы

Идеология значима для экономического роста. Религия, которая выступает для большинства людей в сильно редуцированной форме (в силу «рационального неведения») и потому имеет значительное пересечение с идеологией, так же значимо влияет на поведение рыночных агентов и на их способность к кооперации. Идеология и религия влияют на выбор профессии и вида деятельности, на престиж и уважение к собственности, к предпринимательскому успеху, а следовательно, на качественный состав предпринимателей, на уровень доверия среди участников сделок, на уровень транзакционных издержек.

Идеология является механизмом координации действий, причем настолько эффективным, что при господстве или явном доминировании единственной идеологии она начинает конкурировать с законом (даже в стране со столь мощной правовой традицией, как США: пример судьи-либерала С. Сотомайор; требования леворадикальных «правозащитных» организаций к кандидатурам президента Буша публично поклясться в верности левoliberalным идеологемам, таким как гражданские права, что явилось бы уже прямым вызовом принципу власти закона).

Барро (Barro) показал, что религиозный фактор статистически значимо связан со сложившимися политическими институтами. То же показывает и наш анализ (Яновский, Шульгин). Очевидно, объединенное влияние идеологий и религий, негативно относящихся к личному успеху, не защищающих и не поддерживающих институт частной собственности, значимо и негативно коррелирует с долгосрочными (начиная с 1820 г.) темпами экономического роста.

В связи с этим анализ современных антикапиталистических доктрин — от современных разновидностей этатизма и левачества до исламского фундаментализма — представляется актуальным.

Меры по либерализации медиа- и образовательного рынков могут сыграть значимую роль в период проведения реформ и для восстановления идеологической конкурентности вместо моральной (на последствиях которой мы остановимся в гл. 12). По меньшей мере они предотвращают возможность блокирования реформ их оппонентами.

---

²¹⁶ Подобный эффект можно было наблюдать в 2011 г., когда свержение режима Бен Али в Тунисе стало примером для активных граждан стран Ближнего Востока.

Литература

- Конституция РФ // Гарант.ру. http://constitution.garant.ru/DOC_83126.htm.
- Конституция РФ 1992 г. http://constitution.garant.ru/DOC_4000.htm.
- Аузан А.А., Тамбовцев В.Л. Институциональное ограничение развития России. М., 2009.
- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Прогресс, 1990.
- Гайдар Е. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005.
- Кулишер И.М. История экономического быта Западной Европы. Челябинск: Социум, 2004.
- Лал Д. Непреднамеренные последствия. М.: ИРИСЕН, 2007.
- Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия, 1996.
- Робин К. Страх. История политической идеи. М.: Территория будущего, 2007.
- Рутенбург В.И. Итальянские коммуны XIV—XV вв. М., 1965.
- Рутенбург В.И. Италия и Европа накануне нового времени. Л., 1974.
- Тер-Минасова С. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000.
- Шумпетер Й. История экономического анализа. СПб.: Экономическая школа, 2004.
- Auman R.J. (2005). War and Peace. Prize Lecture. December 12.
- Barro R.J. (1999). Determinants of Economic Growth. L., MIT Press.
- Barro R.J. (1999). Determinants of Democracy // Journal of Political Economy. Vol. 107. N 6. Part 2. (Seminar on the Economic Analysis of Social Behavior in Honor of Gary S. Becker). December.
- Barro R.J., McCleary R.M. (2006). Religion and Political Economy in an International Panel // Journal for the Scientific Study of Religion. 45.
- Botticini M. (March 1999). A Loveless Economy? Intergenerational Altruism and the Marriage Market in Tuscan Town, 1415—1436 // The Journal of Economic History. Vol. 59. N 1.
- Glaeser E.L. The Political Economy of Hatred. Harvard University, Harvard Institute of Economic Research discussion paper #1970, August 2002 <http://post.economics.harvard.edu/hier/2002papers/2002list.html>.
- Greenberg S.B. (1996). Middle Class Dreams: Politics and Power of the New American Majority. Yale University Press.
- Greif A. (June 1993). Contract Enforceability and Economic Institutions in Early Trade: The Maghribi Traders' Coalition. American Economic Association in its journal American Economic Review. <http://ideas.repec.org/a/aea/aecrev/v83y1993i3p525-48.html>. Retrieved on 2007-07-11.
- Greif A. (December 1989). Reputation and Coalitions in Medieval Trade: Evidence on the Maghribi Traders // Journal of Economic History. Vol. XLIX. N 4.
- Greif A. (October 1994). Cultural Beliefs and the Organization of Society: A Historical and Theoretical Reflection on Collectivist and Individualist Society // Journal of Political Economy. Vol. 102. N 5.
- Fairfax A.E. (2005). The Democratic Trend Phenomena: The Predictability of the Democratic Vote for President. Hampton, VA: MediaChannel.

- Jacoby J.* (2009). Aren't all violent crimes 'hate' crimes? // The Boston Globe. May 17.
- Hardin R.* (1997). One for All. Logic of group Conflict. Princeton University Press, NJ.
- Hirshleifer J.* (2001). The Dark Side of the Force. Economic Foundation of Conflict Theory. Cambridge University Press.
- Mozgovaya N.* (May 5, 2009). Peres to Obama: N choice but to compare Iran to Nazis // Haaretz. <http://www.haaretz.com/hasen/spages/1083222.html>.
- Pasko A.N.* Israelis against Israel. FrontPage, Friday, May 30, 2003. <http://www.frontpagemag.com/readArticle.aspx?ARTID=17961>.
- Rocke Michael* "Forbidden Friendships: Homosexuality and Male Culture in Renaissance Florence" 1996 Oxford University Press, kindle edition
- Rubin P.* (1994). The Assault on the First Amendment: Public Chouce and Political Correctness // The Cato Journal. Vol. 14. N 1. Spring/Summer.
- Rubin P.* (2001). Ideology // Elgar Companion to Public Choice / Ed. Shughart II W.F. & Razzolini L.
- Sholefield A.* "Warning: Immigration Can Seriously Damage Your Wealth" The Social Affairs Unit 2007 (электронная версия доступна по адресу: <http://socialaffairsunit.org.uk/digipub/content/view/18/27/>)
- Zombart W.* Jew and Modern Capitalism. <http://socserv2.socsci.mcmaster.ca/~econ/ugcm/3ll3/sombart/jews.pdf>.
- Schumpeter J.* (1954). History of Economic Analysis. Oxford University Press.
- <http://www.aboutflorence.com/history-of-Florence.html>.
- <http://www.stg.brown.edu/projects/catasto/overview.html>.
- Forty Hadith of an-Nawawi 13.
- Jacoby Jeff* The 'racist' brand by // The Boston Globe. June 10, 2009. <http://www.jeffjacoby.com/5702/the-racist-brand>).
- NGO Monitor* May 2009 Digest (Vol. 7. N 9). Focus: HRW raises funds in Saudi Arabia by demonizing Israel. http://www.ngo-monitor.org/digest_info.php?id=2450#focus.

Глава 6 «Заккрытие» демократии. Факторы ограничения политической конкуренции

*...Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.*

А.С. Пушкин

«Усовершенствования» демократических механизмов принятия решений о поставке финансируемых налогоплательщиком общественных благ могут уводить экономику в том же направлении, что и авторитаризм. Возможно, такой отход менее значим, но при этом традиция ограничения демократии, так же как и длительная традиция авторитаризма, с трудом поддается коррекции.

Методология исследования

Как отмечалось во Введении, под «*закрытой демократией*» будет пониматься государство, в котором формально наличествуют все институты «Rule of Law» (господство, верховенство права; власть закона, а не людей), включая гарантии прав человека (формально независимый суд и т.п.), частную собственность, рыночную экономику, а также существуют политическая оппозиция и независимые СМИ. Однако в силу разных причин издержки избирателей, связанные с отстранением правительства (правящей партии, группы интересов) от власти или со сменой политического и экономического курса, оказываются настолько высокими, что такая смена не происходит десятилетиями (так, при непрерывном правлении одной партии, группы вырастает новое поколение)²¹⁷. При полноценной демократии избиратель, проголосовав, может добиться изменения курса. Например, голосуя за консервативный конгресс в 1990-х гг., американцы добились ограничения социальных программ. Проголосовав за демократический конгресс в ноябре 2006 г., они задолго до президентских выборов заставили президента расстаться с рядом ключевых в своей администрации фигур, взявших на себя ответственность за его нерешительную и неэффективную политику в Ираке после свержения режима С. Хуссейна.

В Израиле или в Швеции, проголосовав за оппозицию, избиратель не может, как выяснилось, в последние 30 лет сменить курс и добиться желаемых реформ. Победившие на выборах правые не решились провести ни одну из глубоких реформ и следовали курсом левых либо брали на себя ответственность за безответственные эксперименты своих предшественников и, выполнив «грязную работу», снова удалялись в оппозицию под давлением левых медиа.

Первоначально предполагалось исследовать следующие страны:

Швецию (1932—1976 гг.; доминирование СДП в 1982—2005 гг. — 20 лет из 23);

Мексику;

---

²¹⁷ Это согласуется с известным определением, предложенным А. Пжеворским (*Przeworski et al., 2000. P. 54*) для строгой классификации демократий и диктатур как режимов, при которых властвовавший политик уходит, проиграв выборы.

Японию;

Израиль, в том числе 1948—1977 гг. в «чистом виде» (так как в этот период у власти неизменно находились представители единственной партии);

Италию.

В ходе дальнейших исследований первоначальный список пополнен Норвегией (табл. 10.1).

Следует подчеркнуть, что даже после дополнения списка шести наблюдений явно недостаточно для количественного анализа. Таким образом, цель исследования до известной степени ограничена. Она состоит в том, чтобы на основе минимально формализованного качественного сравнительного анализа сформулировать гипотезы, объясняющие связь политического режима «закрытой демократии» с определенным набором институтов.

Мы сфокусировали внимание на институтах, которые ранее²¹⁸ определили как базовые. Обобщение собранных в ходе исследования данных позволило структурировать основные результаты анализа и представить их в виде сводной таблицы – см. табл. 10.1.

Проверяемые гипотезы

Режим «закрытой демократии» приводит к деградации правовой системы, а она, в свою очередь, в искаженном состоянии разлагает механизмы демократических выборов, что в среднесрочной перспективе стабилизирует режим и затрудняет развитие нормальных демократических институтов (создает риски «институциональной ловушки» — под этим термином подразумеваются неэффективные институты, которые «сами себя» воспроизводят²¹⁹, причем смена их возможна только с высокими издержками).

Выход из режима «закрытой демократии» сопряжен с высокими издержками. Шансы на выход выше при наличии конкуренции во всех основных сегментах медиарынка и при расколе правящей элиты, основанном на глубоком конфликте интересов разных ее группировок и принявшем идеологическую окраску (с выраженными идеологическими различиями этих группировок).

Некоторые из постсоветских стран имеют реальные шансы на вхождение в режим «закрытой демократии».

---

²¹⁸ См.: Мау, Жаворонков, Яновский и др., 2003.

²¹⁹ Точнее, воспроизводятся интересантами или группами таковых (группами специальных интересов).

Сравнительный анализ институтов Израиля, Италии, Мексики, Норвегии, Швеции и Японии

№ п/п	Индикатор	Израиль	Италия	Мексика	Норвегия	Швеция ^а	Япония
1	Медиарынок						
1.1	Наличие оппозиционной прессы ^б	Оппозиционные печатные СМИ: 2 — ежедневные; 12—13 — еженедельные; радио — 0; ТВ — 0	Стабильно конкурентен во всех сегментах; с 1975 г. РАІЗ под контролем Компартии; наличие коммерческих политических программ	Сегмент печатных СМИ был относительно конкурентен, но размещение рекламы и прямые субсидии правительства нарушали равные условия; журналисты не защищены от пыток, убийств и похищений; ТВ-рынок монополизирован формально частной компанией, созданной в период господства ИРИ	Печать — да; радио и телевидение — ограниченно вследствие долговременной монополии общественного ТВ; политическое вещание фактически остается монополизированным	Печать — скорее да, но есть правительственные субсидии на печать; радио и телевидение — ситуация такая же, как в Норвегии	Наличие «общественного» ТВ (NHK) компенсируется старейшим в данной выборке стран коммерческим ТВ, имеющим политические программы

1.2	Наличие оппозиционных радиостанций (по тому же определению)	Нет	Есть	Нет данных	—	—	Есть
1.3	Наличие оппозиционных телеканалов (по тому же определению)	Нет	Есть	Нет данных	Нет	Нет	Есть

Продолжение табл. 10.1

№ п/п	Индикатор	Израиль	Италия	Мексика	Норвегия	Швеция ^а	Япония
2.	Правовая система						
2.1	Издержки отстранения судей (импичмент или иная относительно	Относительно простая; известно о двух случаях отстранени	«Внешние» ^б — запретитель но высоки; «внутренние » —	Судьи Верховного суда — импичмент (сенат 2/3 голосов, по предложению президента ^г); окружные судьи —	Специальный суд импичмента	Случаи редки; процедура импичмента не предусмотрена,	Импичмент; для судей Верховного суда — референду

	простая процедура; число судей, отстраненных от должности за последние 25 лет)	й; многие уходят под давлением председателя Верховного суда	умеренные; процедуры импичмента нет	предложение президента утверждается простым большинством сената; назначение окружного судьи — на 4 года (ст. 97, 111 Конституции)		решение принимается в обычной судебной процедуре	м
2.2	Квалификационные требования к судьям (требование n-летнего стажа, ученой степени; иное)	7-летний стаж адвоката (5-летний для мирового судьи)	Стажировка в качестве судебного аудитора с предварительным экзаменом; для окружного судьи — стаж 5 лет, либо 15 лет адвокатского стажа, либо ординарная профессура права	Даже для членов Верховного суда — диплом юриста, полученный не менее чем за 5 лет до номинации	Адвокатский опыт и сдача специального экзамена	10—15 лет стажа и магистерская степень, обычно также ученая (3-я) степень	2 года стажировки, сложный экзамен
2.3	Common Law / Civil Law — действие институтов общего права и	Основы Common Law в сочетании с элементами	Civil Law	Civil Law	Наиболее близкая к прецедентному праву ветвь Civil	Civil Law, однако учитываются и прецеденты	Civil Law

	континентальн ого гражданского права	и Civil Law			Law		
--	---	-------------	--	--	-----	--	--

Продолжение табл. 10.1

№ п/п	Индикатор	Израиль	Италия	Мексика	Норвегия	Швеция ^а	Япония
2.4	Использование практики провокаторов против политической оппозиции (установленные в суде или подтвержденные авторитетными экспертами случаи)	Неоднократ но	Не установлен о	Использовалась практика убийств (особенно в 1960— 1970 гг.)	Неизвестн о	Неизвест но	Неизвестн о
2.5	Использование аппарата правоохранительны х органов и спецслужб для сбора информации	Регулярно	Неизвестно	Регулярно	Неизвестн о	Неизвест но	Неизвестн о

	об активистах политической оппозиции						
2.6	Наличие признаков управляемости судей исполнительной властью (заведомо противозаконные решения, принимаемые в интересах властей, отсутствие общественно значимых поражений исполнительной власти в суде и пр.)	Есть отдельные политики, имеющие заметное влияние на суд (Ш. Перес)	Нет	Суды, кроме Верховного суда, зачастую игнорируются, особенно в сельской местности. Соответственно стимулы властей побеждать в судах слабы ^д	Нет	Нет	Нет
2.7	Практика секретных обвинений (не предоставляемых для ознакомления обвиняемому и его адвокату)	Да	Нет	Ограничение доступа к услугам адвоката	Нет	Нет	Нет

Продолжение табл. 10.1

№ п/п	Индикатор	Израиль	Италия	Мексика	Норвегия	Швеция ^а	Япония
2.8	Использование спецслужб против политической оппозиции (установленные в суде или подтвержденные авторитетными экспертами случаи)	Да	Случаи не известны	Да. Есть службы, специально созданные для этого (наибольший размах их деятельность получила во второй половине XX в. при шефе политической полиции и президенте (1970—1976 гг.) Л. Эчеверрия	Случаи не известны	Случаи не известны	Случаи не известны
2.9	Случаи административного ареста оппозиционеров	Да	Нет	Нет данных	Нет	Нет	Нет
3	Политический рынок						
3.1	Наличие оппозиционных партий	Наличествуют в течение всего периода	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть
3.2	Наличие фракций оппозиционных	Да	Есть	С 1980-х гг. —	Есть	Есть	Есть

	партий в парламенте			постоянно			
3.3	Отношение правящей партии и аффилированных с нею СМИ к оппозиции как к некомпетентным и неудачливым конкурентам	Есть проявления	Не наблюдалось	Да	Не наблюдалось	2006 г., октябрь ^е	Не наблюдалось
3.4	Отношение к оппозиции как к врагам, изгоям ^ж	До 1967 г. возможность коалиции отрицалась; отношение СМИ — однозначно негативное	Не наблюдалось	Да	Не наблюдалось	Не наблюдалось	Не наблюдалось

Продолжение табл. 10.1

№ п/п	Индикатор	Израиль	Италия	Мексика	Норвегия	Швеция ^а	Япония
3.5	Случаи исчезновения оппозиционных	Достоверных данных нет	Не было	1960—1970-е гг. ³	Не было	Не было	Не было

	политиков и журналистов						
3.6	Случаи использования вооруженного насилия против оппозиции	В период до независимости: операции «Сезоны»; потопление «Альталены»; непропорциональное насилие против оппозиции так называемому мирному процессу	Нет	1960—1970-е гг.	Нет ^и	Нет	Нет
3.7	Последний такой инцидент (число лет после него)	2006 г. — расправа над подростками, протестующим и против сноса домов в поселке Амона в Самарии (более 300 раненых)	Нет	1971 г. (массовая расправа над ультралевыми — студентами); позднейшие случаи сложно выделяемы из-за высокого криминального фона похищений и убийств (порядка тысячи в год ^к)	Нет	Нет	Нет

3.8	Практика отстранения оппозиционных кандидатов от участия в выборах ¹	Да: 1988, 2003 г.	Случаи не известны	Нет данных, однако регулярно имели место массовые фальсификации ¹	Случаи не известны	Случаи не известны	Случаи не известны
-----	---	-------------------	--------------------	--	--------------------	--------------------	--------------------

№ п/п	Индикатор	Израиль	Италия	Мексика	Норвегия	Швеция ^а	Япония
3.9	Стабильность правящей коалиции — имели ли место необратимые расколы, не принимавшие идеологической окраски	Да (1977 г. — конфликт Ш. Переса и И. Рабина приобрел открытую форму с привлечением судебных и правоохранительных органов)	Нет, но при этом внутренняя конкуренция и 5 партий в коалиции вели к частым техническим кризисам — 53 кабинета с 1947 по 1993 г.	Да	Нет	В самой СДПШ — нет, коалиции с партнерами (Партия центра) бывали; пользовалась поддержкой коммунистов	Да
3.10	Стабильность правящей коалиции — имели ли место необратимые расколы, принимавшие форму идеологического конфликта	Да (чаще при формально «правых» правительствах)	Нет	Да (выход ультралевого крыла К. Карденаса из ИРИ)	Нет	В самой СДПШ — нет	Скорее, да
4	Экономическая политика						
4.1	Случаи уголовного преследования предпринимателей,	Вероятно, не менее двух (А. Гайдамак,	Один случай (политическая подоплека	Нет данных	Случаи и не известны	Достоверные случаи (в связи с	Случаи и не известны

	финансировавших оппозиционные партии ^М (единичные, более двух — массовые)	Л. Невзлин и др.); в период мандата давление на источники финансирования — регулярная практика	неочевидна)		ны	политикой) не известны	ны
4.2	Процедуры проведения государственных закупок: наличие тендеров с равным доступом, включая иностранцев, и единым критерием определения победителя	Есть проблемы с законодательством, учащаются его нарушения	Наличествуют	Непрозрачны и коррупционны	—	Наличествуют и прозрачны	—

Продолжение табл. 10.1

№ п/п	Индикатор	Израиль	Италия	Мексика	Норвегия	Швеция ^а	Япония
4.3	Бюджетное финансирование строительства (доля в ВВП или в расходах)	2,5—4% общих расходов	Масштабные программы строительства	Нет данных	—	До 90% строительства жилья с использованием	Значительное

	бюджета) ^н	бюджета	тва, особенно на Юге			нием государстве нных кредитов	
4.4	Бюджетное финансирование прочих «смешанных общественных благ» (медицина, образование)	Здравоохра нение и просвещени е вместе — 17—18% расходов бюджета за последние две каденции правительст ва ^о	Только на медицину приходится свыше 8% ВВП ^п	Нет данных	—	Рост с 12,3% в 1970 г. до четверти ВВП в конце 1990-х гг.	—
4.5	Доля государственных расходов в ВВП, в % ^р	40 — 1948 г. 89 — 1984 г. 49 — ко второй половине 2001 г.	30 — 1973 г. 51 — 1987 г. 42 — 1999 г. (высокая — свыше четверти занятых — доля	12 — 1972 г. 30 — 1987 г. 16 — 2001 г.	30 — 1972 г. 46 — 1992 г. 23 — 1999 г.	25 — 1970 г. 44 — 1983 г. 50 — 1993 г. 39 — 1999 г.	11 — 1970 г. 23 — 1993 г.

			государстве нных предприяти й в промышлен ности)				
--	--	--	---	--	--	--	--

№ п/п	Индикатор	Израиль	Италия	Мексика	Норвегия	Швеция ^а	Япония
5	Социально-демографические данные						
5.1	Эмиграция ^с	В среднем 0,29% населения за год	—	В 2004 г. занимала третье место по доходам от переводов в граждан из-за рубежа — свыше 18 млрд долл.	—	Положительное сальдо миграции с 1929 г.; в 2004 г. 0,091% населения	—
5.2	Иммиграция ^т	Весьма неравномерный приток населения в период с 1980 г. (от 0,1 до 3% в год)	0,1—0,2% населения в среднем за год с 1990 по 2004 г. (чистая миграция)	—	В пределах 0,1—0,2% населения в среднем за год с 1990 по 2004 г. (чистая миграция)	В пределах 0,1% населения в среднем за год с 1990 по 2004 г. (чистая миграция)	—

6	Идеологические факторы						
6.1	Наличие государственной религии	Формально — да, фактически — влияние почти исключительно обратное	Нет	Нет	Формально — да	Нет	Формально — да
6.2	Наличие признаков зависимости религиозных институтов от исполнительной власти	Да	Нет	Нет данных	Да	Шведская Лютеранская церковь — формально — да	Нет

Окончание табл. 10.1

№ п/п	Индикатор	Израиль	Италия	Мексика	Норвегия	Швеция ^а	Япония
6.3	Идеологическая самоидентификация режима (правлящей партии) — правая, левая,	Левая, светско-сионистская, с 1990-х гг. — «постсионист-ская»	Правоцентри-стская	Левона-цио-нали-сти-че-ская	Левая	Левая	Право-центри-стская

	националистическая, иная	(т.е. антиссионистская)					
--	--------------------------	-------------------------	--	--	--	--	--

^a См.: *Петерсон, 1998*; Конституционные акты Швеции (сайт риксдага — www.riksdagen.se).

^b То есть СМИ, обвиняющих высшее руководство страны как минимум либо в опасной для страны недееспособности и в опасном для страны аморальном поведении, либо в прямом грубом нарушении закона с требованием уголовного преследования.

^b То есть решением органов, не сформированных самими судьями, из судей и для судей. Высший совет магистратуры (ВСМ) формируется на 2/3 самими судьями (см. ст. 101, 104 Конституции Италии). При этом «внутренние» издержки отстранения (решением ВСМ) оказываются в принципе вполне умеренными (ст. 107 Конституции), если судья провинился перед самой корпорацией. Индивидуальной защиты судьи от корпорации в виде суда импичмента с процедурой парламентских слушаний не предусмотрено.

^г То есть процедура проще, чем в США, даже для членов Верховного суда; члены окружных судов назначаются Верховным судом (ст. 97 Конституции Мексики).

^d По данным «Freedom House»: «Torture, arbitrary arrest, and abuse of prisoners persist in many areas, although somewhat less so in recent years» (пытки, произвольные аресты, жестокое обращение с задержанными продолжают во многих районах, хотя в последние годы — в меньшем масштабе).

^e Травля министра культуры С. Стего, не пожелавшей платить «сбор» общественной телекомпании, с участием самой компании. При этом в случае, если бы не удалось заставить министра уйти в отставку, компания оказывалась подотчетной именно ей (т.е. конфликт интересов компании при участии в атаках на министра был совершенно очевидным).

^ж Формальный критерий — отношение к возможности создания коалиций в мирное время, подлежащих изоляции, вытеснению из политики, уничтожению, если они не изменят фундаментально свою порочную позицию.

^з См. страноведческий обзор Freedom House за соответствующие годы.

^и Здесь, а также для Швеции речь идет о периоде правовой демократии (в Норвегии — с момента восстановления независимости), а для Японии — о послевоенном периоде.

^к Freedom House. www.freedomhouse.org

^л Без наличия оснований, достаточных для вынесения приговора по уголовному обвинению, с использованием неформализованных критериев, оставляющих широкие возможности для судебного усмотрения (дискреционных решений).

^м Оппозиционные формально, или «неправильные»; оппозиционные по отношению к фактическим держателям власти (как правые в Израиле или в Швеции).

^н Всемирный банк и национальные статистические агентства.

^о См. соответствующий раздел доклада.

^п См. соответствующий раздел доклада.

^р Для сравнения: США 17 — 26 — 23,5% (1970 — 1986 — 1999 гг.); Австралия 19 — 23 — 19% (1972 — 1986 — 2001 гг.). Для всех стран данные Всемирного банка только для центрального правительства.

^с Национальные статистические ведомства и Евростат (http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page?_pageid=1996,45323734&_dad=portal&_schema=PORTAL&screen=welcomeref&open=/C/C6&language=en&product=Yearlies_new_population&root=Yearlies_new_population&scrollto=0); ООН, доклад Генерального секретаря организации «Международная миграция и развитие» A/60/871 May 18, 2006 .

^т Для европейских стран.

Данные исследования по странам

В предпринятом исследовании использованы данные об институтах ряда стран, в которых, несмотря на наличие оппозиционных партий и оппозиционных СМИ, правящая партия сохранялась у власти на протяжении десятилетий и даже в случае поражения на выборах сохраняла контроль над основными рычагами власти в течение длительного периода.

Одновременно в сопоставимом виде собрана информация о судебных и политических системах, медиарынках, а также электоральная и экономическая статистика (табл. 10.1).

Израиль

Израиль — государство, где господствует близкий к европейскому вариант левой идеологии, включающий сильный квазирелигиозный элемент (с поклонением как абстрактной неопределяемой ценности «мирному процессу», так и некоему варианту «святого мученика» — покойному премьеру Ицхаку Рабину). Поборники этой идеологии получили власть «по наследству» от английской мандатной администрации. Удерживают ее благодаря практически полному контролю над СМИ, поддержке судебной системы и правоохранительных органов и внешней помощи. Кроме того, левая элита не останавливается перед применением насилия против оппозиции, если чувствует угрозу своему положению:

операция «Сезоны» в период Британского мандата со значительным количеством убитых;

расправа над экипажем корабля «Альталена» в 1948 г., 19 убитых;

массовое применение полицейского насилия, особенно в период «мирного процесса», с использованием начиная с 1994 г. судебно зафиксированной практики провокаторов — пока без жертв;

подстрекательство через прессу террористов к действиям против поселенцев — в тот же период установление точной доли ответственности невозможно; общее количество жертв превышает 1000 человек.

В первые десятилетия существования государства ощущение полноты контроля над государством и обществом создавало у левой элиты (руководства лейбористов) и несколько необычные для левых стимулы. Так в течение этого периода удерживались необычно высокий уровень расходов на военные нужды. Также не наблюдалось систематических попыток запугивания офицеров судебным преследованием за эффективные действия (Zatovecky, Yanovskiy, Zhavoronkov, 2012).

Речь идет прежде всего о религиозных сионистах и ультрарелигиозных евреях. Объединению этих групп мешает отчуждение, существующее между ультрарелигиозными евреями и государством Израиль. Если оно будет преодолено, то можно будет говорить о появлении сильной оппозиции правящей элите, имеющей как идеологическую базу, основывающуюся на национально-религиозных ценностях, так и возможность вести собственную пропаганду. С течением времени существование такой оппозиции может способствовать демонтажу деградирующих институтов и переводу государства Израиль в режим открытой демократии. Следует, впрочем, отметить, что найдется весьма мало симптомов, указывающих на возможность такого развития событий в обозримом будущем. Скорее, имеет смысл говорить об обратной тенденции. Так называемый мирный процесс и связанные с ним депортации и репрессии против оппозиционно (по отношению к левой элите) настроенных еврейских жителей Иудеи, Самарии и Газы, составляющих ядро религиозных сионистов, угрожают существенно ослабить этот сектор и уменьшают шансы Израиля на мягкий выход из режима «закрытой демократии».

Положительным обстоятельством является также тот факт, что и нижний (рядовые), и средний (офицеры) уровни в ЦАХАЛе не готовы быть пешками в руках правящей элиты. Более того, такая ситуация не является временной, она обусловлена самой структурой Армии обороны Израиля. Основная часть ШАБАКа избежала идеологизации и превращения в политический сыск. Впрочем, и в армии, и в спецслужбах заметны перемены к худшему.

В целом положение в Израиле не дает оснований для оптимистических прогнозов институциональной динамики на ближайшие годы.

Норвегия

Свидетельств использования практики провокаций против сторонников оппозиции, давления на них при помощи силового аппарата нет, заведомо противозаконных судебных решений против них не выносятся.

При доминировании на телевидении левых рынок печатных СМИ представляется вполне сбалансированным.

Рентный фактор (перераспределяемые через бюджет, т.е. централизуемые государством, доходы от нефтяной в данном случае ренты) в среднесрочный период затруднил постоянное пребывание у власти одной и той же партии. Однако он привел к общему «полевению» избирателей и ослаблению связи «избиратель — налогоплательщик». Традиционные партии мало отличаются друг от друга. Новые консерваторы «демонизируются» истеблишментом, представляются в качестве «фашистских» независимо от наличия оснований для такого вывода и бойкотируются при формировании правительственных коалиций.

Экстремальные формы проявления кризиса семьи (почти половина детей рождается вне брака²²⁰) также не являются фактором, способствующим долгосрочной социально-политической стабильности.

Отсутствие эмиграции объясняется не столько возможностями эффективной занятости, сколько «щедрой» социальной политикой.

Таким образом, сравнительный анализ демонстрирует наличие у норвежского государства отдельных выраженных признаков «закрытой демократии».

Япония

Следует отметить, что главный критерий «закрытой демократии» — доминирование одной политической партии — в Японии является едва ли не единственным надежно регистрируемым.

Долгосрочное лидерство ЛДП привело к естественным в такой ситуации проблемам — коррупции и снижению эффективности реагирования на вызовы. Однако короткий курс «лечения» во время ухода ЛДП в оппозицию оказался достаточным в условиях сохраняющейся десятилетиями эффективной²²¹ свободы слова. Отчасти сохранению приемлемого уровня политической конкуренции способствует внутрифракционная борьба в ЛДП.

Итак, формально только несменяемость ЛДП позволяет более или менее четко идентифицировать Японию в числе стран с системой «закрытой демократии», однако в целях добросовестности предпринятого анализа необходимо отметить, что внешние проявления политического режима в этой стране зачастую, в силу многовековой традиции, получают качественно иное наполнение.

Так, практически полное отсутствие явно оппозиционной прессы является выражением принципа «ва», который требует уклоняться от критики, чтобы критикуемый не потерял своего достоинства. Публично порицать правительство не опасно, а неприлично и неэтично.

То же относится и к неприятию как на государственном, так и на бытовом уровне судебной процедуры в качестве действенного средства защиты. По мнению японцев, понятие субъективного права обезличивает человеческие отношения, так как «оно ставит всех людей в положение равенства вопреки иерархическому порядку, который существует в природе»²²². В подавляющем большинстве случаев все претензии, включая оспаривание решений органов власти, снимаются посредством примирительных процедур, при участии опытного посредника. Таким образом, и в этом отношении формальный признак «закрытой демократии» объясняется несколько по-иному, нежели в остальных рассматриваемых странах.

---

²²⁰ См. сайт «Евростата»: Family 2006 in 46 Council of Europe Member States, http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page?_pageid=1334_49092079_1334_49092421&_dad=portal&_schema=PORTAL.

²²¹ То есть основанной на конкурентном медиарынке и на частной собственности, на сильных частных стимулах, а не на добрых намерениях «заботливого» государства.

²²² Давид, 1988.

Итак, термин «закрытая демократия» может относиться к Японии лишь со значительной долей условности, как, впрочем, и многие другие понятия, характеризующие западную культуру.

Вместе с тем независимые СМИ занимают достаточно весомую долю рынка, с тем чтобы власть не могла ощущать бесконтрольность, причем это касается, в отличие от Мексики, Израиля и европейских стран, также и телевидения и радио. К счастью для Японии, мощная устойчивая монополия в секторе общественно-политического вещания ее «общественного» телевидения и радио не укоренилась.

Италия

«Закрытая демократия» в Италии была «закрыта не слишком плотно». Основные причины этого — конкурентность медиарынка, отсутствие репрессий против оппозиции. Главным фактором, угрожающим сегодня жизнеспособности итальянской демократии, стала политизация правовой системы со значимым идеологическим сдвигом влево. Это позволило организовать под видом борьбы с коррупцией и мафией «охоту на ведьм», в ходе которой под прицелом оказались правые политики (в основном сторонники ХДП), а едва ли не единственным доказательством вины становились показания осужденных преступников.

Важным элементом «закрытой демократии» в Италии, остающимся для нее фактором риска и в современных условиях, является традиция «активной политики выравнивания» регионов в условиях сохраняющегося противостояния богатого Севера и бедного Юга. Поражение правых на референдуме 24—25 июня 2006 г. о повышении полномочий и бюджетных прав регионов («за» только 39% голосов) было обусловлено, вероятно, и тем, что значительная часть правого электората (религиозные южане) не была заинтересована в такой реформе, которая в краткосрочный период привела бы к сокращению ассигнований правительства на Юге.

Швеция

По используемым здесь критериям Швеция подпадает под определение «закрытой демократии». Правящая партия отличается редкой стабильностью и находилась у власти с 30-х годов с небольшими перерывами до 2006 года; сколько-нибудь серьезных колебаний политического курса за рассматриваемый период не отмечено.

Длительный контроль над парламентом, правительством и бюрократией (или союз с последней) стимулировал ответственную экономическую политику в условиях идеологической слабости "правой" оппозиции. Так налоги на крупные корпорации оставались на уровне, обеспечивающем их международную конкурентоспособность и сохранение рабочих мест соответственно (Birch Sørensen 2010: 63; Santesson, 2011²²³, которые приводят цифру 7-8% фактически уплачиваемого налога на прибыль корпораций вместо номинального до 57%). Социал-демократы также нашли в себе силы провести непопулярную налоговую реформу 1990-91 гг. как раз из соображений долгосрочной эффективности "вверенного им государства", сознавая все риски от такой реформы в краткосрочном периоде (Santesson, 2011).

При этом три важнейших фактора, перечисленных ниже, позволяют допустить, что риск скатывания Швеции в сторону авторитаризма либо олигархии в краткосрочной перспективе незначителен:

сильные традиции политической добросовестности (т.е. неприменение к конкурентам «запрещенных приемов», невмешательство в деятельность оппозиционных СМИ, строгое соблюдение законов);

многообразие формируемых коалиций (при неизменности лидирующего положения партии СДПШ состав коалиций партий, входивших в разные периоды в правительство, не был неизменным и были периоды нахождения СДПШ в оппозиции);

значительная роль прецедентного права, следовательно, роли судов при явно выраженной фактической независимости судей.

Вместе с тем в Швеции действует беспрецедентно жесткий вариант Закона о подстрекательских выступлениях (Hate Speech), применяющийся, в частности, против служителей Церкви за цитирование

---

²²³ со ссылкой на Lodin, Sven Olof, "Professorn som blev näringslivstorp" (Memoir: The Professor Who Became a Private Enterprise). Stockholm: Ekerlids Förlag, 2009.

Священного Писания²²⁴. Прокуратура опротестовала применение этого Закона в защиту белых мужчин. Все это в сочетании с монополией левой идеологии в электронных СМИ, значительным государственным или квазигосударственным (принудительными сборами на «общественное» телевидение) финансированием политического сегмента медиарынка не позволяет с уверенностью прогнозировать долгую жизнь одной из старейших в Европе правовых демократий.

Как и в случае Норвегии²²⁵, кризис семьи принял крайние формы. 40% шведов полагают, что брак — это отживший институт. Более половины детей рождаются вне брака; 26% детей не живут со своими биологическими родителями (как минимум, с одним из них). Соответственно крайне низкой остается рождаемость. Война с институтом семьи и библейской морали, открыто ведущаяся рядом левых политиков при поддержке правовой системы, несомненно, является фактором нестабильности общества.

Мексика

Мексика до середины 2000-х гг. наряду с современным Израилем представляет собой случай наиболее полного набора характерных институтов «закрытой демократии» (пресса, подконтрольная правящей партии; неэффективная судебная система; правоохранительные органы, защищающие интересы элиты). Слабость правовых институтов страны, отсутствие традиции власти закона и навыков демократии у налогоплательщика делают выход из этого состояния и переход к стабильной правовой демократии проблематичным даже в случае успеха реформ в 2006—2012 гг.

Успех же представляется вовсе не очевидным даже при вменяемой консервативной администрации президента Ф. Кальдерона и в случае почти невероятного присоединения деморализованных «институциональных революционеров» (по итогам всеобщих выборов 2 июля 2006 г. оставшихся на третьем месте) к весьма относительному победителю. Проблема тут не столько в не слишком убедительной победе правых, сколько в нефтяной ренте и связанных с нею ожиданиях экономических агентов²²⁶.

Государство "в собственности" партии

Выделим еще раз приведенные примеры стимулов к ответственному поведению правящей партии (Израиль, Швеция). Этот список можно дополнить Африканским национальным конгрессом в ЮАР, защищающем по крайней мере крупные состояния. Эти примеры "хозяйского отношения" к стране монополю правящей партии не означают долгосрочного решения проблемы ослабления гарантий собственности в силу деградации политической конкуренции. Как показывает пример Израиля и Швеции стимулы к ответственной оборонной и экономической политике исчезают (в первом случае) или слабеют (во втором) как только у старой политической элиты пропадает ощущение предопределенности долгосрочного контроля над страной в будущем (Zatovecky, Yanovskiy, Zhavoronkov, 2012; Santesson, 2011).

Выводы и направления дальнейших исследований

Первый этап исследования, в ходе которого была собрана информация по нескольким странам, где действует или действовал режим со значительными искажениями демократических институтов, показал следующее:

страны, относимые к «закрытым демократиям», за исключением Японии и отчасти Италии (судебная система и правоохранительные органы были «закрытыми», но левоориентированными в отличие от парламента и правительства), в большинстве своем являются площадками для проведения социальных экспериментов левых идеологов;

---

²²⁴ См.: http://www.religioustolerance.org/hom_hat8.htm. Дело Е. Грина закончилось его оправданием в Верховном суде в обстановке международной кампании протеста против подавления религиозной свободы в Швеции. Однако характерно, что прокуратура поддерживала абсурдное обвинение, основанное на допущении права этого органа и суда интерпретировать Библию, до конца и опротестовала решение апелляционного суда в пользу Грина.

²²⁵ См. Демоскоп Weekly. 2006. 1—22 янв. N 229—230, а также см. сайт «Евростата» «Family 2006 in 46 Council of Europe Member States». http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page?_pageid=1334,49092079,1334_49092421&_dad=portal&_schema=PORTAL.

²²⁶ См.: Гайдар, 2006.

эти страны сильно различаются между собой по уровню и остроте общих проблем, что обусловлено, в частности, стартовым состоянием институтов (к примеру, мощный институциональный фундамент правовой демократии в Швеции отличается от слабого в Мексике);

наиболее грубые формы давления на оппозицию, включая убийства, произвольное заведение уголовных дел и т.п., нигде, кроме Мексики и Израиля, не зафиксированы; при этом политическое давление на оппозицию через СМИ приводит зачастую если не к дрейфу «медианного избирателя», то к дрейфу оппозиционных политиков²²⁷ к «медианному журналисту» (примеры Израиля, Норвегии, Швеции);

во всех странах наблюдается ослабление демократических институтов, институтов власти закона, гарантий базовых личных прав (обычно либо ослабление гарантий свободы слова, таких как независимость от государства и конкурентность медиарынка, либо независимости судей, либо того и другого);

наиболее явной и общей чертой для всех без исключения анализируемых нами стран является ослабление гарантий свободы слова, неэффективные, защищенные барьерами медиарынки, засилье государственных телеканалов, в ряде случаев — использование законодательства «против экстремистов» (Hate Speech — в Швеции) для подавления свободы слова и свободы совести;

более или менее выраженной чертой большинства «закрытых демократий» является ослабление гарантий независимости судьи (в частности, через институт корпоративных гарантий независимости вместо индивидуальных²²⁸), а следовательно, и всех индивидуальных прав, на страже которых призван стоять суд;

немаловажным фактором, стабилизирующим режимы «закрытых демократий», является «идеологическая интоксикация» населения с использованием монополизированных СМИ (особенно телевидения) и системы образования, что приводит к эрозии «мягкой инфраструктуры» — морали и обычаев, необходимых для укоренения уважения к свободе, частной жизни и частной собственности.

Массовая эмиграция характерна только для стран с низким стартовым уровнем ВВП на душу населения (Мексика, Израиль, особенно в 1960-е гг., до 1970-х гг. Италия). Проблема, однако, в том, что эмиграция сдерживается не столько возможностями для занятости (включая бизнес и самозанятость), сколько расходами бюджета, что в долгосрочной перспективе чревато финансовой дестабилизацией либо угнетенным состоянием бизнеса из-за чрезмерного налогового пресса (как в Швеции, Израиле).

Восстановление в полном объеме гарантий индивидуальных прав, ограничение государства все новыми запретами, включая реализацию запрета насаждения государственной идеологии (идеологии «мира» в Израиле, идеологии левого национализма в Мексике, государства всеобщего благоденствия, мультикультурализма и феминизма в Швеции и т.п.), суть необходимые условия и предпосылки для выхода из режима «закрытой демократии», стабилизации демократического режима с конкурентной политической системой и снижения инвестиционных рисков.

Более актуальными исследования институтов «закрытой демократии» оказались для стран с правовыми демократическими режимами (включая США и страны Западной Европы), допустившими ослабление гарантий независимости судей, конкурентности медиарынка и т.д., нежели для России.

События последнего года в США выглядят предсказуемыми по направлению, но неожиданными по темпам ухудшения ситуации. Достаточно напомнить использование IRS для давления на консервативные grassroots organizations²²⁹; использование средств бюджета Департамента юстиции США для организации

²²⁷ О стимулах политиков к такому дрейфу в условиях идеологического диктата см.: Яновский, Жаворонков, Затковецкий и др., 2005. С. 84—85.

²²⁸ См.: Жаворонков, Яновский, Савицкий и др., 2004.

²²⁹ See, for example: <http://www.foxnews.com/politics/2013/05/14/new-irs-scandal-echoes-agency-problems-past/>

демонстраций против поражения представителей этой структуре на процессе против Дж.Циммермана (Zimmerman²³⁰), наконец, демонстративно партийно-пристрастное поведение главы Департамента юстиции в его атаках против *stand your ground legislation* (законодательства дающее легитимацию для использования оружия для самозащиты несопоставимо более широкую по сравнению с нормами о "пределах необходимой обороны", поскольку уровень необходимости обороны оценивает не судья а сам гражданин)²³¹.

По большинству параметров современная Россия имеет очевидно более острые проблемы с институтами, чем рассматриваемые страны, кроме разве что Мексики до 1980-х гг. В связи с этим изначальное предположение о том, что постсоветские страны имеют шансы сформировать у себя режимы «закрытых демократий», выглядит излишне оптимистичным. Скорее, это возможно в качестве неблагоприятного сценария развития событий в других постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы.

Так, страны Европейского союза демонстрируют немало общего с Италией. Судебная система этой страны пользуется репутацией образцовой. Общественные телеканалы Франции, Германии и даже Великобритании продолжают доминировать на рынке новостей, и никому не приходит в голову их приватизировать. Неуклонно растет доля избирателей, для которых бюджет — главный источник доходов, а не совместно управляемые общие средства для приобретения общественных благ (обороны, безопасности и правосудия). И это значит, что ключ для закрытия европейских демократий находится в процессе изготовления. Не случайно Конституция ЕС, пока провалившаяся, содержала сотни страниц описания механизма возможного формирования брюссельской бюрократией коалиций для продавливания практически любого решения, но не содержала даже одной странички с перечислением хотя бы базовых неотъемлемых прав и свобод граждан.

Даже США с конкурентным медиарынком и независимыми лично судьями не свободны от угрозы «закрытия» демократии. Эффект монополии в СМИ там отчасти достигается благодаря фильтру «политической корректности» на отбор и освещение новостей. Многочисленные исследования (см. материалы секции Media Bias на конференции Public Choice Society. Baltimore, 2004; стимулы к искажению информации (Яновский, Жаворонков, Затковецкий и др., 2005. С. 63—64); мониторинг Центра изучения СМИ «Mediaresearch») показывают несомненные искажения в освещении событий в рамках левой идеологии²³². Так,

---

²³⁰ <http://www.judicialwatch.org/press-room/press-releases/documents-obtained-by-judicial-watch-detail-role-of-justice-department-in-organizing-trayvon-martin-protests/>

²³¹ Смотри <http://online.wsj.com/article/SB10001424127887324348504578610113097977142.html> "We must stand our ground to ensure that our laws reduce violence and take a hard look at laws that contribute to more violence than they prevent."

11 июня 2013 года Equal Employment Opportunity Commission подал иск против "Dollar General" and BMW (<http://www.foxnews.com/politics/2013/06/22/obama-administration-files-suits-against-businesses-using-criminal-background/?intcmp=trending>) в котором правительство утверждает, что отказ принимать на работу лиц с уголовным прошлым дискриминирует черное население. В контексте этого иска, выступление генерального прокурора Э.Холдера перед съездом Ассоциации содействия прогрессу цветного населения (NAACP's annual convention) в Орландо выглядит как следующий и весьма впечатляющий шаг в направлении защиты преступников против законопослушных граждан, отягченный расистским подходом к не-черному населению.

²³² Характерным примером такого сдвига является отношение к политикам, переходящим из лагеря в лагерь. Так, Дж. Вебб (James Webb), бывший морской пехотинец, секретарь оборонного ведомства при президенте Р. Рейгане, впоследствии написавший сценарий к известному фильму «Правила боя» (Rules of Engagement), был до недавнего времени «закоренелым расистом» и «опасным милитаристом». Обсуждение его фильма в «либеральной» прессе свелось к повторению тысячи раз (таково число статей и отзывов в печати, судя по поиску в Интернете) соответствующих обвинений в увязке его военного прошлого и спекуляций на тему опасности расизма в высших эшелонах военного руководства (хотя автор сценария к тому времени уже давно к этим «эшелонам» отношения не имел). В 2006 г. тот же Вебб был избран в сенат от демократической партии и написал статью о страданиях рабочего класса, получающего меньше, чем известного происхождения банкиры (Webb, 2006). Отзывы на статью левых были самыми благоприятными. Все отмечали мужество Вебба, и никто из «либералов» не заметил ни явного антисемитизма, ни экономической безграмотности автора, которого левые рекомендуют как «центриста» (просто

судя по опросам журналистов, хотя большинство из них считают себя «умеренными», численность либералов (т.е. социалистов) вдвое-втрое превышает численность консерваторов (современных классических либералов, за исключением небольшой группы единомышленников П. Бьюкенена); 28% журналистов полагают, что США — «репрессивное государство»²³³ (т.е. являются левыми радикалами).

Тенденции ограничения медийной конкуренции посредством финансирования налогоплательщиком пропаганды позиции вполне определенных групп и коалиций (левых, по нашему определению) являются международными и охватили ныне большинство демократических стран.

В соответствии с левым «новозом» ликвидация конкуренции является ее защитой (зачастую, как в Израиле²³⁴, — кампании против альтернативных общественным СМИ строятся на запугивании потребителя тем, что произойдет монополизация вещания или печати частным капиталом).

Результаты ослабления конкуренции в данном случае аналогичны описанным выше, в гл. 1 и 2, а именно:

ослабление политической и медийной конкуренции;

ослабление вследствие этого гарантий прав собственности;

снижение прозрачности государства, его ответственности и подотчетности избирателю, налогоплательщику;

одновременное повышение возможностей извлечения ренты группами интересов и снижение возможностей (рост издержек) координации действий большинством населения для защиты своих прав и законных интересов.

Усиливается идеологический нажим на судей, что ослабляет их независимость (так, при назначениях Дж. Бушем-младшим судей Верховного суда представители демократического меньшинства в сенате открыто требовали от кандидатов принести клятву верности «гражданским свободам» в их леволиберальном понимании, и ни один из кандидатов не решился открыто отказаться от такой не предусмотренной законом «присяги»).

Мы уже затрагивали ряд проблем, чреватых «закрытием» демократии — как молодых, так и старых. Это прежде всего проблема использования государственного среднего и высшего образования как источника «идеологической интоксикации» и контроля, рассмотренная в гл. 2. Ниже мы вернемся к анализу последствий «конфликта интересов» бюрократа и избирателя при демократии всеобщего избирательного права, приводящей к негативной селекции («ухудшающему отбору») политиков и чреватой фактическим закрытием демократии при сохранении формальной сменяемости партий у власти по образцу Израиля и отчасти Великобритании («разворот на 180 градусов» «консервативной революции» Э. Хита).

потому, что он сам так позиционировал себя во время избирательной кампании — см. обсуждения носителей «либеральных ценностей» на <http://www.democrats.org/page/community/post/>

<http://liberalvaluesblog.com/?p=616>).

Единственной обнаруженной нами статьей в прессе, в которой были отмечены и экономические ляпы, и прямые заимствования «новым либералом» из риторики коммунистов, и антисемитские намеки, была статья в бизнес-журнале *The American* (*Glassman, 2006*). Правда, отзывы и самых резких замечаний на консервативных сайтах было более чем достаточно (см., к примеру, дискуссию на одном из крупнейших сайтов консервативного направления — <http://www.freerepublic.com/focus/f-news/1741908/Posts>).

Такое уклонение от единственно верного либерального толкования разочаровывает новое демократическое большинство конгресса. Демократами сразу после выборов 2006 г. была предпринята попытка провести законопроект, требующий регистрации наиболее посещаемых блогов [с регулярным посещением от 500 (в России аналогичная норма — 1000 посещений)] в качестве «лоббистских организаций» (!). См.: <http://www.grassrootsfreedom.com/gw/3/articles-home/articles.php?action=view&CMSArticleID=398&CMSCategoryId=24>.

²³³ См. данные опроса на <http://www.media-research.org/biasbasics/biasbasics.asp>.

²³⁴ Законопроект партии «Кадима» — см., в частности, одну из оценок этой инициативы с анализом ситуации в соответствующем секторе медиарынка: «Ownership restriction in the media market in Israel». <http://www.jims-israel.org/pdf/PPMedia.pdf>. Характерно, что с нарастанием тенденций к «закрытию» в старых демократиях похожая аргументация становится расхожей и там — так, ее широко применяют американские и канадские левые интеллектуалы (подробнее см. гл. 2).

Продолжение изучения данной проблемы может дать дополнительную интересную информацию. Прежде всего это касается анализа ситуации в Италии (судебная система и правоохранительные органы), Швеции (СМИ), а также в не включенных в данную выборку Индии, Ботсване и Сингапуре до 1989 г. Такое исследование позволило бы расширить и тщательнее обосновать рекомендации по проведению реформ для России и схожих по качеству институтов стран.

При описании ситуации в ряде стран мы указывали на остроту проблем с «воспроизводством» законопослушного гражданина, наследующего высокие этические — как трудовые, так и деловые — нормы наряду с навыками политической кооперации в рамках правовой демократии при естественной социализации, происходящей в полной семье, в качестве симптома кризиса демократического режима. Далее мы остановимся на кризисе семьи как на самостоятельной проблеме, угрожающей всем институтам, поддерживающим рыночную экономику.

Литература

- Бела М. Мир Жаботинского. Иерусалим: Гешарим, 1992 (5753).
- Бин-Нун А. Законы государства Израиль. Иерусалим: MNJ Ltd., 1993.
- Гайдар Е. Современный экономический рост и стратегические перспективы социально-экономического развития России. М.: ИЭПП, 2003.
- Гайдар Е.Т. Гибель империи. М.: РОССПЭН, 2006.
- Гайдар Е.Т. Экономический рост и человеческий фактор // Вестник Европы. 2003. № 9.
- Гофман Н.Д. Типология итальянских еженедельников и некоторые особенности еженедельной печати // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 1998. № 4-5.
- Давид Р. Основные правовые системы современности. М.: Прогресс, 1988.
- Зайчик М. Жизнь Бегина. М.: Олимп, 2003.
- Комолова Н.П. Италия в поисках новой демократической альтернативы // Политика и власть в Западной Европе XX века / отв. ред. М.Ц. Арзаканян. Ин-т всеобщ. истории. РАН. М., 2000.
- Левин И.Б. Италия после первой республики // Политические институты на рубеже тысячелетий: XX в. — XXI в. / В.И. Борисюк, Г.И. Вайнштейн, И.Е. Городецкая и др.; отв. ред. К.Г. Холодковский. Дубна: Феникс+, 2001.
- Любин В. Итальянская партийно-политическая система в 1990-е годы // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 3.
- Манн Р. А что ты сделал для страны? М.— Иерусалим: Гешарим — Мосты культуры, 2001.
- Мау В., Яновский К., Жаворонков С. и др. Импортированные институты в странах с переходной экономикой: эффективность и издержки. Научные труды. № 68. М.: ИЭПП, 2003.
- Петерсон О. Шведская система правления и политика. М.: Ad Marginem, 1998.
- Полонский П. Индульгенция на избивание детей. 24 ноября 1996 г.
http://www.machanaim.org/tor&life/pol_art/16.htm.
- Полонский П. Проблемы судебной справедливости. 7 октября 1996 г.
http://www.machanaim.org/tor&life/pol_art/10.htm.
- Полонский П. (ред.) День Независимости и День Освобождения Иерусалима. Иерусалим, 1992.
- Правовые системы стран мира / под ред. А.Я. Сухарева. М.: Норма, 2003.
- Федерман Н. Знай свои права. 2000. <http://rjews.net/gazeta/1>.
- Фейглин М. Там, где нет людей. Кирьят-Арба (Хеврон): Ахаз, 1999.
- Фишер В. Европа: экономика, общество и государство: 1914—1980. М.: Владос, 1999.
- Фульмахт В. Территории в обмен на власть. <http://machanaim.org/tor&life/actual/fulm1.htm>. 27 июля 1999.
- Яновский К., Жаворонков С., Затковецкий И. и др. Политико-экономические аспекты борьбы с терроризмом. Научные труды. 82Р. М.: ИЭПП, 2005.

- Яновский К., Жаворонков С., Савицкий К. и др.* Проблемы импорта институтов и переходные страны на примере реформирования судебной системы Российской Федерации: проблемы отбора страны-экспортера и оценки издержек введения. М.: ИЭПП; CEPRA, 2004.
- Andersson S.* Corruption in Sweden Exploring Danger Zones and Change. Department of Political Science, Umeå University, SE-901 87 Umeå. Sweden, 2002.
- Bam I., Klein Y.* Israeli Government Violations of Disengagement Opponents' Civil Rights. Jerusalem: Israel Policy Center, Norsk Israelsenter, 2005.
- Belloni F.* Dislocation of Italian Political System: The Analysis of the 1968 Parliamentary Election // The Western Political Quarterly. March 1971. Vol. 24. N 1.
- Birch Sørensen, Peter* "Swedish Tax Policy: Recent Trends and Future Challenges" (ESO 2010:4). Stockholm: Ministry of Finance, 2010
- Castles F.G.* Policy Innovation and Institutional Stability in Sweden // British Journal of Political Science. 1976. Vol. 6. N 2.
- Garrett G.* The Limits of Social Democracy: Investment Politics in Sweden // The Journal of Politics. 1994. Vol. 56. N 1.
- Ginsburg R.B.* Civil Procedures-Basic Features of the Swedish System // The American Journal of Comparative Law. 1965. Vol. 14. N 2.
- Glassman J.K.* The Class Struggle of Jim Webb // The American. 2006. Nov. 20.
- Gvosdev N.* Mexico and Russia: Mirror Images? // Demokratizatsiya. 10:4. Fall 2002.
- Heath J.* Mexico and the Sexenio Curse: Presidential Successions and Economic Crises in Modern Mexico. Washington, DC: The CSIS Press, 1999.
- Janda K.* Political Parties: A Cross-National Survey. Sweden: The Party System in 1950—1956 and 1957—1962. N.Y.: The Free Press, 1980.
- Kahane M.* They must go // Grosset & Dunlap, October 1981.
- Knudsen T., Rothstein B.* State building in Scandinavia // Comparative politics. 1994. Vol. 26. N 2.
- Kornai J.* The Socialist System: The Political Economy of Communism. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992.
- Le Roy M.K.* Participation, Size and Democracy: Bridging the Gap between Citizens and Swedish State // Comparative Politics. Vol. 27. N 3. 1995.
- Lewin M.* The Gorbachev Phenomenon: A Historical Interpretation. Berkeley: University of California Press, 1991.
- Lipset S.M.* Some Social requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Review. Vol. 53, No. 1 (Mar., 1959), pp. 69-105
- Maddison M.* Monitoring: The World Economy 1820—1992. Paris: OECD, 1995.
- Maddison M.* The World Economy: A Millennial Perspective. Paris: OECD, 2001.
- Means I.N.* Sweden: Prototype of Modern Society; The Government and Politics of Sweden // Canadian Journal of Political Science. 1972. Vol. 5. N 1.
- Meyer L.* La nomenklatura // Reforma. 26 October 2000.

- Mershon C.* The Costs of Coalition: Coalition Theories and Italian Governments // *The American Political Science Review*. 1996. Vol. 90. N 3. Sep.
- Miller A.H., Listhaug O.* Political Parties and Confidence in Government: A Comparison of Norway, Sweden and the United States // *British Journal of Political Science*. 1990. Vol. 20. N 3.
- Mitchell R.* *International Historical Statistics: Europe 1750—1993*. L.: Palgrave Macmillan, 2000.
- Mitchell R.* *International Historical Statistics: The Americas 1750—1993*. L.: Palgrave Macmillan, 1998.
- Nelken D.* The Judges and Political Corruption in Italy // *Journal of Law and Society*. Vol. 23. N 1. The Corruption of Politics and The Politics of Corruption. March, 1996.
- Niskanen W.A.* Welfare and the Culture of Poverty // *Cato Journal*. 1998. Vol. 16. N 1.
- Pazos L.* *La estatización de la banca, Hacia un capitalismo de estado*. Mexico City: Editorial Diana, 1982.
- Pazos L.* *Hacia donde va Salinas*. Mexico City: Editorial Diana, 1989.
- Przeworski A., Alvarez M. E., Cheibub J.A. Limongi F.* *Democracy and Development. Political institutions and Well-Being in the World, 1950—1990*. Cambridge University Press, 2000.
- Rahn G.* *Recht und Rechtsverständnis in Japan // Entstehung und Wandel rechtlicher Traditionen*. Freiburg; München, 1981.
- Rhodes M.* Financing Party Politics in Italy: a Case of Systematic Corruption // *West European Politics*. 1997. Vol. 20. N 1.
- Runblom H.* Swedish Multiculturalism in a Comparative European Perspective // *Sociological Forum*. 1994. Vol. 9. N 4. Special issue.
- Sandstorm J.M.* Arbitration in Sweden // *The American Journal of Comparative Law*. 1979. Vol. 27. N 4.
- Santesson P.* Tax reform in a social democratic welfare state – The case of Sweden 1990–91 Public Choice Society PCS 2011(San Antonio) Annual meeting report http://www.pubchoicesoc.org/papers_2011/Santesson.pdf
- Spesso R.* *L'economia italiana dal dopoguerra a oggi*. Editoria Ruiniti, 1980.
- Ultra-Orthodox Jews: Geographic Distribution and Demographic, Social and Economic Characteristics of the Ultra-Orthodox Jewish Population in Israel, 1996—2000 / Norma Gurovich and Eilat Cohen-Kastro, Central Bureau of Statistics — Demography Sector. Working Paper Series. N 5. 07.2004.
- Webb J.* Class Struggle. American workers have a chance to be heard // *Wall Street Journal*. 2006. November, 15.
- World Bank World Development Indicators-2003. Washington DC, 2003.
- Zatcovetsky I, Yanovskiy M., Zhavoronkov S.* "Israel and Terrorist organizations 2005-2011: Political competition, "Social Justice" revolt and Government's reactions on terror" report for the PCS 2012 (Miami) Annual meeting.
- Zlobin N.V.* The Command-Administrative System in Russia // *Demokratizatsiya*. 1:1. Summer 1992.

Электронные ресурсы

по Израилю:

веб-сайты государственных институтов и общественных организаций:

<http://www.knesset.gov.il>. Веб-сайт Кнессета.

<http://www.mof.gov.il>. Веб-сайт Министерства финансов Израиля.

<http://www1.idf.il>. Веб-сайт Армии обороны Израиля.

<http://www.cbs.gov.il>. Веб-сайт ЦСУ Израиля.

<http://www.mevaker.gov.il>. Веб-сайт Государственного контролера.

<http://rjes/net/maof>. Аналитическая группа «Маоф».

<http://www.mqg.org.il>. «Движение за качество власти».

<http://www.etzel.org.il>. Сайт, посвященный «ЭЦЕЛЬ» — вооруженной организации ревизионистского движения.

<http://www.gush-shalom.org>. «Гуш Шалом» — израильская левозэкстремистская организация.

Департамент статистики ООН. <http://unstats.un.org/unsd/cdb/etc/logon.asp>.

Центр по мониторингу и изучению средств массовой информации и медиарынка США.
<http://www.mediaresearch.org/biasbasics/biasbasics.asp>

веб-сайты информационных агентств

<http://www.iba.org.il>. Израильское государственное агентство новостей.

<http://www.ynet.co.il>. «Едиот Ахронот» — крупнейшая израильская ежедневная газета.

<http://www.nrg.co.il>. «Маарив» — израильская ежедневная газета.

<http://www.makorishon.net>. «Макор Ришон» — еженедельная оппозиционная газета.

<http://www.mignews.com>. «Миг» — газета на русском языке.

<http://www.a7.co.il>. «Аруц 7» — оппозиционный портал новостей и аналитики.

<http://www.cursorinfo.co.il>. Израильское информационное агентство на русском языке.

<http://www.glz.msn.co.il>. Портал новостей армейской радиостанции «Галей ЦАХАЛ».

<http://www.nana.co.il>. Портал новостей.

<http://www.nfc.co.il>. Портал новостей и аналитики.

<http://www.palestine-info.net>. Палестинский информационный центр — ассоциируемый с ХАМАСом, портал новостей и аналитики.

Демоскоп Weekly — обзоры демографической статистики и соответствующих социологических данных.
<http://demoscope.ru>.

по Швеции:

Core Values of Public Administration in Sweden, award winning presentation by Statskontoret.
http://www.statskontoret.se/statskontoret/templates/Page____1736.aspx, 2000.

BBC Country profile: Sweden. http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/europe/country_profiles/1021823.stm#mediab.

Ethlyn T. Clough Norwegian Life. http://www.blackmask.com/thatway/books138c/norlif.htm#1_0_2, 2003.

Sweden. Country Commercial Guide 1999 — United States Government.
http://www.mac.doc.gov/tcc/data/commerce_html/countries/Countries5/Sweden/CountryCommercial/1999/CountryCommercial.html, 1998.

Данные из базы World Development Indicators. <http://devdata.worldbank.org/dataonline>.

Данные из электронной энциклопедии. www.answers.com.

Информационное агентство ТТ. <http://www.tt.se/start/>.

Новости электронного новостного издания. www.thelocal.se.

Общество друзей Швеции, публикации. <http://www.russwed.ru/>.

Посольство Швеции в России. <http://www.sweden.ru/rus/>.

Сайт «Понедельничного движения». <http://www.mandagsrorelsen.nu/>.

Собрание статистических исследований Statistics Sweden. http://www.scb.se/default____2154.asp.

<http://www.religioustolerance.org>. Ontario Consultants on Religious Tolerance о hate speech в законодательстве Швеции.

по Италии:

Della Porta D., Vanucci A. Corruption and Political Financing in Italy.
http://www.transparency.org/working_papers/thematic/italy_paper.html.

Il sistema giudiziario italiano. <http://www.csm.it/documenti%20pdf/sistema%20giudiziario%20italiano/italiano.pdf>.

Moss D. Italian Political Violence 1969 —1988. The Making and Unmaking of Meanings.
[http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/httpNetITFramePDF?ReadForm&parentunid=68B7486CD6288D3C80256B67005B6475&parentdoctype=paper&netitpath=80256B3C005BCCF9/\(httpAuxPages\)/68B7486CD6288D3C80256B67005B6475/\\$file/dp41.pdf](http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/httpNetITFramePDF?ReadForm&parentunid=68B7486CD6288D3C80256B67005B6475&parentdoctype=paper&netitpath=80256B3C005BCCF9/(httpAuxPages)/68B7486CD6288D3C80256B67005B6475/$file/dp41.pdf).

Roncarolo F. A crisis in the mirror. The tension between Italian politicians and journalists.
<http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/copenhagen/ws17/roncarolo.PDF#search='A%20crisis%20in%20the%20mirror.%20The%20tension%20between%20Italian%20politicians%20and%20journalists.'>

<http://english.camera.it/> Палата депутатов парламента Италии.

Прочие:

World Development Indicators. <http://devdata.worldbank.org/dataonline>.

Либеральные американские сайты:

<http://www.democrats.org>.

<http://liberalvaluesblog.com>.

Консервативные американские сайты:

<http://www.mediaresearch.org/biasbasics/biasbasics.asp>. Сайт, исследующий медиарынок и проблемы идеологического смещения в освещении событий.

<http://www.grassrootsfreedom.com>.

Глава 7 Кризис института семьи: болезнь как результат лечения?

...Многие предлагают, чтобы правительство, рассматриваемое как в высшей степени компетентный судья в деле воспитания бедных, предписывало хорошие методы воспитания и для средних классов, чтобы оно налагало на детей последних свою государственную печать, прекрасное качество которой кажется защитникам такой идеи неоспоримым, как оно казалось китайцам, когда они установили свой метод воспитания.

Г. Спенсер

В главе рассматриваются попытки воспроизвести в сфере семейных отношений этатистский эксперимент, провалившийся в экономике. Эксперимент основан на допущении особой информированности и добросовестности государства и на уверенности в *праве* государства вмешиваться в семейные дела — праве приоритетном в случае конфликта с правами родителей.

Воспроизводимое в рамках такого подхода избыточное регулирование государством семейных отношений размывает личную ответственность родителей. При этом подрываются стимулы как к созданию устойчивого семейного союза, так и к деторождению с несением обоими родителями всей полноты ответственности за воспитание детей.

Попытки заставить собственников жилья сдавать его внаем по фиксированной цене и «без дискриминации» (т.е. не имея возможности выбирать клиента) ведут к нехватке жилья на съём и к ухудшению качества предлагаемого жилья. Попытки регулировать цены на продукты первой необходимости чреваты вымыванием их из торговли. В результате страдают как раз те категории населения, «в защиту» которых принимались данные меры. Подобным образом и попытки навязать заведомо невыгодные условия мужьям в отношении жен и родителям в отношении детей приводят к снижению числа лиц, живущих в браке, и к снижению рождаемости²³⁵.

Воспроизводимые новыми институтами стимулы фиксируют кризис института семьи. Ослабление семейных связей и падение рождаемости ведут к ряду важных социально-экономических и политико-экономических последствий. Суть их — ослабление институтов, поддерживающих и защищающих права собственности, правовой порядок. Падение рождаемости, прежде всего у среднего класса, создает напряжение на рынке труда и обостряет проблему финансирования нетрудоспособного населения.

Кризис семьи как института стал очевиден к концу 1970-х гг. Он проявляется в необычайно высоком (до половины от числа заключенных браков) уровне разводов и растущей доле неполных семей, в уровне

---

²³⁵ Как не повезло женам и детям, так не повезло и домашним животным. Они стали очередной жертвой «защитников» с государственной властью. Увеличение числа выброшенных на улицу животных и растущие трудности поиска новых хозяев, судя по всему, ожидают собак и кошек не только в Испании: <http://www.svobodanews.ru/content/article/1985355.html>. Автор материала недоумевает, как же люди выкидывают собак на улицу, «несмотря на достаточно строгие законы, защищающие права животных». Логично предположить, что из-за строгости и выкидывают. Но главное, из-за дополнительной головной боли и рисков, связанных со зверозащитной активностью государства, новые хозяева, более добрые и ответственные, не спешат взять себе в семью четвероногого питомца. К счастью, для швейцарских зверушек избиратель сказал однозначное «Нет» на референдуме, проводившемся с целью расширить права самозванных адвокатов «меньших братьев». <http://www.csmonitor.com/World/Global-New/s/2010/0308/Are-public-advocates-for-animal-rights-needed-Switzerland-says-no>.

рождаемости, который существенно ниже необходимого для «воспроизводства» населения. Причем, все эти явления острее всего проявляются среди законопослушного образованного населения.

Другими проявлениями кризиса являются вытеснение брака «совместным проживанием» и появление «однополых браков». О том же сигнализирует популярность политических теорий, исходящих из принципиального отсутствия отличий между полами, при том что один из «равных» полов (как ранее «угнетенный») должен быть «более равным».

Традиционная семья, точнее, семья, основанная на **монотеистических** моральных ценностях, служила и служит воспроизводству человеческого капитала и поддержанию доверия на микроуровне²³⁶. В этом смысле семья как институт обеспечивает усвоение и передачу следующим поколениям базовых норм морали и простейших навыков взаимодействия между людьми. Тем самым она создает внешний эффект — снижение издержек принятия соответствующего основам морали и здравого смысла законодательства, поощряющего цивилизованное кооперативное поведение и поддерживающего рыночную экономику и экономический рост. Семья поддерживает доверие на более «высоких этажах» общества — в местных сообществах, регионах, на национальном уровне, а в определенных ситуациях и на международном.

Кризис института семьи и его влияние на основные институты, обеспечивающие рыночное хозяйство и экономический рост, являются важным объектом исследования для экономиста. Данный объект не исчерпывается полностью даже «обычным» изучением институтов, начиная с базовых, к каковым относятся семья и поддерживаемая ею мораль, и кончая законодательством и их взаимным влиянием. Кризис семьи в значительной мере предопределяет стимулы и стратегию поведения домохозяйств, отражающиеся прежде всего на их инвестициях в человеческий капитал (детей), на воздействии этого процесса на спрос и т.д. Результаты исследования, таким образом, полезны для формулирования адекватных рекомендаций по экономической политике и по направлениям совершенствования законодательства.

Важным последствием кризиса института семьи является взаимодействие и сосуществование в одной стране и в одном государстве растущих анклавов отсталого общества, власть в котором основана на насилии (Rule of Force), и уменьшающейся части общества, управляемого властью, основанной на законе (Rule of Law).

Снижение рождаемости ведет к «старению» общества и жесткой необходимости привлечения иммигрантов, адаптирующихся с чрезвычайно высокими издержками. Это иммигранты из стран, имеющих не просто определенные, пускай и значительные, культурные отличия. Такие отличия имели место и при иммиграции в США ирландцев, поляков, евреев. Речь идет о глубочайших цивилизационных противоречиях. Выходцы из стран Африки, Азии и других центров традиции «Rule of Force», которые не сталкиваются с необходимостью ассимиляции, сохраняют «мягкую инфраструктуру» общества «Rule of Force». Они не просто с трудом адаптируются к условиям власти закона, но зачастую и не желают этого делать. Анклавы «Rule of Force» обеспечивают инфраструктуру для вербовки, подготовки и финансирования террористов. Порядок внутри таких общин основан на насилии, которое иногда (убийство Тео Ван Гога, «карикатурные» беспорядки) выплескивается наружу.

В России надежды поправить ситуацию на рынке труда с опорой на привлечение мигрантов также не обоснованы. Бесправные мигранты, не имея возможности, как они это делают на Западе, едва ли не сразу сесть на пособие, вынуждены работать. Поэтому острота проблемы сглаживается и основные негативные последствия откладываются на поколение. Но уже их дети (по крайней мере большая их часть) имеют шанс укорениться в стране, получив гражданство в упрощенном — в силу факта рождения на территории Российской Федерации — порядке. Уровень адаптации таких новых граждан будет много ниже, чем у детей новых москвичей и питерцев образца 1920—1980-х гг. Они реже имеют возможность нормально ходить в школу, хуже усваивают русский язык и культуру. Особую проблему составляет тот факт, что они, даже при сильном желании адаптироваться, не смогут заимствовать у окружающего коренного населения те нормы поведения и взаимодействия с людьми и обществом, которые снижают издержки такого взаимодействия в условиях старой правовой демократии. Уровень их гражданских навыков останется низким даже при самом благоприятном сценарии их поведения.

---

²³⁶ Так, большинство бизнесов стартуют как семейные. Даже в странах, пораженных кризисом института семьи, как, к примеру в России, практика регистрации на жену активов общеизвестна и широко распространена. В то же время «современные» ценности, основанные на идее атомизации общества, не признающие ценности семьи, «приглашают» в такой ситуации обмануть супруга и лишить его активов.

Сохраняющиеся элементы «социального государства» и надежды поучаствовать в дележе нефтяной ренты обостряют и без того негативное отношение к приезжим в крупных городах. В силу описанных причин резкое повышение издержек, связанных с межнациональными и межрелигиозными конфликтами, представляется весьма вероятным.

Демографический кризис, кризис семьи у «коренного» населения Франции и Германии, к примеру, снижает и без того слабые по иным причинам стимулы мигрантов из отсталых стран принимать те институты, благодаря которым «Запад стал богатым». Кризис семьи на Западе является для них повседневным, бытовым доказательством превосходства их традиционных институтов. Что говорить о них, если даже для профессионалов-экономистов, изучающих социальные институты, связь гарантий личной свободы и экономического процветания до сих пор далеко не очевидна и сторонники существования такой связи находились до недавнего времени в меньшинстве²³⁷.

Пока семьи, способные передать по наследству солидный человеческий капитал, включающий навыки самоорганизации, адаптации в меняющихся условиях рынка, сравнительно высокие моральные и образовательные стандарты, сокращают деторождение, семьи мигрантов, не скрывающих враждебности фундаментальным ценностям западной цивилизации²³⁸, получают от «государства всеобщего благоденствия» пакеты социальной помощи, стимулирующие деторождение. А значит, стимулы к проникновению любыми путями в развитые страны возрастают до такого уровня, что даже высокий риск смерти на этом пути не способен остановить новых мигрантов.

Показав, как то или иное законодательство может влиять на стратегии построения семьи, стратегии каждого члена семьи, мы сможем понять, является ли кризис семьи действительно неизбежным в урбанистической цивилизации. Если это однозначно соответствует действительности, то вопрос об уступках обществу «Rule of Force» как незаменимому резервуару рабочей силы выглядит вполне разумным. Если же кризис стал следствием неудачных действий государства, то этот результат можно исправить. В случае успешного решения этой проблемы можно будет найти подход и к решению смежных проблем, в частности проблемы адаптации мигрантов из отсталых стран в развитых странах, а также резко снизить напряженность между иммигрантами и большинством населения.

Итак, основным результатом анализа должна стать выработка подходов, помогающих получить ответ на вопрос о том, является ли демографический кризис в развитых странах обратимым, а его последствия исправимыми.

Состояние проблемы

Господство идеологии

Дискуссии по проблемам кризиса семьи и депопуляции развитых стран велись в последние десятилетия XX в. как широким кругом ученых (социологов, историков, юристов, экономистов), так и журналистами и политиками. Последним в демократических странах пришлось нащупывать ответы на вопросы избирателей без существенной экспертной поддержки. Это отчасти объясняется господством идеологизированного подхода при анализе заведомо неблагополучной ситуации, обсуждение которой чревато отходом от норм политической корректности. Для левых радикалов²³⁹ характерно объявлять проблемы столкновения культур и распада традиционной семьи решенными (об этом говорят утверждения об отсутствии преимуществ полной семьи с детьми перед семьей из матери-одиночки и ребенка и даже перед гомосексуальным «браком»), причем провозглашать эти решения идеальными и препятствовать свободному обсуждению данных проблем. Не менее популярны прямые утверждения о вредности традиционной²⁴⁰

---

²³⁷ Olson, 2000.

²³⁸ Например, упомянутое убийство Тео Ван Гога, а также преследование бельгийского сенатора — мусульманки, позволившей себе выразить неудовольствие тем, что бельгийская мусульманская община едва ли не демонстративно отказалась осудить это убийство. Новости Би-би-си <http://new.s.bbc.co.uk/2/hi/europe/4019737.stm>.

²³⁹ Мультикультуралистов, феминистов.

²⁴⁰ «Нуклеарной» или «патриархальной» на жаргоне левых радикалов.

семьи. Уже с 1960-х гг. семья таргетируется феминистками как инструмент подавления и угнетения женщины мужчиной²⁴¹. Это ограничивает рамки дискуссий и оставляет политиков без обоснованных рекомендаций.

В ходе дискуссий происходила лишь констатация проблем с различными акцентами. Одни утверждают, что, несмотря на проблемы, состояние институтов, регулирующих внутрисемейные отношения, лучше, чем когда бы то ни было, и если оно и нуждается в изменениях, то в том же направлении, в котором менялось с середины до конца 1960-х гг.

Вся суть упомянутого идеологизированного подхода основана, как и в случае с социалистической идеологией в экономике, на допущениях:

об абсолютной информированности государства о состоянии дел в каждой семье;

о *праве* государства дискреционно вмешиваться в семейные отношения и его безусловном приоритете над правами индивидов (см., к примеру, *Orset, 2008*. Автор утверждает, что массы детей страдают от похищений — некоторые ее коллеги утверждают то же про внутрисемейное сексуальное насилие²⁴² и т.п. — и что только государственно-общественные усилия могут уберечь малышей от беды, перед которой семья и частные институты защиты бессильны; в обоснование этой позиции строится математическая модель с доказательством полутора десятков лемм и теорем, но без какой-либо попытки статистической верификации).

Такой точки зрения придерживаются большинство специалистов по семейному праву, объединенных Международным сообществом семейного права (ISFL), что вполне естественно с учетом консервативности юридической науки, которая защищает сегодня идеи, вошедшие в моду в 1960-х гг.

Данный подход весьма характерен для некоторых докладов на конференции этого общества, состоявшейся в 2005 г. в Солт-Лейк-Сити (США). Автор одного из них на полном серьезе обсуждал вопрос, нужно ли обеспечивать права супруга, который стыдливо именуется «non-custodial» (неопекун), т.е. права мужчины, у которого дети отняты по решению суда и переданы бывшей жене. В некоторых штатах группы давления, защищающие интересы таких отцов, пролоббировали поправки в законодательство, позволяющие снижать алиментные выплаты²⁴³ при наличии случаев недопуска отца к детям. Этот слабый инструмент, частично выравнивающий нынешнюю ситуацию, вызывает чувство тревоги и озабоченности у автора (*Brinig, 2005*), а также «борцов против семейного насилия» (подробнее на эту тему см. ниже обзор статьи Сэма и Банни Сьюелл, построенной на фактических данных, а не на «единственно верной идеологии»). Характерно, что просто в силу принадлежности к мужскому полу эти родители коллективно подозреваются в склонности к насилию.

В другом докладе (*Bruch, 2005*) автор выступал против одного из последних инструментов защиты прав отлученного от детей отца — права согласовывать переезд супруги с ребенком. Очевидно, что переезд, особенно в огромной стране (впрочем, проблема актуальна и для небольшой страны, если речь идет об отъезде за границу), способен фактически полностью отрезать отца от детей. Такое право сохранялось за отцами даже после волны «либеральных» реформ семейного права 1960—1970-х гг. В ряде штатов суды игнорировали это право, и лишь совсем недавно под давлением упомянутых выше групп защитников прав отцов в отдельных штатах стало внедряться законодательство, препятствующее нарушению этого права. Автор настолько был возмущен попыткой защиты прав человека, если этот человек не вполне признается

---

²⁴¹ См.: Антонов, Филлипс, 2002; Humm, 1995; описание взглядов Firestone S., Dworkin A. и др. см.: Code, 2000. Интересно, что многие из феминисток открыто возводят традицию политического таргетирования института семьи как угрозы и инструмента угнетения к «Происхождению семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, хотя в отличие от «основоположника» феминистки, как и В.И. Ленин, при всей своей «антигосударственной» риторике склонны использовать государство для насаждения своих взглядов. В том же, что касается наличия положительной связи между здоровым институтом семьи и частной собственностью, с Энгельсом сложно не согласиться и нам.

²⁴² *Armstrong, 1978; Armstrong, 1994*; см. также обзоры множества других аналогичных работ, не перегруженных судебно-уголовной статистикой, но твердо отстаивающих презумпцию виновности отца и право государства на вмешательство на сайте <http://www.stopfamilyviolence.org/info/child-sexual-abuse>.

²⁴³ Следует отметить, что получивший широчайшее распространение институт алиментных выплат крайне неэффективен. Как и всякий налог (принудительная под угрозой наказания государством выплата), он стимулирует стремление к успеху и легальному заработку. Кроме того, он администрируется со значительными издержками.

таковым его единомышленниками, что объявил своих оппонентов, обосновывавших противоположную точку зрения, фактически лжеучеными, каковое утверждение и вынес в заглавие доклада.

Эти два доклада хорошо иллюстрируют причины нежелания мужчин вступать в брак и брать на себя официальную ответственность за семью, жену и детей. Если на рынке хлеба или недвижимости законодатель фиксирует цены или правила продажи (предоставления услуги), то соответствующий рынок приходит в упадок. Снижается предложение (вплоть до появления дефицита), катастрофически падает качество. Это явление нам хорошо известно.

Легко понять, что если вложения в семью и детей могут по произволу супруги, подстрекаемой властями, прессой, университетскими преподавателями, оказаться выброшенными ресурсами, то стимул поставлять «услуги» мужа и отца серьезно подрывается. Женщина вынуждена мириться со снижением качества и объема «услуг» с «мужской стороны». То есть она вынуждена все чаще соглашаться быть сожительницей, любовницей, а не уважаемой супругой и матерью. Попытка же еще жестче закрутить гайки и заставить мужчин заботиться о женщинах и детях логично приведет только к интенсификации бегства мужчин от семьи и к дальнейшей деморализации женщин (см. *Яновский, Русакова, Черный и др., 2008*).

Точку зрения левых юристов разделяет и А. Сен²⁴⁴. Он утверждает, что произошедшие изменения, в частности на рынке труда, носят, безусловно, позитивный характер. Проблемы, связанные с отвлечением женщин на рынок труда, Сен предпочитает детально не обсуждать. Наиболее последовательно развивает такой подход Б. Агарвал²⁴⁵, полагающая, что высокой занятости женщин недостаточно для решения проблем угнетенного пола. Необходимо занятие ими ключевых постов в экономике, с тем чтобы контролировать ресурсы, в частности природные. Такой статус, с точки зрения Агарвал, необходим для усиления позиций женщин в отношениях с мужчинами, особенно в том, что касается контроля над рождаемостью и применения с этой целью контрацептивов. Похожую точку зрения на тенденции в сфере семейных отношений разделяет и большинство авторов сборника «Социальная политика Швеции»²⁴⁶. При этом они признают полную семью оптимальной структурой для воспитания детей и полагают, что двое детей в семье лучше, чем один.

То есть даже те исследователи, которые наиболее остро обозначают эту проблему, фактически признают неотвратимость такого развития событий и рекомендуют лишь готовиться к худшему, пытаясь смягчить неизбежно нарастающие проблемы усовершенствованием законодательства, регулирующего иммиграцию.

Большое число работ, посвященных проблемам современной семьи, имеет идеологизированный характер с очевидным влиянием феминистских и иных левых штампов. Поэтому политически корректные рассуждения в стиле книги А. Сена встречаются намного чаще, чем собственно научные работы, основанные на данных демографической, судебной-полицейской или социально-экономической статистики. Среди работ такого типа следует отметить работу Сэма и Банни Сьюелл²⁴⁷, посвященную семейному насилию в США. В книге приводятся данные, опровергающие стереотипы феминистской пропаганды. Так, оказывается, что в полных американских семьях к насилию существенно чаще прибегают жены, причем они лидируют по нанесению как легких, так и тяжелых повреждений. Опасность стать жертвой насилия для ребенка в неполной семье с отцом оказывается меньше, нежели в неполной семье с матерью.

Последний результат может быть связан с тем, что типичная мать-одиночка — это, как правило, неудачница, слабо адаптированная и иждивенчески настроенная по отношению к обществу. Неудивительно, что такой человек способен срывать зло на «естественном подчиненном» — своем ребенке. «Однородительские семьи» (*single-parent*) распространены в современных постиндустриальных, урбанизированных странах весьма широко. Однако отцы-одиночки в среднем лучше социально адаптированы, и поэтому данные статистики не должны вызывать удивления. Особенно это хорошо прослеживается в ситуациях, когда ребенок попадает к отцу при разводе по решению суда (ведь его преимущество перед матерью, получающей ребенка почти автоматически, в такой ситуации должно быть очевидным).

---

²⁴⁴ См.: Сен, 2004.

²⁴⁵ Agarwal, 2001. P. 86.

²⁴⁶ См.: Социальная политика Швеции / сост. А. Мёллер, А.Я. Некрасов. М.: Социальная защита, 1999.

²⁴⁷ Sewell S., Sewell B., 1999.

Лидерство женщин во внутрисемейном рукоприкладстве, вероятно, также может быть объяснено уродливой правоприменительной практикой. Когда правоохранительные органы и суды сфокусированы только на предотвращении насилия над женщиной едва ли не любой ценой, последняя получает серьезный стимул к развязыванию насильственного конфликта с целью, к примеру, последующего шантажа. При всей на первый взгляд дикости такой идеи следует с сожалением отметить, что государство способно ломать моральные барьеры своей безответственной политикой. И данный пример не единственный.

В своем историко-экономическом эссе «Богатые и бедные. История пенсий» Е. Гайдар²⁴⁸ цитировал С. Ландсбурга: «...люди реагируют на стимулы; остальное — подробности». При этом он привел одну весьма важную подробность истории становления системы социального обеспечения в индустриальных странах: «...представление, что работник может добровольно предпочесть занятости жизнь на пособие, казалось абсурдным. Такое поведение было прямой дорогой к социальному ostracismu. Когда сразу после Великой депрессии создавалась система пособий по безработице, память о социальных бедах и потрясениях, связанных с резким ростом безработицы, была еще свежа. Лишиться работы было очевидной и страшной бедой. Ни те, кто разрабатывал эти системы, ни те, кто пользовался ими в первые годы существования, не могли себе представить, что найдутся большие группы населения, которые охотно предпочтут жизнь на пособие поиску работы. Традиции действуют долго, на протяжении поколений, но не вечно...»

Иными словами, моральные нормы, традиции («мягкая инфраструктура»²⁴⁹) оказывают заметное влияние на экономику (в данном случае — десятилетия предпочтения добросовестной работы существованию на пособие). Общественная мораль — важный институт, влияющий на поведение рыночных агентов. Кроме того, данный пример показывает механизм слома эффективных, прорыночных моральных норм в результате вмешательства государства, а также демонстрирует, что при известной настойчивости моральные ограничители могут быть сломаны в течение жизни одного поколения. С момента развертывания законодательного наступления «в защиту семьи, материнства и детства» в конце 1960-х — начале 1970-х гг. в Северной Америке и Западной Европе прошло уже более 30 лет.

Проблема подрыва семейных ценностей имеет вполне универсальный характер для всех высокоурбанизированных стран — как развитых, так и переходных. При этом политическая реакция зачастую оказывается более здоровой, нежели реакция экспертов. Так, правая оппозиция в Польше раскритиковала принятый сеймом в 2004 г. Закон о социальном обеспечении, резко увеличивший пособия матерям-одиночкам. Принятие Закона уже привело к волне фиктивных разводов и нарастающим трудностям исполнения бюджета²⁵⁰. В данном случае деструктивная роль патерналистски настроенного государства особенно очевидна.

Некоторые исследователи отмечают неэффективность попыток стимулировать рождаемость с помощью предоставления матерям оплачиваемых отпусков по уходу за ребенком и других подобных льгот²⁵¹.

Но в целом вмешательство государства в сферу семейных отношений критически рассматривается (в том числе с анализом конкретных ситуаций — своего рода *case-studies*) чаще не исследователями, а правоконсервативными политиками и журналистами.

Известная радикальными взглядами публицист В. Новодворская объясняет разницу между движением за права женщин в США XIX—XX вв. и феминизмом как различие между заявкой на участие в делах государства и общества нового круга зрелых граждан и требованием немедленно предоставить все рычаги власти в руки безответственных и некомпетентных политических активисток. Автор показывает социалистическую суть современного феминизма и предупреждает о его деструктивных последствиях. Ее рекомендация весьма проста — не допускать никакого поощрения социального иждивенчества, в том числе со стороны тех же матерей-одиночек, не пожелавших создавать или сохранять семью при наличии безответственной, но внешне простой альтернативы с пособием.

---

²⁴⁸ См.: Гайдар, 2003 (а).

²⁴⁹ Niskanen, 1998.

²⁵⁰ См.: Дзиковицкий, 2004.

²⁵¹ Rachel, 2003.

Менее эмоционально и на меньшем материале предположение о социалистическом характере женского движения высказал еще в 1922 г. Л. фон Мизес²⁵².

Реагируя на кампанию левых политиков Израиля в защиту пособий на детей, С. Рон-Мория приводит конкретный пример «следующей стадии» поведения, вызванного стимулами щедрых пособий матерям-одиночкам²⁵³. Лидер правой фракции в партии «Ликуд» (Израиль) М. Фейглин, откликаясь на требования не сокращать такие пособия, резюмировал: «И вот теперь эти женщины, приведшие в жизнь сирот, норовят поделиться ответственностью со всем обществом. В каком-то смысле их сложно обвинять. Наше общество приучило их к приемлемости такого поведения. Однако, может быть, единственное решение — это просто нормальная семья с двумя родителями»²⁵⁴. Остается лишь понять, какие необходимо принять меры, чтобы люди, реагируя на стимулы, не спешили ни создавать, ни тем более разрушать семью, а также предпочитали третьего ребенка второму автомобилю.

Приоритет же в политическом противостоянии первому натиску воинствующего феминизма принадлежит организациям американских женщин. Они непрерывно атаковали феминизм с конца 1960-х гг. В результате их активности удалось сорвать попытку легитимации экспансии полномочий государства в сфере семейных отношений на конституционном уровне. Поправка к Конституции США «О равных правах» (Equal Rights Amendment — ERA) 1972 г. (1923—1972)²⁵⁵ не была ратифицирована.

Не все еще пока мыслят одинаково. Следует подчеркнуть, что авторы не имеют ни малейших намерений, равно как и оснований, претендовать на приоритет в комплексной аргументированной критике радикальных антисемейных теорий. Современный кризис семьи и — шире — всей структуры свободного общества был в центре внимания Фукуямы еще в 1990-х гг.²⁵⁶ Он же акцентировал внимание на разрушительной роли государственного вмешательства в дела семьи и замещения государством роли мужа²⁵⁷ за счет налогоплательщиков. Из российских авторов нельзя пройти мимо работ Ионина; Антонова, Филлипа²⁵⁸. Они, не испугавшись оказаться вне мирового научного «мейнстрима», защищают культуру здоровой семьи. В их работах прослеживается сравнительно короткая, результативная (разрушительная) традиция социалистических войн против семьи.

Демографический переход, кризис и стимулы к деторождению

В литературе обычно выделяют следующие основные стимулы к деторождению (созданию семьи).

---

²⁵² *Mises von, 1951*. P. 101: «До тех пор пока феминизм ставит вопрос о равных с мужчиной правах в экономике и политике, он является частью великого либерального движения. Когда же он идет дальше и атакует, пытаясь устранить их, природные ограничения и социальные институты (Мизес пишет о борьбе феминисток против института семьи. — *Примеч. К.Я.*), феминизм проявляет себя как духовное дитя социализма, ибо именно социалисты пытаются изменить укорененные в природе человека социальные институты, чтобы затем изменить и саму природу людей». — *Перев. авт.*

²⁵³ «В канцелярию депутата кнессета от «Ликуда» обратилась мама недавно родившей девушки. «Как же моя дочка? — сказала мама. — Она родила, а пособие сократили». Помощница депутата поинтересовалась, как насчет алиментов от отца ребенка. Они не женаты, объяснила женщина. Не имеет значения, сказала помощница, отец ребенка все равно по закону обязан его содержать. В трубке повисло молчание. «Видите ли, — проговорила наконец мать, она не помнит, как звали этого мужчину...» Напрасно. При нынешней экономической ситуации следует запоминать имена партнеров... За подобную забывчивость не должны расплачиваться законопослушные налогоплательщики» (*Рон-Мория, 2003*).

²⁵⁴ *Feiglin, 2003*.

²⁵⁵ Впервые предложена в 1923 г. После принятия конгрессом в 1972-м недобрала до ратификации «всего» трех штатов. Текст и комментарии сторонников поправки см., к примеру, здесь: <http://www.equalrightsamendment.org/overview.htm>. Историю современного феминизма в США и противостояния ему (а также ERA-поправке) см.: *Антонов, Филлипс, 2002*. Современные наследницы и продолжательницы женского движения в защиту семьи от феминизма представлены, в частности, здесь (Леди против феминизма): <http://www.ladiesagainstfeminism.com/>.

²⁵⁶ *Фукуяма, 2004*; английское издание — 1999.

²⁵⁷ См.: *Фукуяма, 2004*. Гл. 3. Он использовал термин Л. Тайгера «бюрогамия» для обозначения союза безответственной дамы с государством.

²⁵⁸ См.: *Ионин, 2010; Антонов, Филлипс, 2002*.

Люди создают семью и заводят детей для того, чтобы быть обеспеченными в старости ("intergenerational, intrafamilial transfers" (Caldwell, 1981)). До эпохи современного экономического роста, приведшей к революции в санитарии, медицине и гигиене большая часть детей не доживала до возраста трудоспособности. Соответственно существовал производный мотив для деторождения - Infant mortality compensation (Turke, 1989, Morgan, Taylor, 2006 Caldwell, 2004).

Важная группа стимулов связана с ценностями

Becker and Barro (Becker, 1974; Barro, 1974; Becker, Barro, 1986; Becker, 1993) подчеркивают роль альтруизма в проявлениях заботы родителей о детях.

Caldwell (Caldwell, 1982 p. 21; Caldwell, Schindlmayr, 2003²⁵⁹ p. 243) утверждает, что новые ценности позволяют избавиться от такой обузы и более не поддерживают институт семьи и деторождение.

Caldwell (2004) подобно марксистам связывает мораль с конкретными и преходящими материально – производственными условиями. Так он утверждает, что мораль сельского общества требовала применительно к семье определенности в наследовании. Как следствие этого мировые религии ввели в качестве главного требования морали супружескую верность женщины (p.298).

Надо полагать, что собственник активов в современной Hi-Tech Startup Firm (в подавляющем большинстве – мужчина – Verheul, Thurik, 2001; Ahuja et al, 2004; Mitchell, 2011) не заинтересован в оставлении наследства именно своему ребенку. Соответственно такой мужчина (должен быть, подразумевается автором) равнодушен к неверности партнерши (жены). Следует отметить, что сведение автором семейной морали Пятикнижия исключительно к поведению женщины также не выдерживает никакой критики²⁶⁰.

Суть интерпретации истории Caldwell-лом состоит в том, что конъюнктурные ценности Пятикнижия можно с успехом заменить современными конъюнктурными же ценностями. Успешность замены самих ценностей, их гаранта (правительство вместо Бога) и глашатая (профессор, политик или чиновник вместо пророка) мы рассмотрим ниже. Равно как и факторы, сделавшие такую замену политически реализуемой. Пока отметим, что она означает перевод всей системы отношений из формата бесконечноходовой игры, при котором нет противоречия между рациональностью и альтруизмом в формат конечноходовой игры.

---

²⁵⁹ low fertility observable "reassure the young about the social acceptability of deferring ... births" (Caldwell, Schindlmayr, 2003 p. 243); success as alternative goal instead the family (ibid., p. 244).

²⁶⁰ наказание женщины за запрещенные связи невозможно без наказания партнера – мужчины; обратная же ситуация наказание только мужчины – изнасилование в условиях, когда жертва не могла призвать на помощь – предусмотрена. Список запрещенных связей и действий достаточно обширен и заведомо несводим к описанной автором ситуации.

Исторически прослеживаются две основные стратегии обеспечения деторождения (childbearing). При одной ставка делается на добровольное сотрудничество супругов с естественным разделением труда. При второй, роль мужа и отца размыта, а мать контролируется вождем, патерналистским государством (Tiger, 2000); "married to the state", (Lott, Kenny, 1999).

Caldwell воспринимает патерналистскую стратегию как естественную. Так он обвиняет в продолжении снижения фертильности в 1980-90-е годы "либерализацию global economy" которая будто бы привела к "high degree of economic individual insecurity" (Caldwell, Schindlmayr 2003). Причем это предположение не подтверждается в статье ни данными, ни примерами. Пример резкого падения рождаемости в социалистических странах в 1960-е годы при весьма высокой individual security плохо согласуется с концепцией Caldwell-a. Наблюдаемые же случаи отсроченного снижения рождаемости или просто относительно высокой рождаемости классик современной демографии attributes to государственной политике (ibid).

Такое восприятие объяснимо тем, что исторически патерналистские стратегии, по меньшей мере, не уступают в древности и распространенности индивидуалистическим стратегиям рождения и воспитания детей.

В случае относительно высокой рождаемости в США Caldwell связывает ее с ролью иммигрантов из Мексики (Caldwell, Schindlmayr 2003 p. 243).

There are problems in comparing the USA with Europe in that its higher fertility is partly a reflection of immigrant Hispanic reproductive behavior.

К сожалению, в работах показывающих рост рождаемости и marriage rates в развитых странах в последнее десятилетие (Ohlsson-Wijk , 2011, 2014; Holland, 2013) не выделяется роль иммигрантов, равно как и представители низкодходных, экономически дезадаптированных слоев населения. Первые зачастую привлечены рентой получаемой от деторождения. Для вторых пособие на детей также является серьезным стимулом к деторождению (или к переносу срока рождения).

Caldwell и его последователи зачастую приводят следующие основные причины "демографического перехода" (объяснения снижения рождаемости). Пропадает мотив Infant mortality compensation. Образование приводит к удлинению периода ожидания отдачи от вложений в детей²⁶¹ (Caldwell, 1982).

Также зачастую ссылаются на резкие изменения условий жизни в следствие урбанизации (к примеру, Stark, 1981). Это объяснение мы оставим в стороне, поскольку процесс урбанизации связанный с периодом ослабления старых связей и механизмов поддержания норм утрачивает

---

²⁶¹ Автор идет дальше и утверждает, что "invariably educated children cost more and give less" (Caldwell, 1982 p. 21). Основания для столь категоричного утверждения не кажутся убедительными, как и тезис о том, что образованный человек вообще менее признателен родителям, менее альтруистичен и менее склонен "возвращать долг благодарности". Разве что под "западным образованием", прививающим, по утверждению автора, подобные ценности Caldwell не имеет в виду левые идеологемы об обязанности государства содержать стариков.

динамику к 1960-м годам. Со временем, с исчерпанием аналогичного разрушительного эффекта Второй мировой войны логично было бы ожидать проявления противоположных эффектов. Становление новых связей и механизмов поддержания норм в городских кварталах и, в особенности, в новых пригородах должно было бы (могло бы) вновь способствовать укреплению института семьи. Этого, однако, не произошло.

Как отмечалось выше, важная роль отводится новым ценностям (выбор карьеры вместо детей становится общественно допустимым если не похвальным).

Другим часто приводимым и важным объяснением снижения стимулов вступать в брак является рост женской занятости. Выход на рынок труда ослабляет спрос женщин на разделение труда с мужчиной в рамках семьи (Becker, Caldwell ...).

Нам представляется более адекватным следующее объяснение. В условиях ослабления семейных ценностей женская занятость отражает растущую неуверенность женщин в надежности семьи, вынуждая их уповать на государство (Lott, Kenny, 1999). Это явление закрепляет последствия внешних шоков (мировых войн).

Государственная политика "решает проблемы"

Политика в ответ на вызов депопуляции: реагировать или игнорировать, рапортуя об успехах

Начиная с межвоенного (1920-1930-е гг.) периода, когда тенденция падения рождаемости в индустриальных странах стала очевидной, правительства пытались реагировать на этот вызов. Естественно для правительства (Niskanen, 1971) пытаться решить любую "социальную" проблему увеличением потока перераспределяемых средств²⁶².

Разумной целью welfare state в данном случае казалось создание того, что Caldwell (Caldwell, Schindlmayr 2003) defined as "individual security" feeling.

Baby boom в этом случае имеет хорошее объяснение не связанное однако с benefits и вообще с заботой государства о деторождении. Невероятный контраст наступившего мира с ужасами периода

---

²⁶²See Gille, 1952 (p. 173-174): комиссия по населению (Population Commission) действовала начиная с 1935 до германской оккупации, поскольку общество было обеспокоено перспективой начала естественной убыли населения после 1970 (!) года. В отчете 1937 года в частности писалось: "Families fear the transition to a higher level of expenditure rather than the higher expenditure itself. Therefore, if the main part of the economic burden of childbirth were transferred from the individual family to the community, the desire to have children or to have more children would increase." Автор описывает многоаспектную, многослойную программу социальной поддержки деторождения, молодых семей, семей с детьми школьного возраста от денежных выплат до предоставления медицинских услуг и жилья. После чего приходит к естественному выводу, что как подготовка обширной программы, так и масштаб ее оставляют желать лучшего и ссылаются на шведский опыт. Вопросом о результативности программ, в смысле их влияния на репродуктивное поведение автор не задается.

Второй мировой войны создавал мощный эффект как раз через ощущение *individual security* в самом глубоком смысле.

Не оглядываясь далеко назад (см. diagram 2), Larson (1952) рапортует об успехе достижении внедрения программ помощи семье в Швеции. Их результатом, по мнению автора, стала рекордная рождаемость в 1945 году (*baby boom*). Автор выражает надежду на устойчивость достигнутых результатов. Результат был "достигнут" без массового притока новых иммигрантов отличающихся повышенной фертильностью.

Так что и в отношении рапортов о новых успехах *welfare state* есть все основания сохранять спокойное, если не скептическое отношение.

Основания для этого скепсиса следующие. Мы не знаем, насколько устойчив достигнутый результат. В прошлом он оказывался неустойчивым (кроме *baby boom* see also Andersson, 2004 fig. 1 for 1970-2000 period data, Denmark, Norway, Sweden).

Мы не знаем, каков вклад в рост рождаемости групп, несущих на себе основное бремя расходов общества и поддерживающих своей гражданской квалификацией благоприятные для экономического роста институты.

Нас, однако, интересуют примеры политики, приводящей к долгосрочно устойчивым результатам, а не только к смещению даты рождения. Они не меняют основных параметров спроса на семью и детей и дают краткосрочный всплеск рождаемости (смотри, к примеру, Štastná and Sobotka 2009). При этом заслуживающая внимания и подражания политика не должна решать проблему повышения рождаемости за счет стимулирования деторождения в среде профессиональных клиентов бюджета (то есть тех, кто в условиях премирования из бюджета рождаемости превращает деторождение в прибыльный бизнес; в интересующих нас семьях ни при каком разумном и достижимом уровне государственной поддержке она не покрывает даже половины текущих расходов на ребенка).

Такая политика не должна становиться приманкой иммигрантов. Люди, привлеченные в страну возможностью делать бизнес на многодетности – наихудший вариант гастарбайтеров. Они не решают никаких проблем кроме улучшения демографических показателей, зато усугубляют и экономические и этические проблемы общества (Azarnet, 2010).

Adriaan Kalwij утверждает, что обнаружил на европейских данных 1980-2003 гг. значимое положительное влияние расходов на Family Policy на фертильность.

При этом, в тех спецификациях в которых вероятность последующих деторождений положительно связана, к примеру, с *maternity and Parental-Leave benefits* (Table 6, p. 513 где представлены результаты статистического анализа) более надежным объяснением чем собственно индикаторы видов помощи выглядит *Lower level of education*. То есть, по всей видимости,

наибольшее стимулирующее воздействие такие выплаты оказывают на наименее образованных родителей.

Gauthier, Hatzius (1997) показывают, что family benefits, по крайней мере, по ряду стран (скандинавских, прежде всего) значимо и положительно связаны с рождаемостью.

При этом зарплата женщины оказывается менее значима, чем benefits, а зарплата мужчины и вовсе незначима. Оставим пока в стороне принципиальный вопрос о том, как влияют benefits на childbearing incentives в разных группах (бедные, средний класс, богатые; население выросшее в традиции правовой демократии и выходцы из стран не имеющих подобного опыта). Полученный результат показывает, что в некоторых странах государство "успешно" вытеснило отца в роли кормильца и гаранта стабильности условий для деторождения и воспитания. Это значит, что зарегистрированный эконометрически эффект, вероятнее всего, создается в основном не самими благополучными семьями. В этих семьях влияние отца незначительно, а значит маловероятна гармоничная социализация и в смысле эффекта примера успеха родителей (достижения в образовании, в бизнесе. В общественной жизни), и в смысле примера гармоничной семьи.

Американский пример того же времени (Acs, 1996) показывает, что в целом impact of welfare для молодой матери на решение о последующих рождениях детей незначителен. Что выглядит убедительно и логично. Полагаясь на правительство вместо мужа, рожать и растить более одного ребенка может только идеальный тип "королевы социальных пособий". Жить на welfare имеет смысл только в случае если инвестиции в детей и время им уделяемое остаются крайне незначительными.

К аналогичному выводу на шведских данных, но по другим основаниям приходят также Neuger and Andersson (2008). Они полагают, что трудности выделения влияния помощи на фертильность из множества иных факторов не преодолимы с разумными издержками.

Goldstein, Sobotka and Jasilioniene (2009) приводят данные по странам в которых рождаемость упала ниже уровня естественного воспроизводства населения (lowest – low fertility) за период с конца 1980-х годов с "ямой" в начале – середине 1990-х годов и частичным восстановлением впоследствии. Они утверждают, что проблема экстремального падения рождаемости может быть объяснена эффектом переноса рождений на более поздний возраст. Проверка этой гипотезы и анализ причин падения или роста рождаемости (фертильности) представляется малопродуктивным на интервалах 15-20 лет. Такой сравнительно короткий период наблюдения делает не вполне адекватной задаче. На таком периоде нельзя отследить даже затухающего влияния послевоенного всплеска рождаемости.

Мы в своих расчетах используем более простой и надежно регистрируемый показатель нежели фертильность – birth rate per 1000 population

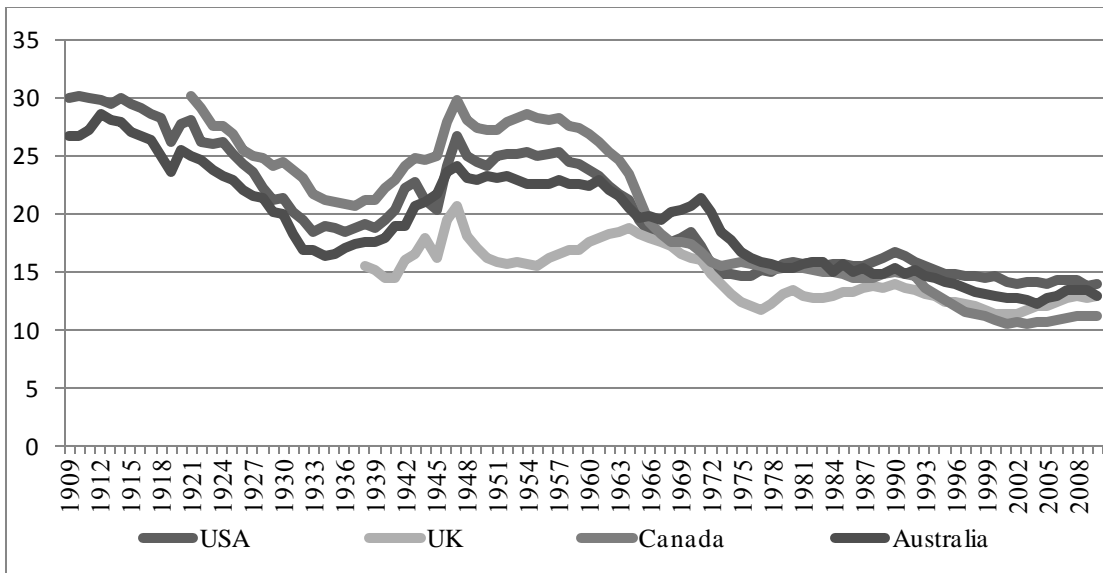

Diagram 1. Birthrate long run dynamics for USA, UK, Canada and Australia. Sources: national censuses data

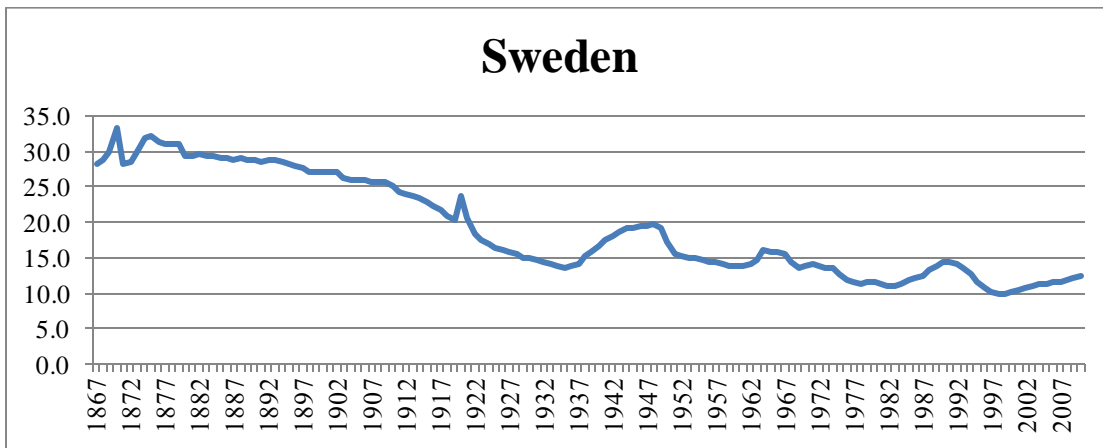

Diagram 2 Birthrate long run dynamics for Sweden. Sources: Sweden Central Statistical Bureau (2005 report http://www.scb.se/statistik/publikationer/BE0401_2005A01_BR_BE52OP0502.pdf ; 1960 CSB yearly report); Madisson, 2009

На диаграммах 1 и 2 хорошо заметен долгосрочный негативный тренд. Стабилизация заметная на первой диаграмме не меняет общей картины. Небольшой рост на второй диаграмме отражает повышенную рождаемость среди иммигрантов. Каковая со временем скорее всего также пойдет на убыль, если этот фактор не будет поддерживаться постоянным и растущим притоком новых мигрантов.

К сожалению, как в упомянутой выше, так и в других работах, показывающих рост рождаемости и marriage rates в развитых странах в последнее десятилетие, (Ohlsson-Wijk , 2011, 2014; Holland, 2013) не выделяется роль иммигрантов, равно как и представители низкодоходных, экономически дезадаптированных слоев населения. Первые зачастую привлечены рентой

получаемой от деторождения. Для вторых пособие на детей также является серьезным стимулом к деторождению (или к переносу срока рождения).

Естественно речь идет об иммигрантах только из less developed countries среди которых welfare dependence распространена намного шире, чем среди native population развитых стран (see for example, Blume, Verner, 2007).

Больше бюджетного финансирования, больше простора для произвольных решений

Существует спрос самого государства – правительственной бюрократии на массу зависимых от бюджета и от решений правительства людей. Забота о людях хорошо "продаваемая" СМИ цель, оправдывающая и рост расходов (Niskanen, 1971) и увеличение полномочий. Соответственно существует спрос на избирателя, заинтересованного в опеке (Yanovskiy, Shestakov, Zhavoronkov, 2013).

Мы уже отмечали выше, два исторически сложившихся типа отношений государства и семьи – с признанием роли семьи, частной жизни и т.п.

Отказ вождя (roving or stationary bandit) признавать privacy тех кого он считал своими подданными является древней традицией. Эта традиция того же корня что и убеждение вождя в том что все имущество на подконтрольной ему территории принадлежит ему. Ему же принадлежат и все женщины на этой территории. Этот подход отражен в Пятикнижии – в двух историях с попытками похищения (покупки) неподвластной времени красавицы Сары в гарем фараона (Genesis 12:15) а затем царя Гара (Genesis 20:2).

Право первой ночи распространенное и в античную эпоху и в средние века отражает тот же подход и ту же традицию и ценности. Идеи национализации женщин и регулирования семьи включая "спаривание" представлены утопическим социалистом Томазо Кампанеллой в его "Горде-солнце".

Янычарство появилось, по всей видимости, задолго до турок – османов и процветает по сей день (например, в Сомали). Таким образом, претензии коммунистов и нацистов на абсолютную власть над детьми в противовес родителям и над женами в противовес мужьям имеют глубокие корни в истории.

Поворотным пунктом новейшей истории, открывшим дорогу к восстановлению контроля власти над частной жизнью, к "национализации" семьи и детей стало введение всеобщего избирательного права.

Этот институт создал в демократических государства электоральную базу для "левых" политических сил – сторонников принудительной государственной заботы от колыбели до могилы. Эти силы исторически воспринимали семью враждебно. Автономия семьи, ее возможности воспитания, социализации, влияния на новые поколения объективно ограничивают власть и

полномочия правительства. Маркс и Энгельс отметили это в ходе работы над "Манифестом коммунистической партии"²⁶³ и в самом "Манифесте". Кроме ряда казавшихся эпатажными выпадов молоды интеллектуалов ²⁶⁴ против "буржуазного института" семьи основатели ведущего на протяжении более чем столетия направления радикальной идеологии обозначили два понятных и технически реализуемых требования. (1) Уничтожить частную собственность как материальный фундамент автономной от Правительства семьи. (2) Принудительно обучать, воспитывать ("социализировать") детей в централизованной школьной системе.

Важнейшим последствием введения Всеобщего избирательного права стал рост иждивенчества. Поведение, считавшееся веками постыдным, стало выглядеть приемлемым. Новый институт политически уравнил кормильца и паразита, дав последнему привилегию голосовать, выбирать Правительство.

Новый порядок не только создал политические новые возможности для бюрократии. Он дал мощный импульс идеологии, оправдывающей замужество за государством. При этом определенный выигрыш достался и мужчинам (естественно не лучшим). Это выигрыш от избавления от ответственности (see Magnet, 1993, about entrepreneurs escape from responsibility; all the more it comes true for ordinary males).

Господство этических норм укорененных в Синайском откровении означало, что каждый мужчина и женщина получает от общества дополнительное вознаграждение в виде признания. Те, что родили и вырастили детей получали общественное уважение. Те кто уклонился от такой возможности осуждались. Разница между этими двумя благами заслуживает не меньшего внимания экономистов, нежели история воздействия пособий на стимулы к деторождению.

Левые традиционно обозначали частную собственность, религию и семью в качестве институтов препятствующих желательным для них реформам. Вполне естественно, что получив власть и заинтересованного союзника в лице гражданской бюрократии они принимают решения наносящие ущерб как частной собственности так и семье.

---

²⁶³ See "Draft of a Communist Confession of Faith, paragraph 21 "What will be the influence of communist society on the family? It will transform the relations between the sexes into a purely private matter which concerns only the persons involved and into which society has no occasion to intervene. It can do this since it does away with private property and educates children on a communal basis, and in this way removes the two bases of traditional marriage – the dependence rooted in private property, of the women on the man, and of the children on the parents. То есть авторы открыто заявляют о необходимости заменить частную зависимость членов семьи друг от друга на зависимость всех от "общества". Что в дальнейшем трактовалось преемниками Маркса однозначно как зависимость от Правительства.

²⁶⁴ Отношение к семье основателей марксизма не изменилось и в дальнейшем – смотри, к примеру Engels, 1891

О «демографической модернизации России»

Большинство исследователей сосредоточиваются на проблемах и провалах действующих институтов. Они также дают различные прогнозы, исходя из действующих демографических тенденций. При этом они не выходят пока за рамки констатации проблемы и полезных рекомендаций по совершенствованию (в известной степени, по канадскому образцу) иммиграционной политики. К таковым можно отнести работы Е.Т. Гайдара²⁶⁵.

Вишневский, Андреев и Трейвиш, подготовившие многовариантный демографический прогноз, приходят к неутешительному выводу о том, что при значительном приходе мигрантов России долгое время придется жить в условиях сокращающегося и стареющего населения²⁶⁶. Далее авторы указывают на необходимость адаптации к такому положению вещей, а также намекают на желательность инвестиций в подготовку специалистов по экономической и социальной демографии. Эту рекомендацию можно только поддержать, но ее реализация, к сожалению, на прямую не влияет на решение проблемы депопуляции.

Книга под редакцией А. Вишневского «Демографическая модернизация России» (2006) кроме огромного фактического, статистического материала по проблеме содержит набор настолько типичных для современных дискуссий по данной проблеме штампов, что уже в силу этого (наряду с научной добросовестностью и высоким качеством анализа) заслуживает особого внимания.

Вишневский и его коллеги описывают историю семьи и динамику рождаемости как неуклонное движение к личной свободе и торжеству индивидуалистических ценностей над государственными и общинными. Этот процесс находит отражение в дроблении патриархальной семьи и падении рождаемости в период 1880—1920 гг.

Затем это движение грубо обрывается тоталитарным государством. Победа последнего, однако, оказывается пирровой и в сочетании с последствиями террора и голода ускоряет движение к депопуляции, а не замедляет его. В течение 1920—1960 гг. рождаемость продолжала падать, хотя и медленно.

В дальнейшем скорость падения рождаемости вновь возрастает.

Этот процесс описывается как абсолютно естественный, а тревоги по поводу угрозы депопуляции без серьезного анализа отменяются, по сути, единственным, хотя и сильным аргументом: предложения тех консерваторов, чьи позиции анализируют авторы, очевидно, неработоспособны. Они направлены на усиление контроля, работают против личного, частного интереса, а потому бесперспективны.

Россия как объект анализа позволяет игнорировать аргументацию, связанную с угрозой размывания того компонента человеческого капитала, который имеет непосредственное отношение к гражданским навыкам, опыту и умению жить в правовом государстве, решать проблемы и конфликты голосованием и компромиссом, а не насилием, поскольку депопуляция бьет прежде всего по тому небольшому меньшинству населения планеты, которое такими навыками обладает. Мультикультуралистские же предрассудки препятствуют ассимиляции мигрантов²⁶⁷, которая могла бы компенсировать процесс депопуляции в «старых демократиях».

В обзорных частях «Демографической модернизации» уделяется немало места критике «консервативных» оппонентов. Главным интеллектуальным «спарринг-партнером» Вишневский и его коллеги «назначили» не своих оппонентов — профессионалов из США (в том числе тех, чьи работы упомянуты в настоящем обзоре ниже), а П. Бьюкенена — маргинального (о чем авторы умалчивают) американского политика и вполне

---

²⁶⁵ См.: Гайдар, 2003 (а), 2003 (б).

²⁶⁶ Вишневский и др., 2003.

²⁶⁷ Термин «ассимиляция» встречается и в работах коллег А. Вишневского, однако, если мы правильно поняли авторов, под ним не всегда понимается буквальная ассимиляция с принятием языка, культуры, а главное, норм и образа жизни страны, в которую приезжают иммигранты.

одиозную личность, редкий в наши дни пример консерватора образца начала XIX в.²⁶⁸, а не консерватора, защищающего от социал-либерализма и патернализма ценности индивидуализма и свободы («призыва» Р. Рейгана и М. Тэтчер). «Побежденный» Бьюкенен зачисляется в один отряд с Платоном и Гитлером, что венчает аргументацию Вишневого. Дискуссия с таким «оппонентом» и с такими аргументами не позволяет принять аргументацию авторов с должным доверием и уважением.

Еще одна ключевая для понимания позиции авторов цитата отражает основы восприятия проблемы большинством современных исследователей, включая стандартные штампы:

«Главным звеном эволюции семьи становится ее нуклеаризация, эволюция института брака, процесса возникновения и распада брачных союзов. Стремление супружеской семьи выйти из-под опеки большой, неразделенной родительской семьи, ее интуитивные поиски большего суверенитета были связаны прежде всего с изменениями экономических условий в пореформенной России. Снижение смертности и особенно рождаемости в России, как и везде, поставило под сомнение необходимость слитности брачного, полового и прокреативного поведения, на которой держались правила и нормы традиционного брака. Вследствие нарушения слитности матримониального, сексуального и прокреативного поведения возраст полового дебюта все чаще перестает совпадать с временем вступления в брак, момент начала фактического брака отделяется от момента регистрации, время зачатия и рождения детей становится мало связанным с временем начала фактических брачных отношений. Менявшиеся демографические, экономические, психологические условия жизни семьи все больше уводили людей от традиционных моделей поведения и требовали поиска новых, более разнообразных, свободных, гибких, подвижных»²⁶⁹.

Если попытаться изложить основные идеи фрагмента во взаимосвязи, то оценка хода событий его авторами такова:

снижение смертности и рождаемости позволило экономическим агентам (в том числе матерям) меньше полагаться на родственные (большой семьи) механизмы страхования;

возможность уменьшить число рождений без ущерба для перспектив старости позволила отказаться от морали (в пользу уже упомянутой авторами в цитированной выше работе «гибкой морали», т.е. имморализма);

деторождение и брак отделились друг от друга и стали необязательным дополнением.

В процитированном фрагменте вызывает сомнение прежде всего попытка уйти от четкого объяснения взаимосвязи процессов. Либо, если понимать буквально, падение морали и распад семьи объясняются снижением смертности и рождаемости, будто бы неотделимых друг от друга.

С высокой вероятностью наличия причинно-следственной связи между снижением детской и вообще смертности и снижением рождаемости спорить не приходится. При очень высокой детской смертности «страховой» мотив чрезвычайно высокой рождаемости (или, точнее, отсутствия попыток разумного ее ограничения) был понятен. По мере улучшения санитарно-гигиенических и иных материальных условий, вызванного капиталистическим подъемом экономики страны, начиная с последней трети XIX в. смертность падала. А значит, можно было позволить себе более рискованные стратегии поиска доходов и строительства семьи, прежде всего стратегии, связанные с увеличением накоплений и текущего потребления за счет снижения числа рождений.

Но вот с тезисом о том, что деморализация и распад семьи стали следствием этого процесса, а не причиной последующего обвала рождаемости, согласиться сложнее. Растить более двух детей в неполной семье даже среднего достатка крайне сложно, и такое явление почти не встречается. Нормальная полная

---

²⁶⁸ Идеи «почвы», нации, культуры, веры в самом примитивном патерналистском исполнении и интерпретации американского аристократа, боящегося, правда, апеллировать к идеям аристократической олигархии открыто. Точно так же, как его либеральные американские оппоненты боятся открыто называть себя коммунистами.

²⁶⁹ Вишневский и др., 2006. С. 72.

семья, состоящая из мужа, жены и детей²⁷⁰, создает наилучшие условия как для деторождения, так и для воспитания детей.

Значит, обратная гипотеза — о том, что кризис моральных ценностей²⁷¹ мог вызвать распад семьи и вместе с последним привести к падению рождаемости, — никак не может быть отвергнута без тщательного анализа и надежных доказательств.

Борцы с патриархальным патернализмом решительно выступают против «бесплодного морализаторства», в защиту «социальной солидарности» и «современного» патернализма, против солидарности семейной. Это касается и пособий на детей, и прочих провалившихся рецептов помощи семье.

Вслед за М. Фридманом приходится констатировать образчик двоемыслия в духе Оруэлла... партия провозгласила бы: «Принудительное есть добровольное!» Действительно, такую «солидарность» иначе как принудительной не назовешь.

«Программа социального страхования предполагает перераспределение доходов от молодых к пожилым. ...Подобное перераспределение происходило на протяжении всей человеческой истории: дети оказывали поддержку своим престарелым родителям²⁷². Действительно, во многих бедных странах с высоким уровнем детской смертности... стремление обеспечить себя потомством, которое будет служить опорой в старости, является основной причиной высокого уровня рождаемости... Моральная ответственность — это личное дело каждого, а не общественное. Дети помогали своим родителям, руководствуясь чувством любви и долга. Теперь они делают взносы, чтобы оказать поддержку чужим родителям под принуждением или из чувства страха. Прежние трансферты укрепляли семейные узы, принудительные трансферты ослабляют их»²⁷³.

Полезно заметить, что если в оценке стимулов и механизмов высокой рождаемости Вишневский близок к Фридману, то в отношении морального стандарта они являются очевидными антагонистами²⁷⁴.

Венцом усилий по насаждению социальной гармонии в сочетании с идеями «возвышения ценности свободного выбора», видимо, станет рецепт Р. Истерлина (Easterlin), цитируемого и поддерживаемого А. Вишневским, как возможность, которой надо суметь воспользоваться: «Необходимо с помощью налогообложения изъять семейные сбережения, предназначенные на содержание молодых иждивенцев, с тем чтобы эти капиталы могли быть использованы на покрытие растущих... затрат на содержание пожилых...»²⁷⁵

С позицией М. Фридмана читатель может подробнее ознакомиться в его книге «Свобода выбирать». Выдающийся мыслитель современности приводит примеры из новейшей экономической истории (государственных программ образования и здравоохранения), не оставляющие сомнений в том, какой из двух типов солидарности в состоянии решать задачи поставки общественных благ, а какой решает несколько иные

---

²⁷⁰ См. уже упоминавшуюся оценку преимуществ полной семьи левыми шведами (Мёллер и др., 1999); преимущества полной семьи признавались до недавнего времени, т.е. до очередного этапа наступления левой идеологии на науку, подавляющим большинством исследователей.

²⁷¹ О некоторых причинах такого кризиса мы остановимся подробнее в гл. 13. Отметим пока лишь то, что, как и кризис семьи, такой кризис далеко не первый в истории, причем «первая волна» подобного кризиса была вызвана урбанизацией и ослаблением сельских общин, поддерживающих моральные требования, при том что аналогичные в городах и пригородах сложились далеко не сразу. Государственное вмешательство, однако, зафиксировало некоторые проявления такого кризиса через освобождение от ответственности детей и родителей друг перед другом.

²⁷² По крайней мере, по окончании золотого века первобытной свободы, когда родителей зачастую убивали, чтобы не кормить их. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрон: Убийство стариков и детей. http://gatchina3000.ru/broc_khaus-and-efron-encyclopedic-dictionary/103/103830.htm. Подобное явление встречается и в современной Северной Корее, что демонстрирует глубокую архаичность социалистического подхода к решению социальных и иных проблем.

²⁷³ Фридман М., Фридман Р., 2007, С. 125.

²⁷⁴ Пятикнижие, очевидно, «на стороне» М. Фридмана. Все нормы, которые Вишневский относит к «социальной солидарности», прописаны там именно как механизмы солидарности: сугубо личной ответственности перед Всевышним и личной, а не государственной обязанности помогать нуждающимся, не говоря уже о почитании своих родителей.

²⁷⁵ Вишневский и др., 2006. С. 167.

задачи. Впрочем, относительно здравоохранения необязательно обращаться к Фридману. Достаточно обратиться к работам все той же команды Вишневого, в частности к ее рекомендации ориентироваться на «центральное место государства в системе здравоохранительных действий», которое «соответствует и отечественной традиции (здесь российский патернализм оказывается почему-то хорош. — *Примеч. авт.*), и международному опыту». При этом основа «отечественной традиции» — советское здравоохранение оценено достаточно жестко и объективно²⁷⁶. Эта оценка никак не настраивает на оптимистический лад и не дает оснований надеяться на снижение смертности за счет усилий заботливого государства и «социальной солидарности».

Ссылка же на «международный опыт» без его качественных оценок весьма ненадежный аргумент в наше время. Подавляющее большинство политиков и экономистов мира в течение более чем ста лет упорно вели или призывали вести индустриальные общества к большому контролю государства, более высоким налогам, более строгому регулированию бизнеса и, лишь столкнувшись с крахом целых отраслей и всей «социалистической системы», немного сдали назад, подтвердив как теоретическую, так и практическую несостоятельность столетнего «международного опыта».

При обосновании концепции о приемлемости стремительного старения населения и необходимости его замещения мигрантами такие ссылки по меньшей мере преждевременны и не могут быть признаны удовлетворительными.

«Лучше меньше, да лучше»

Важным направлением защиты политики активного государственного вмешательства в дела семьи является тезис о том, что снижение количества *efficient bread-winners* может быть компенсировано качеством благодаря инвестициям в человеческий капитал детей (Lee, Mason, 2010).

Качество, однако, связано с полной семьей (пример отношений родителей, два примера для подражания, в среднем, выше доход и т.п.).

Доказательств того, что большинство *couples have fewer children, but invest more in each child* нам обнаружить в литературе не удалось.

Современным институтам регулирования семейных отношений сопутствуют беспрецедентно высокий уровень разводимости, рождений вне брака, *single-parent families*. *the quantity–quality tradeoff* в наше время в развитых странах в семьях среднего класса и выше – неочевидно. В таких семьях 2-3 и более детей скорее индикатор прочности отношений, лучшей социализации детей. Утверждение о том, что ребенок в относительно многодетной семье получает меньше внимания далеко небесспорно. Зачастую в малодетных семьях решение о первом или втором ребенке принимается как альтернативное карьерному проекту или покупке товара длительного пользования.

---

²⁷⁶ Там же. С. 259—270.

Собственно вся идея стимулировать рождаемость с помощью benefits построена именно на таком допущении о стимулах и выборе родителей. Родители демонстрируют склонность²⁷⁷ рассчитывать в воспитании не столько на личные усилия, сколько на помощь "специалистов". В качестве специалистов – недорогих и доступных чаще всего выступают учителя public schools and social workers. Подобные подходы широко распространены, они не требуют больших усилий от родителей и не свидетельствуют о готовности родителей единственного ребенка инвестировать в его будущее. Тем более, что в будущем они не рассчитывают на его поддержку в старости.

Представляется разумным допущение о том, что главной детерминантой образования детей служат не собственно величина инвестиций в образование, а внимание родителей, тщательный выбор школы и стандарт образования заданный образованием самих родителей и их ожиданиями относительно детей. Все перечисленные условия не дают особого преимущества малодетным семьям.

В ходе дискуссий по проблемам депопуляции в связи с выходом книги Вишневого и его коллег приводились и чисто экономические аргументы в пользу традиционной гипотезы объективной неизбежности снижения рождаемости.

Их, в частности, озвучил Р. Капелюшников²⁷⁸, объяснив падение рождаемости тремя объективными факторами:

альтернативная стоимость блага «дети» за последние сто лет резко выросла, и спрос женщин, имеющих возможность реализовать себя на рынке труда, на это благо закономерно упал²⁷⁹;

как на рынке труда, так и в ходе воспитания большую роль играет качество. Повысить качество, вкладывая ресурсы в образование и заботу о здоровье ребенка, легче, чем количество. Поэтому лучше иметь меньше здоровых и образованных детей, чем больше, но больных и необразованных. То есть падение рождаемости не только объективный процесс, но и не столь уж опасный²⁸⁰;

---

²⁷⁷ Выбором школ или отказом от такового, голосованием за партии социальной заботы или за партии ограниченного правительства и индивидуальной ответственности. При этом, в среднем классе и среди богатых, стабильные и многодетные семьи как правило консервативны и наоборот.

²⁷⁸ Р. Капелюшников — ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений, экономист, имеющий репутацию классического, а не левого либерала; фонд «Либеральная миссия», дискуссия по кн. А. Вишневого «Демографическая модернизация России: 1900—2000», 04.07.2006. <http://www.liberal.ru>.

²⁷⁹ «Рождение и воспитание детей — один из самых времязатратных видов деятельности, какие только можно себе представить. Время родителей плохо поддается замещению какими-либо рыночными ресурсами. В результате издержки этого вида деятельности более всего зависят, во-первых, от затрат времени родителей (прежде всего матерей) и, во-вторых, от ценности единицы их времени. Экономический рост непрерывно расширяет возможности занятости для женщин и ведет к повышению производительности их труда и реальных заработков. Это означает, что в ходе экономического роста рождение и воспитание детей становится все более дорогим занятием: дети непрерывно «дорожают». А что должно происходить со спросом на любое («нормальное») благо, когда его цена растет? Он должен снижаться. Он и снижается. Чем выше ценность времени, которое женщины могли бы посвятить работе на рынке, тем ниже при прочих равных условиях должна быть рождаемость. Это один из главных механизмов, который вызывает падение рождаемости во всех странах мира» (там же).

²⁸⁰ «Семьи заботятся не только о количестве детей, но и об их качестве — о состоянии их здоровья, о получаемом ими образовании, наконец, об их будущих потенциальных заработках. Улучшение качества детей — намного менее времязатратный процесс, чем увеличение их количества. Соответственно можно ожидать, что в ходе экономического роста семьи будут постепенно переключать свой спрос с количества детей на их качество. Они будут предпочитать иметь меньше детей, но более здоровых, более образованных и с лучшими перспективами на рынке труда, чем больше детей, но менее здоровых, менее образованных и с худшими перспективами на рынке труда. Рождаемость

имея возможность больше зарабатывать при условии получения лучшего образования, женщина заинтересована откладывать рождение даже первого ребенка до получения диплома, а после рождения спешит вернуться на работу, минимизировав свои экономические потери. В таких условиях ожидать роста рождаемости не приходится²⁸¹.

Заметим, что последнее рассуждение неплохо объясняет падение рождаемости в наиболее образованных и соответственно высокодоходных группах.

Отметив оправданность такого подхода самого по себе, другой участник дискуссии, академик Р.М. Энгов, подчеркнул, что рождаемость обусловлена таким количеством факторов, что попытки объяснить ее исключительно или даже главным образом одной экономикой рискованны. В подтверждение он привел ссылку на известную работу Р. Барро «Детерминанты экономического роста» (*Barro, 1997*), который, проведя тщательный эконометрический анализ, показал, что рост населения в одних странах приводил к росту подушевого ВВП, а в других — к снижению.

С этим замечанием сложно не согласиться, оценивая, в частности, «моральное удовлетворение» как мотив при выборе варианта карьеры. Соответственно в зависимости от того, что признается обществом высшим достижением — успех детей или исключительно успех самих потенциальных родителей.

Выделим другие ключевые, с нашей точки зрения, проблемы при данной аргументации.

При оценке альтернативной стоимости ребенка *рассматриваются только два варианта, две стратегии* поведения женщины: отказ от образования и карьеры или ориентация на таковые.

Отказ от рождения ребенка или откладывание его на неопределенный срок рассматривается как *естественная и единственная альтернатива* получению образования.

А повышение качества потомства *при резком снижении количества* детей — как *единственная альтернатива* большому количеству детей при низком их качестве.

В условиях свободного рынка, современного (стабильно высокого) экономического роста и расширения возможностей занятости жесткая связь этих факторов с массовой женской занятостью представляется вовсе не очевидной. Рыночный механизм вполне в состоянии решить проблему выпуска в условиях намного меньшей занятости существенно более квалифицированного персонала за счет иного сочетания труда и капитала с использованием особенностей роста качества человеческого капитала, включая ситуацию с резким ростом доли мужчин среди наемного персонала. К тому же недопоставка человеческого капитала на рынок труда вследствие большей надомной занятости женщин могла бы компенсироваться более высокой рождаемостью (2—4 ребенка вместо 0—2 вполне решили бы проблему и количественно).

Рынок также безусловно позитивно отреагировал бы на прекращение государственного принуждения с целью обеспечения женщинам «равного доступа к рабочим местам», «равной оплаты за равный труд» (т.е. без учета потребностей предпринимателя в определенном графике или даже с очевидным игнорированием объективных отличий в природе мужчины и женщины), а также и иных форм политизированного давления.

Следует напомнить, что сама потребность в массовой женской занятости была обусловлена внешними шоками войн, что странно рассматривать как нечто нормальное и естественное. Соответственно жесткая безальтернативность массовой женской занятости в индустриальных странах наблюдалась в истории лишь

должна снижаться еще и по этой причине. Таким образом, хотя количество детей в семье должно по ходу экономического роста снижаться, ценность каждого отдельного ребенка, напротив, должна расти» (там же).

²⁸¹ «Экономический рост повышает отдачу на человеческий капитал. Это заставляет людей все больше и дольше учиться. А чем выше уровень образования, тем меньше число детей в семье. Сейчас в России 2/3 всех работников в возрасте 15—64 года имеют либо высшее, либо среднее специальное образование. С формальной точки зрения это абсолютный мировой рекорд, причем у женщин средний уровень образования выше, чем у мужчин. По моим прикидкам, из нынешних молодежных когорт высшее образование рано или поздно получают 50—60%. Как можно ожидать резкого всплеска рождаемости от молодых женщин, среди которых свыше половины ориентированы на получение вузовских дипломов? Совершенно очевидно, что у большинства из них стратегия будет иной — откладывать рождение первого ребенка до окончания вуза или даже до закрепления на хорошем рабочем месте, а после его рождения стремиться как можно быстрее вернуться обратно на рынок труда» (фонд «Либеральная миссия», 2006).

дважды — как раз в периоды двух мировых войн. Однако технический прогресс и тенденции развития мощнейших в истории человечества вооруженных сил (США) делают повторение ситуации отрыва многих миллионов мужчин от их обычной занятости и необходимость их замены для физического выживания и удовлетворения нужд обороны в обозримые десятилетия, если не века, крайне маловероятным.

Проблема резкого роста издержек на дополнительного ребенка берется, по-видимому, для случая двух детей при обоих работающих родителях, но не третьего, пятого, восьмого в семье, где мать занята преимущественно воспитанием и образованием детей. В такой ситуации закономерность роста издержек на «пределного ребенка» совсем не очевидна.

Получение будущей матерью образования является важным фактором качества как воспитания, морального и физического здоровья (в нормальной полной семье), так и образования ее детей, особенно если у матери есть время применить свое образование в этих целях. Тогда она может стать эффективной альтернативой и опасным конкурентом малоквалифицированной школьной учительнице²⁸² (см. гл. 2 о профсоюзах школьных учителей и надомном образовании), особенно в условиях современных возможностей коммуникации и гражданского общества, позволяющих кооперироваться группам семей для предоставления на некоммерческой или коммерческой основе высококачественных услуг по уходу за детьми и образованию.

Наконец, технический прогресс и предпринимательская инициатива повышают гибкость форм занятости, позволяя родителям сочетать воспитание детей с частичной занятостью как источником дохода и средством предотвращения дисквалификации.

При этом университет весьма успешно выполняет функцию брачного агентства, обеспечивая возможность знакомства и неторопливого выбора партнера из своего круга. Если, конечно, общество в состоянии, с одной стороны, отказаться от пропаганды сексуальной неводержанности, разрушающей доверие и уважение потенциальных супругов друг к другу, а с другой — подорвать (в случае России всего лишь предотвратить становление таковой) «индустрию борьбы с сексуальными домогательствами»²⁸³ в кампусах (см. ниже Кэйт О'Берни).

Альтернативой концепции, исходящей из неизбежности низкой рождаемости (в надежде компенсировать более высоким качеством образования²⁸⁴ снижение объемов предложения), на рынке труда, таким образом, является «меньше предложение женского труда, больше и выше качество предлагаемого мужского». Меньший, нежели наблюдаемый в индустриальных и постиндустриальных странах, уровень женской занятости, вполне возможно, компенсируем большим предложением мужского труда более высокого качества. При этом появляются возможности значимого повышения качества воспитания и образования на микроуровне и соответственно роста экономики на макроуровне.

Возможность реализации такого сценария подтверждается развитием и ростом религиозных общин в ряде развитых стран и тем, что в отличие от «прогрессивных светских» женщин религиозные имеют существенно меньше проблем в поисках пары (а зачастую и возможность выбора), даже при том что такие общины находятся под жестким прессингом государства и СМИ.

Разумеется, обозначенная альтернатива одновременного роста качества и количества детей реализуема в условиях высокого и стабильного доверия супругов друг к другу. В противном случае женская занятость при

---

²⁸² Проблема, которая регулярно воспроизводится, — «а нам в школе не так объясняли» или «велели решать не таким способом» — чаще всего основана не на реальных потребностях методологии и программы, она коренится в низком профессиональном уровне учителя. Очевидно, сильный учитель видит в родителях союзников, помощников, а не конкурентов и не досадную помеху реализации стандартной методики.

²⁸³ Очевидно, что несерьезное обвинение не должно рассматриваться уважаемым, независимым, высокооплачиваемым судом. Серьезное же обвинение должно иметь настолько мощную доказательную базу (как, к примеру, настоящее, а не «калифорнийское» и не в браке изнасилование), что в данной ситуации «индустрия» обвалится или просто не сложится при наличии стандартных, а не облегченных по политическим мотивам процессуальных требований к обвинению.

²⁸⁴ Необходимо подчеркнуть, что сторонники такой концепции находятся политически, а зачастую и «научно» в одном лагере с теми, кто требует полного разрушения системы образования как системы передачи знаний. Попытки превратить среднюю школу почти исключительно в машину принудительной «социализации», а высшую — в дополнительный канал пропаганды, вполне успешные в развитых странах, несовместимы с идеей компенсации выходящей рабочей силы малочисленными, но блестяще образованными работниками новых поколений (см. гл. 4).

ограничении рождаемости становится рациональным ответом на риск остаться одной с детьми без средств к существованию, а избегание брака — реакцией мужчины на риск остаться при разводе без детей и половины собственности, заработанной честным трудом, предпринимательскими и иными талантами. Анализу этих рисков и их источников и посвящена значительная часть предлагаемого исследования.

Важной предпосылкой возможности смены трендов на рынке труда является восстановление в полном объеме прав частной собственности, свободы предпринимательства и занятости. Такая предпосылка, к сожалению, не выглядит самоочевидной даже после краха социалистической системы.

Ограничение деторождения может стимулироваться также угрозой отъема детей государством как под предлогом «защиты детей» от недобросовестных родителей, так и по иным мотивам.

Тоталитаризм и рождаемость

В.И. Переведенцев и М.Ю. Урнов²⁸⁵ озвучили гипотезу о влиянии тоталитаризма на рождаемость. Статистическую (положительную) связь авторитаризма и рождаемости (правда, без надежного обоснования направления казуальности) показал А. Пжеворский²⁸⁶.

Диктатура нуждается в дешевой рабочей силе и рекрутах. Поэтому она принимает меры для поощрения рождаемости, борясь с контрацепцией, с абортми, добиваясь поддержания ее на возможно более высоком уровне. При этом, чем более сильна и жестока (что взаимосвязано в обществе, где власть легитимизирована главным образом насилием) диктатура, тем больше шансов на успех таких мер, и наоборот. Позднесоветские меры по подъему рождаемости успехом не увенчались.

При диктатуре отсутствие механизмов защиты жизни, свободы и достоинства индивида обесценивает человеческую жизнь. В ряде случаев, прежде всего в бывшем СССР, людские потери при тоталитарных режимах были столь масштабными, что многократно перекрывали любые возможные результаты мер по повышению рождаемости.

Интересна гипотеза, основанная, правда, на ограниченном количестве наблюдений: в посттоталитарных странах, как только давление государства снимается, рождаемость падает до существенно более низкого уровня, чем в странах, не имевших такого опыта.

Представляется, что на микроуровне подрыв стимулов к деторождению хорошо объясним экономически. Если благо производится для себя или главным образом для себя, стимул к производству блага не может не быть выше, чем в ситуации производства блага для государства, партии, общества, вождя и т.п.

Если сын — это будущий рекрут, а дочь — будущая работница казенного предприятия и мать новых рекрутов и работниц, то модель поведения, ориентированная на семью и детей, не может не испытать большого напряжения. И проблема не только в отъеме государством у стареющих родителей ожидаемой родителями полезности. Дети становятся источником рисков: подрастающие дети уже носят форму, готовятся шпионить (или уже шпионят) за родителями.

Если государство ставит себя выше семьи, выше родителей, узурпируя право отнимать детей под предлогом их защиты, то дети становятся не поддержкой и утешением, не надеждой на сытую и ухоженную старость, а угрозой, источником рисков, т.е. антиблагом.

В свете такого рассуждения легко предсказать катастрофический обвал рождаемости в Северной Корее после падения там коммунистического режима, предопределявшего родителям голодную и изолированную от детей старость²⁸⁷.

Сопоставимая ситуация с разрушением государством естественных связей и стимулов складывается и при исламистском давлении на женщину. Сложно ожидать нормальной реакции на мужа и детей от существа, лишенного естественных радостей брака как в силу принуждения при его заключении, так и, в отдельных

---

²⁸⁵ См.: Фонд «Либеральная миссия», 04.07.2006.

²⁸⁶ Przeworski et al., 2000.

²⁸⁷ См.: Куртуа и др., 1999.

случаях, в силу осуществления при этом изуверской операции. От существа, поставленного господствующими представлениями в позицию, презюмирующую ее виновность в стремлении к разврату и измене (для предотвращения коих в том числе и практикуется эта операция). Истеричная ненависть к реальным или вымышленным врагам, равно как и радость по поводу того, что ребенок взорвался и принес в семью престиж и доход, с учетом таких обстоятельств не должна вызывать особого удивления.

Другое частое проявление тоталитарного режима — принудительная женская занятость (зачастую вызванная милитаризацией и войной) отмечена профессором А.И. Антоновым. Антонов полагает, что «российская женщина принуждена была советской властью работать и иметь мало детей. И теперь, чтобы не чувствовать себя униженной, сама верит, будто хотела этого»²⁸⁸. Если эта гипотеза верна, то определенные надежды на изменение ситуации с рождаемостью в лучшую сторону существуют, хотя очевидно, что такие изменения могут произойти лишь со значительным лагом.

Следует, однако, отметить, что примеры Италии и Германии в сравнении с Францией и Англией работают на поддержку гипотезы о подрыве тоталитаризмом стимулов к деторождению довольно плохо. В настоящее время в Англии и Франции живут миллионы относительно недавних мигрантов репродуктивного возраста с высокой рождаемостью, поддерживаемой государством «всеобщего благоденствия» за счет коренного населения.

В Германии подавляющее большинство мигрантов — это уже дети тех, кто покинул Турцию, Югославию, Италию для заработков, а не для получения пособий. Их собственная модель семьи ближе к модели окружающих их немцев. В Италии доля мигрантов вообще невысока, так как Италия вошла в число богатых стран относительно недавно. Невелика доля новых мигрантов и в Японии.

Наконец, с момента падения тоталитарных режимов в этих странах прошло достаточно много лет, так что стереотип малодетной семьи вряд ли мог закрепиться под влиянием свежих впечатлений. По всей видимости, низкая рождаемость может быть связана с другими факторами, например глубоко укорененными стереотипами государственного патернализма.

Семейные ценности, которые мы потеряли

Нам не удалось обнаружить современных исследований, ставивших проблему утраты особого и очень важного компонента человеческого капитала при депопуляции в правовых демократиях. Речь идет о потере того, что Н.М. Карамзин называл навыками гражданской жизни (т.е. городской жизни), всего, «что имело вид свободы и древних гражданских прав», и каковые были утрачены при уничтожении городского населения средневековой Руси сначала монголами²⁸⁹, а затем Иваном Грозным.

Отчасти восполняет пробел уже упомянутая выше дискуссия между Д. Асемоглу²⁹⁰ и А. Шляйфером²⁹¹ вокруг ставшего уже по уровню цитирования почти классическим индикатора выживаемости колонистов.

Смежную проблему — мотивацию при создании семьи с целью передать детям максимум человеческого капитала (при допущении о высоком спросе на образование) исследовали Gould, Moav и Simhon (2003). Они проанализировали структуру семьи (моногамная — полигамная) и показали, что с ростом образования и возможностью выбора между «низкокачественными» (необразованными) и «высококачественными» с точки зрения воспроизводства человеческого капитала женщинами состоятельный мужчина склонен выбирать моногамную модель.

Важным этапом изучения проблем института семьи экономистами (не получившим, однако, должного продолжения и развития) была попытка анализа института договора в браке, предпринятая Л. фон Мизесом. В работе «Социализм» (*Mises von, 1951*) он отстаивает моральные и гуманитарные преимущества капиталистического правового государства перед всеми другими экономическими и правовыми системами,

---

²⁸⁸ Цит. по: Панюшкин, 2007.

²⁸⁹ См.: Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. М.: Наука, 1989—1993. Т. 5. Гл. 4.

²⁹⁰ Acemoglu et al., 2001.

²⁹¹ Shleifer et al., 2004.

утверждая, что новый институт равного и добровольного союза на добровольной договорной основе способен оптимизировать семейные отношения.

Работы Г. Беккера не были прямым продолжением этой темы, хотя и перекликались с ней. Исключением стал Р. Ауманн, математик, описывавший в игровой форме талмудические институты, включая институт брака, знание которых помогло бы Мизесу избежать ряд грубых фактических ошибок (в частности, утверждений о том, что до современного института семейного контракта ничего подобного, основанного на добровольном союзе и сбалансированных правах, не существовало²⁹²).

Мизес справедливо подчеркивал также архаические исторические корни и характер «свободной любви» и прочих «новелл» современного социализма («либерализма»), равно как и его германского предтечи (А. Бебеля)²⁹³.

Престиж семьи в Европе и спрос на семейные ценности

В дискуссии по поводу проблем депопуляции и кризиса института семьи лидируют демографы и социологи. Наряду с рассмотренными выше работами А. Вишневого большой интерес представляет подбор публикаций по проблемам кризиса семьи, падения рождаемости и депопуляции журнала «Демоскоп», имеющего Интернет-версию. Некоторые из них мы рассмотрим ниже.

Р. Силантьев отмечает связь рождаемости с религиозными ценностями, утверждая, что все основные религии успешно поддерживают стимулы к деторождению среди своих активных последователей²⁹⁴.

И. Остроух в обзоре ситуации в Германии и мнений социологов о ней приводит объяснение кризиса семьи ростом самостоятельности (в том числе экономической) женщин в индустриальную (и особенно в постиндустриальную) эпоху, а также отмечает, что кризис усугубляется патернализмом в «государстве всеобщего благоденствия»²⁹⁵.

А. Митрикас приводит обзор опросов о престиже семьи в Европе, свидетельствующий о глубоком кризисе этого института. До 41% респондентов (в Швеции и Финляндии) полагает, что для рождения ребенка вовсе не обязательно иметь двух родителей. Фактически же вне брака в странах Северной Европы рождается в последние годы уже свыше 40% детей²⁹⁶. До 35% респондентов (во Франции) разделяют мнение, что семья — это «пережиток».

Стремительно растет также процент одобрения матерей-одиночек²⁹⁷.

Динамика института семьи в США с конца 1960-х гг.

Начиная со второй половины 1960-х гг. в США наблюдается экспансия законодательного, а затем и правоприменительного вмешательства государства в дела семьи (рост числа прецедентных решений, обременяющих успешного супруга в случае семейного конфликта).

Ранее нами был проведен статистический анализ зависимости динамики рождаемости по штатам США от усилий по «защите материнства и детства» — численности персонала ведомств, отвечающих за такую

---

²⁹² *Mises, 1951*. P. 89—101. Правда, если отнести талмудический подход к современным, а социалистический — к архаическим, что было бы, как отмечено выше, фактически совершенно верно, то и утверждение Мизеса можно было бы признать полностью корректным.

²⁹³ *Ibid.* P. 101—107.

²⁹⁴ См.: Демоскоп. 2003. 14—27 апреля. № 109—110.

²⁹⁵ См. там же.

²⁹⁶ См. сайт «Евростата». «Family 2006 in 46 Council of Europe Member States». http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page?_pageid=1334,49092079,1334_49092421&_dad=portal&_schema=PORTAL.

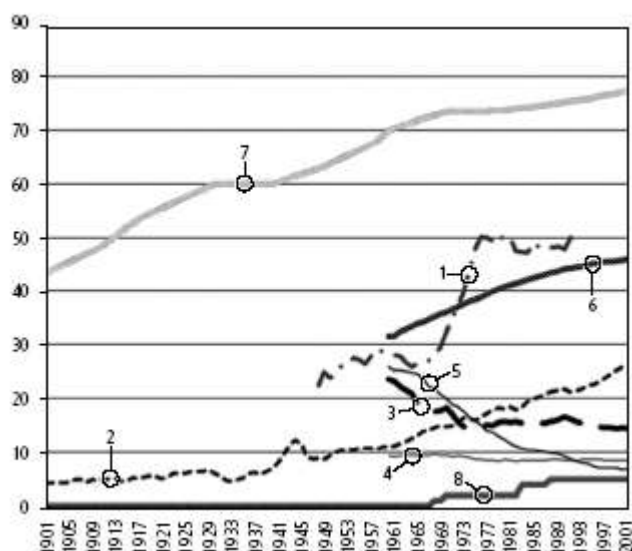
²⁹⁷ Демоскоп. 2006. 1—22 января. № 229—230.

«защиту», и их финансирования. Тестировалась также гипотеза о связи между политическими предпочтениями и рождаемостью.

Гипотезы о том, что консервативные религиозные ценности находят отражение в голосованиях на общенациональных выборах и положительно связаны с рождаемостью, а также о том, что экспансия служб «защиты детей» не способствует росту рождаемости, не могут быть отвергнуты исходя из имеющихся данных²⁹⁸. Эти гипотезы соответствуют имеющимся данным²⁹⁹.

Временные ряды по некоторым странам (США, Германия, Франция, Израиль, Нидерланды) показывают хорошо различимый спад рождаемости после волны резкого ужесточения и интенсификации государственного (законодательного) регулирования семейных отношений (как правило, в конце 1960-х гг.).

Институт брака и государственной политики США (Institute for Marriage and Public Policy — iMAPP) — небольшой, но весьма активный частный американский исследовательский центр, изучающий проблематику семьи и брака в связи с государственной политикой, законодательством и правоприменительными практиками³⁰⁰, обеспечивает заинтересованных читателей хорошо сфокусированным на ключевых проблемах анализом последствий этой экспансии.

Рис. 11.1. Динамика некоторых индикаторов стабильности семьи и связанных с ними экономических и демографических показателей в США: 1 — разводов к бракам, %; 2 — ВВП на душу населения (тыс. усл. долл.); 3 — рождаемость (родившихся на 1000 человек); 4 — смертность (умерших на 1000 человек); 5 — детская смертность (до 1 года на 1000 живых младенцев); 6 — женская занятость, %; 7 — доля городского населения, %; 8 — количество федеральных «единообразных законов» по проблеме.

²⁹⁸ Яновский, Черный и др., 2008. С. 61. См. соотношения 5—6 и 1 в табл. 3, которые показывают статистическую взаимосвязь между политическими предпочтениями и рождаемостью.

²⁹⁹ Уже упомянутые в гл. 2 исследования службы Гэллапа (*Gallup, 2008; Gallup, 2004*) показывают, что огромное большинство одиноких женщин, а также нерелигиозных избирателей склонны голосовать за левых (демократов), в то время как замужние матери, а также люди, часто посещающие церковь, напротив, чаще голосуют за консерваторов, что отчасти объясняет природу этого явления. Анализ, приведенный выше, в гл. 10, и ниже, в гл. 13, также содержит некоторые соображения, объясняющие эту связь.

³⁰⁰ Характерно, этот центр действует лишь с 2003 г., что отражает как сложность проблем и вызовов, за которые раньше и не пытались браться, так и наличие материала для анализа, в том числе формализованного, включая статистический.

Институт жестко полемизирует с проповедниками однополых браков, пропагандирующих «передовой европейский опыт». В работах iMAPP оспариваются реальная правовая необходимость и полезность для самих однополых браков такого института и акцентируется внимание на катастрофическом состоянии института семьи в тех странах, где такие союзы узаконены ранее, чем в других странах. Это не может не быть связано со сломом у большей части населения самых элементарных и базовых моральных ограничений и подрывом престижа брака как института для рождения и воспитания детей. Эксперты iMAPP твердо уверены в том, что для здорового брака нужны оба родителя, причем именно мать и отец.

Статистический анализ, выполненный институтом, показал, что как в странах Европы, так и в Канаде и в штате Массачусетс (США) возможностью заключить брак реально воспользовался очень небольшой процент однополых сожителей, причем процент этот не растет, а согласно шведским данным, заметна еще меньшая стабильность однополых союзов по сравнению с естественным. Однако для экспертов iMAPP это не служит аргументом в пользу о безвредности легализации в США таких браков ввиду значимого влияния сигналов и символов на поведение людей.

М. Галлахер³⁰¹ выступает против специального признания «однополых браков», доказывая, что никакой практической выгоды такое решение участникам однополых браков не принесет. Его смысл лишь в том, чтобы ослабить престиж нормального брака. С рациональной же точки зрения аргументация в защиту союза лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией столь же «убедительна», как и требования предоставить статус и преимущества официального брака (материальные выгоды которых в высшей степени сомнительны, по крайней мере для современных США, — см. ниже о льготах семейным парам в США) двум сестрам или братьям, двум друзьям (подругам) и т.п.

Марк Регнерус (Regnerus, 2012) опубликовал результаты исследований, опровергающих стереотип о преимуществах воспитания детей в однополых семьях. Воспитанники лесбийских пар особенно выделяются (статистически значимо и негативно) и по субъективным оценкам качества своей жизни и по объективным показателям (вероятность подвергнуться аресту). С тех пор его работа и сам он стали объектом агрессивной кампании "опровержений". Среди последних встречаются и научные ("социологические исследования") правда с весьма своеобразными методологиями³⁰². Работа Регнеруса выглядит куда более убедительной не только в силу менее уязвимой для критики методологии. Его результаты логично объясняются естественными проблемами социализации детей не имеющих в повседневной реальности позитивного образца естественной семьи. При этом образец поведения взрослых является основным (наиболее эффективным) методом воспитания и социализации.

Кейт О'Берни³⁰³ отмечает, что продвижение ряда ключевых положений феминистской повестки стало целой индустрией с тысячами занятых интересантов. Она также ссылается на статистические исследования упомянутой выше г-жи Галлахер, посвященные семейному насилию, и отмечает следующий факт: наиболее вероятный источник жестокого обращения с ребенком — мать-одиночка³⁰⁴. Вероятность самой дамы быть побитой гораздо выше для незамужней, нежели замужней. Вероятность изнасилования ребенка значительна только со стороны любовника или второго мужа матери. Совершенно очевидно, что наиболее комфортный и безопасный дом для ребенка (вопреки агрессивной феминистской мифологии) — это дом с двумя биологическими родителями, состоящих в браке, поддерживающих длительные прочные отношения.

Среди рекомендаций института, в частности, законодательное закрепление приоритета семейных пар при усыновлении. В соответствующем обзоре³⁰⁵ приводятся данные о том, что единственный штат, в котором такой приоритет зафиксирован, — это Юта. В пяти штатах (Нью-Йорк, Нью-Джерси, Алабама, Кентукки и Мэриленд) предпочтение семейных пар над одиночками при усыновлении законодательно запрещено.

---

³⁰¹ Gallagher et al., 2004.

³⁰² See Katrina Trisko " That Study Showing Kids With Same-Sex Parents Fare Better? Yeah, the Media Left a Few Details Out. " http://dailysignal.com/2014/07/10/study-showing-kids-sex-parents-fare-better-yeah-media-left-details/?utm_source=heritagefoundation&utm_medium=email&utm_term=headline&utm_content=140712&utm_campaign=saturday

³⁰³ O'Beirne, 2006.

³⁰⁴ Sewell S. & Sewell B. Family Violence. <http://www.lectlaw.com/files/fam27.htm>.

³⁰⁵ Baker, Duncan, 2005.

В остальных никакой четкой позиции законодателя по данному вопросу не обозначено. Интересно, что перечисленные пять штатов не являются однородно «либеральными», т.е. левыми (в штатах Кентукки и Алабама в 2000-м и 2004 г. Дж. Буш получил значительный перевес в голосах избирателей, и даже в классически левом штате Нью-Йорк исполнительная власть с начала 1990-х гг. долгое время контролировалась республиканцами как на уровне штата, так и на уровне города). Штат Юта же, естественно, является оплотом «великой старой партии».

Возможно, это всего лишь совпадение, однако рождаемость (как уровень, так и динамика) в штате Юта заметно отличается от рождаемости в пяти штатах. В штате Юта в 2003 г. она была почти такой же, как и в 1990 г. (свыше 20 новорожденных на 1000 жителей — самый высокий показатель в США, и это при невысокой — всего 9% — доле испаноязычного населения и ничтожной — менее 1% — черного, отличающихся повышенной рождаемостью в среднем по стране). В штатах, сражающихся с «дискриминацией» при усыновлении, показатель заметно (на 2—3 процентных пункта) снизился за тот же период, причем во всех пяти он ниже среднеамериканского уровня.

В статье 2004 г. Дж. Бейкер (*Baker*) анализирует сложную и разнообразную систему налоговых льгот в США и обосновывает неожиданный вывод: никаких очевидных и универсальных преимуществ по налогообложению семейный статус не дает. Так, в частности, учет доходов супруга зачастую ухудшает условия уплаты налога. Возможно также, что большая успешность союза, применяющего «естественное разделение труда», переводит большее число семейных пар в более высокую категорию по доходам и имуществу, что нередко чревато ростом их обязанностей по уплате налогов.

В совместном докладе «Будущее семейного законодательства и кризис брака в Северной Америке», подготовленном в 2005 г. Институтом американских ценностей iMAPP и Канадским институтом изучения брака, законодательства и культуры, приводится анализ существующих тенденций и широкий спектр существенно различающихся предложений по выходу из кризиса.

В частности, в этом докладе излагается точка зрения, поддерживаемая как некоторыми из левых радикалов, так и частью консервативных христианских кругов (со ссылкой на энциклику 1880 г. «О христианском браке» папы Льва XIII, в которой выражалась озабоченность «национализацией» брака). Эта позиция состоит в том, что государство должно устраниваться от регулирования интимно-семейных отношений в смысле обеспечения полной свободы интимной жизни: «отделение семьи от государства» по образцу французского отделения Церкви от государства и школы от Церкви.

По мысли не называемых в докладе правых (Лев XIII все же не является ни действующим политиком, ни экспертом), уход государства из сферы регулирования семейных отношений приведет к новому расцвету семьи, поддерживаемой верой и религиозными институтами.

Однако авторы доклада придерживаются точки зрения, что уход государства не может быть полным. В настоящее время вне рамок семьи контроль государства почти тотален, в то время как в ее рамках — почти не ощущается. Распад союза мужчины и женщины, в котором рождаются дети, не оставит государство равнодушным наблюдателем, и оно бросится снова все регулировать. Таким образом, возражения касаются не самой идеи, они основаны на небеспочвенных опасениях относительно современного агрессивно-социального государства.

Претензии религиозных институтов на замещение государства, с точки зрения авторов, неосновательны потому, что брак существовал до всех основных религий — до иудаизма, не говоря уже о христианстве и исламе. Если государство не вмешается и не поможет слабому брачному союзу, то потом государству (т.е. налогоплательщикам) придется заплатить куда большую цену за поддержку распавшихся компонентов семьи.

Авторы выражают сомнение относительно легитимности вмешательства суда с навязыванием «социально-либеральных норм», вместо того чтобы защищать индивида и от общества, и от государства.

Основные рекомендации авторов сводятся к следующему:

необходимо признать брак особым социальным институтом, а не просто неким образцом поведения индивидов, следующих закону, изобретенному профессионалами (согласно экономической терминологии, брак, по мысли авторов, создает слишком значимые внешние эффекты, чтобы государство его игнорировало);

поддерживать исследования права, ориентированные на укрепление, а не на ослабление института брака, в том числе кросскультурные и транснациональные;

воздержаться от каких-либо законодательных мер по «переформатированию» института брака до проведения новых, углубленных исследований и общественных дискуссий.

Принимая аргументацию авторов относительно действующего законодательства, политики и правоприменительной практики, приходится поставить под сомнение их доводы о невозможности дерегулирования в этой сфере. Разумеется, под дерегулированием мы понимаем не отказ в поставке семье чистых общественных благ, прежде всего таких, как безопасность (защита от прямого и опасного для здоровья и жизни насилия) и правосудие (в случае грубого нарушения семейного контракта той или иной стороной и неспособности разрешить конфликт самостоятельно).

Однако отказ государства от выплаты пособий по итогам распада брака — вполне реальная мера, как раз означающая прекращение провоцирования одной из сторон на разрушение брака. Такой отказ меняет платежную матрицу игры в неустойчивый брак, давая ему шанс сохраниться. Подробнее мы остановимся на критике этих положений ниже.

Разумеется, опасения американских коллег отнюдь не беспочвенны. Попытка локализованного решения проблемы кризиса семьи в отрыве от ряда назревших реформ (даже в развитых правовых государствах), обеспечивающих индивидуальную независимость судьи при ограничении судейского активизма, конкурентность медиарынка, наконец, восстанавливающих связь «налогоплательщик — избиратель», может разбиться о консолидированное сопротивление коалиции групп интересов гораздо более широкой, нежели непосредственные бенефициарии семейного кризиса, о которых речь пойдет ниже.

Кризис института семьи в России: его особенности

Согласно гипотезе об искусственном характере кризиса института семьи, Россия представляется особым случаем. С одной стороны, здесь политика государства повышала издержки «свободных взаимоотношений полов» (доходов одного родителя редко хватало для обеспечения детей, широко применялось прямое административное вмешательство в семейную жизнь для «сохранения семьи»). С другой стороны, давление государства на семейные институты было гораздо более интенсивным и продолжительным, чем в демократических правовых государствах. Этому процессу посвящен отдельный параграф данной главы. Именно в России в течение длительного периода принцип «национализации» детей, приоритета государственного интереса перед частным, семейным, приобрел наибольшую завершенность.

Обзор состояния семейного права

В 1917 г. в числе первых были приняты декреты «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» и «О расторжении брака», а самым первым кодексом Советского государства стал Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (сентябрь 1918 г.), который подробно регламентировал вопросы, связанные с регистрацией актов гражданского состояния.

Было провозглашено полное равенство мужчины и женщины в области брака и семьи. Внебрачные дети уравнивались в правах с детьми, рожденными в браке. При этом указывалось: только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в отделе записи актов гражданского состояния, определяет права и обязанности супругов.

В ряде работ (например, *Спирина, 2008*) показано, что именно коммунистическим властям СССР принадлежит авторство идеи о приоритете прав государства в отношении детей перед правами родителей.

Последствия этой традиции в современных правоприменительных практиках таковы, что даже вполне лояльные власти общественные деятели бьют тревогу относительно тенденции разрушения семьи государственным вмешательством вообще и отъемом детей у родителей в частности (*Алтишулер, 2010*).

Российское семейное право на современном этапе. Российское семейное законодательство на современном этапе характеризуется не только принятием нового Семейного кодекса, но и правовой

регламентацией этой отрасли права на высшем конституционном уровне. В целом ряде статей Конституции Российской Федерации прямо или косвенно говорится об институтах семейного права³⁰⁶.

Более обстоятельно положения семейного законодательства освещены в Семейном кодексе. Семейное законодательство «устанавливает условия и порядок вступления в брак, прекращения брака и признания его недействительным, регулирует личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи: супругами, родителями и детьми (усыновителями и усыновленными), а в случаях и в пределах, предусмотренных семейным законодательством, между другими родственниками и иными лицами, а также определяет формы и порядок устройства в семью детей, оставшихся без попечения родителей». Оно провозглашает свободу выбора занятий, профессии, мест пребывания и жительства. Вопросы материнства, отцовства, воспитания, образования детей и другие вопросы жизни семьи решаются супругами совместно, исходя из принципа равенства супругов.

Новый Семейный кодекс содержит много новелл, посвященных усилению гарантий прав детей в семейных отношениях в соответствии с требованиями Конвенции ООН о правах ребенка. В Кодексе выделена специальная глава «Права несовершеннолетних». В духе Конвенции решен вопрос о праве ребенка на защиту от злоупотреблений родителей или лиц, их заменяющих, вплоть до обращения несовершеннолетнего в суд по достижении им 14-летнего возраста. Предусмотрено обязательное согласие ребенка, достигшего 10 лет, при решении вопроса об изменении его имени, фамилии на фамилию другого родителя, а также при изменении его фамилии, имени и отчества при усыновлении и при его отмене. Согласие 10-летнего ребенка требуется также для восстановления в родительских правах родителей, ранее лишенных этих прав, а также для усыновления и передачи ребенка, оставшегося без родительского попечения, в приемную семью.

Ребенку предоставлено право выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также право быть заслушанным в ходе любого судебного и административного разбирательства.

В Кодекс включена глава о приемной семье (гл. 21) — принципиально новой форме устройства на воспитание в семью детей, оставшихся без попечения родителей.

Вместе с тем нельзя не отметить и некоторое снижение гарантий защиты прав несовершеннолетних в отдельных положениях нового Семейного кодекса. Это касается вопросов о брачном возрасте и о размере алиментов, взыскиваемых на несовершеннолетних детей в судебном порядке. Статья 13 Кодекса допускает возможность снижения законами субъектов Российской Федерации брачного возраста ниже 16 лет без установления каких-либо нижних пределов, что не согласуется с Уголовным кодексом РСФСР (ст. 119). В ст. 81 Семейного кодекса при сохранении прежнего размера алиментов в долях по отношению к доходам родителя — на одного ребенка $\frac{1}{4}$ дохода и т.д. — допускается безграничное уменьшение этих долей по усмотрению суда «с учетом материального или семейного положения сторон и иных заслуживающих внимания обстоятельств».

Изменения законов о разводе, которые произошли в нашей стране в советский период (1918, 1926, 1936, 1944, 1955, 1965, 1968 гг.), а также во многих европейских государствах в основном после Второй мировой войны, сводились к отказу от признанных кодексами перечней вольных или невольных нарушений правил семейной жизни одним из супругов как оснований для расторжения брака по требованию другого супруга и от применения санкций к виновной стороне. Вместо этого достаточным основанием для развода стало считаться либо само по себе раздельное проживание супругов (независимо от его причин) в течение определенного времени, либо просто категорическое требование одного из супругов расторгнуть брак, даже если другой супруг не соглашался на развод и не нарушал никаких правил семейной жизни. Такие понятия, как «сторона, виновная в разводе» и «санкции по отношению к виновнику развода», вообще исчезли из юридического лексикона многих стран.

И закон, и контракт? Движение России в «общем направлении». В марте 1996 г. вступил в силу Семейный кодекс Российской Федерации, одним из важнейших новшеств которого является брачный договор.

Общие тенденции развития голландского и российского семейного права сходны (упрощение бракоразводной процедуры, совершенствование алиментного права, возможность заключения

---

³⁰⁶ См.: ч. 1 ст. 7, ч. 2 и 3 ст. 19, ст. 38, ч. 1 ст. 39.

бракоразводных соглашений). В то же время имеются различия. Развод в Нидерландах основан на принципе безвиновности (*non-fault divorce*); поведение супругов может иметь значение лишь при выплате алиментов. В Российской Федерации используются две модели расторжения брака: 1) при взаимном согласии супругов на развод суд не обязан выяснять мотивы распада брака; здесь отсутствует доказывание и мотивировочная часть решения суда; 2) в случае установления судом невозможности дальнейшей семейной жизни и сохранения семьи суд исследует обстоятельства и назначает срок для примирения; доказывание необходимо, если один из супругов не согласен с разводом, а другой настаивает на нем и возражает против примирения. В России, в отличие от Нидерландов, не требуется административная регистрация расторжения брака.

Российское семейное право не содержит положений о раздельном проживании супругов. Между тем эта форма разрешения семейного конфликта нуждается в изучении.

Вся супружеская собственность в Нидерландах подчиняется режиму общей собственности. Напротив, в Российской Федерации проводится разграничение между имуществом, нажитым супругами до заключения брака, полученным по акту дарения или наследования и приобретенным после вступления в брак.

В отличие от Нидерландов, брачный договор в России может регулировать лишь имущественные права и обязанности супругов. Альтернативные формы брака неизвестны в нашей стране; не установлена совместная обязанность супругов нести расходы по семейному хозяйству. В российском семейном праве имеются интересные нормы, не известные голландскому праву (два типа процедур расторжения брака — административный и судебный; двойная фамилия; алиментные положения, гарантирующие имущественные права детей).

Историческая специфика кризиса института семьи в России

В Российской империи в 1913 г. число разводов составляло лишь 0,4% от числа заключенных браков. В современной же России разводом заканчивается более половины браков. Тоталитарное государство сначала пыталось разрушить институт семьи, затем — встроить его в механизм контроля над личностью. Потому удары власть предержащих по институту семьи в России были наиболее тяжелыми и несравнимы по активности действий государства в других странах.

К середине 50-х гг. XX в. в России институт семьи, поддерживающий межличностное доверие, был почти разрушен. В подавляющем большинстве российских семей лояльность членов семьи к государству (вождю) доминировала над лояльностью к членам семьи. Формальное одобрение семьи властями, пришедшее на смену проповеди «социализации» женщин и детей, «свободной любви» и тому подобным мерам по прямому разрушению семьи, было обусловлено, вероятно, нуждами спецслужб, чьими агентами подразумевались все члены коммунистической детской организации. В случае последовательной социализации юным чекистам оставалось бы наблюдать только за воспитателями. В полной же семье круг лиц, оказывавшихся под регулярным наблюдением, существенно расширился. Издержки государства на осуществление всеобщего контроля снижались до разумного уровня.

Всеобщее доносительство, начиная с уровня семьи, характерно, по-видимому, для всех тоталитарных систем. С 1930-х до конца 1980-х гг. в СССР пропагандировался образ мальчика, донесшего на отца. В хомейнистском Иране рекламируются матери, доносившие на своих сыновей³⁰⁷.

За неполные полвека после смерти Сталина институт семьи *частично*³⁰⁸ восстановился. В конце 1990-х гг. престиж семейных ценностей в России был относительно высок, причем тенденция к его росту за период

---

³⁰⁷ Речь, разумеется, идет не о феномене доносительства как таковом. Речь идет только о доносах на близких родственников. Такая практика настолько неприемлема с точки зрения морали, что это отражено в основном законодательстве и правоприменительных практиках цивилизованных стран (расширенное толкование запрета V поправки к принуждению свидетельствовать против самого себя в США; ч. 1 ст. 51 Конституции России), тем более что в тоталитарной стране практика такого вида доносительства сопряжена не с уплатой штрафа тем, на кого написан донос, а с лишением его жизни. Она свидетельствует о разложении морали и подтверждает драматическое изменение соотношения лояльности государству и близким людям не в пользу последних.

³⁰⁸ Частичность восстановления в России этого института подчеркивается большей, нежели в развитых странах, распространенностью беспризорности и, очевидно, большим спросом на усыновление (удочерение) российских сирот гражданами развитых стран, нежели российскими гражданами.

реформ ничуть не ослабела. В подтверждение можно привести не только данные опросов, свидетельствующие о высоком авторитете института семьи³⁰⁹.

Возможно, более надежными индикаторами могли бы служить данные о расходах домохозяйств на образование — репетиторов, частные школы и т.п. (свидетельство реального чадолюбия), а также статистика по наследствам (через соответствующий налог в те периоды, когда он действовал). К сожалению, такого рода статистические данные в России пока весьма ненадежны из-за массовой практики ухода от налогов, зато вполне достоверна статистика по приватизации жилья. Поскольку земля под жилыми домами в России еще только становится товаром, коммунальные платежи не зависят от формы собственности, а налог на недвижимость сопоставим с квартплатой в муниципальном секторе; главный стимул приватизации жилья для квартиросъемщиков — снижение издержек при обмене и при передаче по наследству.

До начала бесплатной приватизации было выкуплено около 200 тыс. квартир, на конец 1998 г. (бесплатная приватизация) число приватизированных квартир достигло 15 774 тыс. В целом частный жилой фонд составил более половины общего жилого фонда, жилье в собственности физических лиц — около половины жилого фонда на селе и примерно 42% городского жилого фонда³¹⁰. Эти данные косвенно свидетельствуют о распространенности заботы о будущих поколениях, следовательно, о нормальном моральном климате в семье как вполне распространенном явлении.

Статистика браков — разводов, детей, оставшихся без попечения родителей, и детей усыновленных — также могла бы дать возможность для анализа проблемы. Но необходимо отметить, что корректно было бы сравнивать «стационарные» состояния общества до и после перехода. Очевидно, что сам по себе переходный период — серьезное испытание для любой семьи. Как и на Западе, относительное большинство семей в России основано *исключительно* на взаимовыгодных комплексных контрактах для обмена услугами, большая часть которых котируется на рынке и по отдельности (так называемые браки по расчету). Резкое изменение рыночной среды не могло не повлиять на стабильность таких контрактов, хотя даже браки, основанные преимущественно на обмене «редкими благами» (потреблении специфического, исключительно парно потребляемого блага), при столкновении с бытовыми проблемами испытывают серьезное потрясение.

Поэтому естественно было бы ожидать некоторого снижения числа заключаемых браков и резкого роста числа разводов. Действительно, в 1991—1995 гг. наблюдался скачок числа разводов. Однако даже пиковое значение (4,6 развода на 1000 человек) в 1994 г. лишь незначительно превышало советский рекорд 1980 г. — 4,2 развода на 1000 жителей. К 1999 г. число разводов снизилось до 3,4 — примерно до уровня первой половины 1970-х. Более существенным оказалось снижение числа новых браков: в последние годы оно колеблется на уровне около 6 на 1000 по сравнению с 9—11 в позднесоветский период. Однако российская статистика пока не учитывает широко распространившихся среди молодежи гражданских браков, зачастую довольно устойчивых.

Кроме того, в отличие от советского времени отсутствуют барьеры в виде партийного или профсоюзного комитетов, чье вмешательство могло создать для нелояльного супруга значимые издержки (прежде всего в карьере, но также в заграничных поездках, что было эквивалентно допуску к недоступным на родине благам). Молодым же людям сегодня нет нужды регистрировать брак, чтобы решить вечную проблему социализма — поиска места для совместного ночлега. Замещение же формального брака «гражданской репетицией» может свидетельствовать скорее о более серьезном, нежели у старших, отношении нового поколения к этому институту.

Естественный, в силу описанных выше причин, рост числа детей, оставшихся без попечения, частично компенсируется удвоением числа детей, нашедших новую семью. Рост числа детей, оставшихся в детских домах, с 11 тыс. до 33 тыс.³¹¹ иллюстрирует прискорбное отставание темпа возрождения семейных ценностей

---

³⁰⁹ Так, согласно проведенному в 1999 г. фондом «Общественное мнение» опросу, 65% респондентов полагают, что в будущем роль этого института возрастет; противоположного мнения придерживается 21% опрошенных; 43% против 40% считают, что в будущем женщины станут уделять больше времени семье и домашним обязанностям, причем среди либерально настроенных респондентов перевес сторонников «трех К» как лучшей миссии для женщины достигает 46—47% против 36—37% в среднем по выборке. См.: Бюллетень ФОМ. 1999. № 460. 9—10.01.

³¹⁰ См.: Российский статистический ежегодник: статистический сборник / Госкомстат России. М., 1999. С. 152.

³¹¹ Российский статистический ежегодник: статистический сборник / Госкомстат России. С. 100, 186.

от темпа, с которым разлагается «советская семья образцовая». Статистика не учитывает отдельно число детей, находящихся в создающихся в последние годы детских домах семейного типа.

Таким образом, можно констатировать расслоение семей в 1990-х гг. Многие семьи адаптировались к новым условиям и укрепились, что отражается в росте числа усыновлений, использовании новых возможностей для обеспечения будущего своих детей, в частности услуг частных образовательных и лечебных учреждений. Но многие семьи не сумели адаптироваться и развалились (разваливаются), что приводит к росту как регистрируемого, так и нерегистрируемого числа безнадзорных детей (при коммунистах фактическая безнадзорность также имела место, но, разумеется, почти совсем не регистрировалась). Внешние проявления проблемы стали много ярче, в частности, вследствие возможности для люмпенизированных слоев избавляться от собственности (включая квартиры), в результате чего дети оказываются на улице, и проблема обостряется.

Несмотря на медленное и постепенное возрождение семьи, чему реформы никак не помешали, аналога клановых связей, которые позволяют обеспечивать минимальный уровень доверия³¹² и ответственности, в России нет. Вместе с тем использование внутрисемейного «капитала доверия» в российском бизнесе налицо. Особенно значимым было оно в первые годы реформ.

Нельзя не отметить еще одну проблему, доставшуюся современной России в наследство от тоталитарного режима. Как отмечалось выше в обзоре литературы, рациональной реакцией на предъявление государством приоритетных прав на детей является, бесспорно, снижение деторождения. К сожалению, в современной России сохраняется опасный рецидив тоталитарной системы, закрепляющий стереотипы такого поведения на неопределенно длительный срок. Речь идет об армии, признаки разложения дисциплины и элементарных норм морали в которой не могут не пугать³¹³ и в которую ответственные родители отдавать сыновей не желают. Поскольку борьба с государством за своего сына сопряжена со значительными издержками и рисками, нельзя не отметить негативное влияние такой практики на стимулы к деторождению.

Заимствование Россией институтов «защиты материнства и детства» у Северной Америки и тем более у Европы чревато крайне тяжелыми последствиями. Такой прогноз основан на сравнении качества правоохранительных органов и судебных систем. Наделение российских социальных служб и милиции правом практически произвольно отбирать детей у родителей по плохо формализованным признакам приведет к гигантскому росту рисков для богатых людей и среднего класса — рисков стать жертвой узаконенного заложничества. Пока что мы не имеем информации о подобном коммерческом применении своих полномочий социальными службами в развитых странах³¹⁴.

Идеологическое обоснование такой практики в России уже готовится вполне респектабельными общественными организациями. Так, фонд «Мое поколение» пропагандирует Декларацию прав ребенка, подготовленную Общественной палатой РФ. В ней заявлены «право ребенка на квалифицированное воспитание»³¹⁵ и, в частности, «принцип воспитания детей по старым образцам — принцип консервативного общества, а не общества, которое заботится о своем будущем». То есть утверждается, что некое консервативное общество с высокой рождаемостью, низким процентом разводов заботилось о своих детях не должным образом и пришло время исправить ситуацию.

---

³¹² А потому примеры Тайваня и Южной Кореи, где институты большой семьи, рода, подкрепленные конфуцианской традицией, способствовали в определенной степени поддержке того самого доверия и были, следовательно, социальным капиталом, любопытны, но бесполезны в российской ситуации.

³¹³ Солдаты, просящие милостыню у станций метро, уже мало кого могут удивить. Не реже раза в месяц в прессе появляются сообщения о побегах с оружием или убийствах военнослужащих сослуживцами. Шокируют сообщения о масштабной проституции в армии (имеющей место, в частности, по данным Комитета солдатских матерей Санкт-Петербурга. <http://www.polit.ru/news/2007/02/12/soldati.popup.html>; см. также: *Титоренко Д.* Честь имеют. Во всех позах: Масштабы солдатской проституции в нашей армии ужасают // *Собеседник.* 2006. 5 июня. № 21. <http://www.sobesednik.ru/issues/117/rubr/1400/rassledovanie/?4067>).

³¹⁴ Политическое применение заложничества, однако, уже наблюдалось (правда, пока в весьма ограниченном масштабе). Подробнее см.: *Яновский, Русаков, Черный и др., 2008.*

³¹⁵ <http://www.moe-pokolenie.ru/385/>.

Провозглашается еще несколько странных «прав» — «на современность» и «современное воспитание» и самое важное: «право на убежище» — естественно, от родителей. Обеспечить такое право, конечно, должно государство.

Как и большинство других, подобная инициатива основана на не слишком успешно проявивших себя принципах всеобщего «общественно»-государственного контроля и перераспределения богатства: «Перераспределение общественного богатства... в пользу детства» — вот первая из заявленных целей фонда (и самая прозрачная).

Российские блоггеры развернули дискуссию вокруг идеи и результатов государственного воспитания детей вместо естественного семейного³¹⁶. Были и весьма откровенные реакции на проекты фонда³¹⁷, направленные на государственное «управление семьей» и на слом традиционного представления о том, что «родителем может быть каждый» (введение принципа «компетентное родительство»).

Такая реакция вынудила представителей фонда дистанцироваться от наиболее радикальных идей и даже критически отозваться о «ювенальной юстиции»³¹⁸.

Ранее объектом внимания общественности стала программа администрации Пермского края по учету «детей, находящихся в социально опасном положении» (СОП), явно ориентированная на экспансию государственного вмешательства: «Цель проекта — максимальное и своевременное выявление семей и детей, находящихся в СОП. Задачи: 1. Увеличить численность выявленных детей в возрасте до 7 лет на 10%...»³¹⁹ Справедливости ради отметим, что традиционно высокая, по нашим меркам, прозрачность власти в Пермском крае делает его администрацию наиболее удобным объектом критики. Это вовсе не значит, что подобной инициативы или даже более опасной нет в других регионах России³²⁰.

Однако даже куда более высокая прозрачность не спасает при укоренившейся и распространившейся активности социальных служб. И тут России необходимо ориентироваться на опыт развитых (пока еще относительно) демократических стран, с тем чтобы избежать их проблем. Одной из главных в этой сфере является проблема «положительного отбора» социальными службами (службами по защите детей) семей для вмешательства. Этот процесс опасен тем, что он заведомо не обусловлен чьей-либо злой волей. Для наиболее проблемных семей очень часто характерна склонность родителей к немотивированной агрессии. Объектом таковой легко может стать и социальный работник. В отдельных случаях (когда речь идет о защищаемых с позиций политической корректности группах населения) объектом безнаказанной агрессии может стать даже полицейский.

Естественно, проще всего обращать внимание на вполне нормальные семьи, оказавшиеся, например, в сложном материальном положении. Особую группу риска составляют семьи, наивно обращающиеся в социальные службы (издержки поиска объекта «заботы» в таком случае падают до нуля).

«Смещение внимания» на нормальные семьи — способ получить бюджетное финансирование и стабильную оплату, которые полагаются за работы, требующие высоких издержек и сопряженные с высокими рисками, хотя фактически они проводятся с минимальными издержками и нулевыми рисками. Нет никаких причин для государственного служащего отказываться от такого решения. Можно мерами контроля и наказания постараться уравновесить риски социального работника при работе с проблемной семьей рисками наказания за перенос внимания на нормальную семью. Однако издержки такого контроля рискуют превысить все разумные уровни.

---

³¹⁶ См. к примеру: <http://fritz.morgen.livejournal.com/296774.html>.

³¹⁷ <http://www.slideshare.net/solipsist/2030>.

³¹⁸ См.: Сон разума. <http://www.2010—2030.ru/blog/?id=81>.

³¹⁹ <http://human.permkrai.ru/fcbrhp/msr/?sid=20>.

³²⁰ Наибольшую тревогу вызывает активность властей крупнейшего региона России — Москвы. О подготовительной работе по созданию Регламента межведомственного взаимодействия по выявлению семейного неблагополучия см.: http://culturolog.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=576&Itemid=46.

Богатый опыт проявлений такого рода «смещения внимания» накоплен в Израиле. Он обобщен, в частности, парламентским лобби «для борьбы против изъятия детей из нормальных семей»³²¹, поддерживаемым депутатом кнессета М. Солодкиной³²².

Реформы регулирования семейных отношений, группы интересов и стимулы игроков на «брачном рынке»

Теоретико-игровая интерпретация поведения агентов

Формализованное описание стимулов агентов на «брачном рынке» в теоретико-игровой форме представляется весьма перспективным направлением анализа, поскольку накапливается все больше статистических иллюстраций для обоснования и интерпретации стратегий и равновесных состояний.

1. Брак по любви и по расчету (стимулы заключения брака для рационального субъекта).

В браке предлагают разные услуги (или что-то свыше, в дополнение к ним — при браке по любви). При этом издержки (риски) зависят от государственного регулирования: риск потерять имущество, ребенка (хотя бы как объект инвестиций «на старость»), получить моральный ущерб и т. д.

Если цена (в виде набора обязанностей или рисков) для одной стороны фиксируется выше равновесного уровня, то это обуславливает снижение предложения и соответственно повышение цены — или снижение цены за услуги. В итоге «зарегулированная сторона» не соглашается на полноценный брак, стараясь получить только наиболее ценные услуги и предоставить минимальный набор услуг со своей стороны без взятия каких-либо обязательств по созданию и содержанию семьи и детей («не найти приличного мужчины/женщины»; «он/она боится ответственности»). При определении выигрышей рассматриваются, в частности, две переменные: индивидуальный коэффициент дисконтирования и параметр, учитывающий наличие «любви по Г. Беккеру».

2. Игра «семья Парсонсов»: прогрессивные дети против реакционных родителей (при поддержке школы, государства и «правозащитной» общественности).

Ниже приведена упрощенная форма игр (1) и (2) без учета особенностей по странам.

Попытка игровой интерпретации брака в режиме контракта и в режиме государственного регулирования

Рассматриваются ситуации при вступлении в брак. Предполагается, что мужчина имеет некоторые материальные активы A_m , на доход от которых он живет (богатый супруг), а женщина материальных активов не имеет (бедный супруг). При вступлении в брак игроки получают полезность от того, что они состоят в браке U_m , и полезность от наличия детей U_{ch} . Полученный мужчиной доход делится пополам между мужчиной и женщиной. В следующем периоде возможен развод, если это выгодно одному из игроков. Раздел детей и имущества при разводе осуществляется в соответствии с регулированием семейных отношений, которое может осуществляться двумя способами — в зависимости от политики государства.

А. Развод при контрактном регулировании семейных отношений. Богатый супруг выплачивает бедному фиксированную сумму A_c , необходимую для жизни. Дети делятся поровну, и каждый родитель имеет возможность видеться с детьми, воспитываемыми другим супругом.

Б. Развод в соответствии со специальным семейным законодательством (прямое вмешательство государства). Половина активов богатого супруга передается бедному. При этом бедный супруг сразу проедает эти активы за вычетом фиксированной суммы, необходимой для жизни. Все дети остаются с бедным супругом, и богатый выплачивает бедному алименты на содержание детей — фиксированную долю от своего дохода. При этом богатый супруг не имеет доступа к детям (естественно, возможны разные варианты, но мы

---

³²¹ Информация о лобби на сайте фонда «Защита семьи». <http://home.magenmishpacha.org/>.

³²² См. страничку депутата на сайте кнессета. http://www.knesset.gov.il/mk/eng/mk_eng.asp?mk_individual_id_t=91.

выбираем для простоты наиболее характерный, а если учесть относительность понятия «богатство», то и наиболее типичный).

Перед вступлением в брак игроки сравнивают свой выигрыш в случае вступления и невступления в брак. При оценке выигрыша при вступлении в брак игроки учитывают возможность будущего развода. Рассматривается два периода: в первый игроки решают, вступить в брак или нет, при этом брак заключается, только если это выгодно обоим. Если брак заключен, то во второй период супруги решают, разводиться или сохранить брак; при этом они разводятся, если это выгодно хотя бы одному из них.

Предполагается, что игроки нейтральны к риску, а также что до вступления в брак игроки адекватно оценивают свою полезность от брака и от детей, а полезность партнера от брака и от детей им неизвестна. Рассматривается только случай, когда полезности игроков от брака и от детей положительны.

Выигрыш каждого игрока складывается из полезности, которую он получает от детей, полезности, которую он получает от брака, и полезности от денег, которая считается равной величине полученного дохода. Выигрыши игроков во второй период дисконтируются с коэффициентом дисконтирования δ^r и δ^p для богатого и бедного соответственно.

В случае невступления в брак выигрыши игроков составят:

$$\begin{aligned} V_{rich}^s &= iA_m + \delta^r iA_m; \\ V_{poor}^s &= 0, \end{aligned} \quad (11.1)$$

$$\begin{aligned} V_{rich}^s &= iA_m + \delta^r iA_m; \\ V_{poor}^s &= 0, \end{aligned}$$

где V_{rich}^s и V_{poor}^s — соответственно выигрыши богатого и бедного в случае, если они не вступают в брак; A_m — стоимость материальных активов, которыми владеет богатый; i — процентная ставка, т.е. iA_m — доход от материальных активов в течение одного периода; δ^r — коэффициент дисконтирования богатого супруга.

В случае вступления в брак выигрыши игроков составят:

$$\begin{aligned} V_{rich}^m &= \{ +U_m^r + U_{ch}^r \} + \delta^r \{ (1 - P^d)(+U_m^r + U_{ch}^r) + P^d V_{rich}^d \}; \\ V_{poor}^m &= \{ +U_m^p + U_{ch}^p \} + \delta^p \{ (1 - P^d)(+U_m^p + U_{ch}^p) + P^d V_{poor}^d \}, \end{aligned} \quad (11.2)$$

$$\begin{aligned} V_{rich}^m &= \left\{ \frac{iA_m}{2} + U_m^r + U_{ch}^r \right\} + \delta^r \left\{ (1 - P^d) \left(\frac{iA_m}{2} + U_m^r + U_{ch}^r \right) + P^d V_{rich}^d \right\}; \\ V_{poor}^m &= \left\{ \frac{iA_m}{2} + U_m^p + U_{ch}^p \right\} + \delta^p \left\{ (1 - P^d) \left(\frac{iA_m}{2} + U_m^p + U_{ch}^p \right) + P^d V_{poor}^d \right\}, \end{aligned} \quad (11.2)$$

где $\{ +U_m^r + U_{ch}^r \}$ и $\{ +U_m^p + U_{ch}^p \}$ — $\left\{ \frac{iA_m}{2} + U_m^r + U_{ch}^r \right\}$ и $\left\{ \frac{iA_m}{2} + U_m^p + U_{ch}^p \right\}$ — выигрыши богатого и бедного соответственно от брака в первый период, состоящие из половины дохода от материальных активов богатого, полезности от брака и полезности от детей; δ^r и δ^p — коэффициенты дисконтирования богатого и бедного соответственно; P^d — вероятность развода; V_{rich}^d и V_{poor}^d — выигрыши богатого и бедного в случае развода во второй период, зависящие от способа регулирования семейных отношений.

При контрактном регулировании семейных отношений эти выигрыши составят:

$$V_{rich}^d 1 = i(A_m - A_c) + sU_{ch}^r; \quad (11.3)$$

$$V_{poor}^d 1 = iA_c + sU_{ch}^p,$$

$$V_{rich}^d 1 = i(A_m - A_c) + \frac{3}{4}U_{ch}^r;$$

$$V_{poor}^d 1 = iA_c + \frac{3}{4}U_{ch}^p,$$

где A_c — фиксированная сумма, которую богатый выплачивает бедному в случае развода в соответствии с контрактом; $(A_m - A_c)$ — материальные активы, которые останутся у богатого после развода в результате выплаты бедному величины A_c .

Соответственно $i(A_m - A_c)$ и iA_c — доходы богатого и бедного после развода. Для простоты предполагается, что полезность от детей аддитивна: при разводе каждый получает полезность от половины детей, которые остались с ним (SU_{ch}), и половину полезности от остальных детей, которые остались с другим супругом, т.е. (JU_{ch}).

При разводе в соответствии со специальным семейным законодательством выигрыши в случае развода составят:

$$V_{rich}^d 2 = -k; \quad (11.4)$$

$$V_{poor}^d 2 = (-A_c) + iA_c + U_{ch}^p + k,$$

$$V_{rich}^d 2 = \frac{iA_m}{2} - k \frac{iA_m}{2};$$

$$V_{poor}^d 2 = \left(\frac{A_m}{2} - A_c\right) + iA_c + U_{ch}^p + k \frac{iA_m}{2},$$

где $-$ — доход от половины материальных активов, которая осталась у богатого после развода; k — доля дохода, которая должна выплачиваться богатым в качестве алиментов после развода; k — величина алиментов; $(-A_c)$ — та часть материальных активов, перешедших к бедному супругу в результате развода, которую он сразу может потратить; iA_c — доход бедного от оставшейся части материальных активов, которую он должен зарезервировать.

Предполагается, что

$$A_m > 2A_c. \quad (11.5)$$

Действительно, суммы вознаграждений в семейных контрактах при отсутствии вмешательства государства³²³ бывают значительными, но вполне сопоставимыми с реальными возможностями богатого супруга. Богатый может быть в общем случае вовсе небогатым, поэтому допущение о соотношении при небольших размерах имущества такого супруга принципиально важно.

При высоких и очень высоких уровнях богатства сумма A_c ограничена уровнем стоимости недорогого жилья и (или) дохода, сопоставимого со стоимостью его найма. Максимальный уровень может дополнительно

---

³²³ Речь идет как о варианте разовой компенсации, так и о варианте с выплатами, суммарная стоимость которых приведена к дате их начала.

включать доход, обеспечивающий бывшему бедному супругу покрытие минимальных издержек для поддержания жизни (питание, транспорт, одежда, коммунальные услуги). В любом случае для действительно богатого супруга эти издержки не являются обременительными.

Полезность от детей после развода получает только бедный супруг, причем на прежнем уровне, поскольку все дети остаются с ним. Богатый не имеет возможности общаться с детьми после развода и соответственно полезности от детей не получает.

Сначала рассматривается второй период, а именно при каких условиях супруги разводятся и по чьей инициативе при различных сценариях развода.

А. Развод при контрактном регулировании семейных отношений. Богатому выгодно сохранять брак, если

$$+ U_m^f + U_{ch}^f \geq i(A_m - A_c) + sU_{ch}^f,$$

т.е. при

$$A_m \leq 2A_c + (2U_m^f + sU_{ch}^f). \quad (11.6)$$

$$\frac{iA_m}{2} + U_m^r + U_{ch}^r \geq i(A_m - A_c) + \frac{3}{4}U_{ch}^r,$$

т.е. при

$$A_m \leq 2A_c + \frac{1}{i} (2U_m^r + \frac{1}{2}U_{ch}^r).$$

Бедному выгодно сохранять брак, если

$$+ U_m^p + U_{ch}^p \geq iA_c + sU_{ch}^p,$$

т.е. при

$$A_m \geq 2A_c - (sU_{ch}^p + 2U_m^p). \quad (11.7)$$

$$\frac{iA_m}{2} + U_m^p + U_{ch}^p \geq iA_c + \frac{3}{4}U_{ch}^p,$$

т.е. при

$$A_m \geq 2A_c - \frac{1}{i} (\frac{1}{2}U_{ch}^p + 2U_m^p).$$

В рассматриваемом случае условие (11.5) $A_m > 2A_c$ выполнено всегда. То есть в данном случае возможен развод только по инициативе богатого, если не выполнено условие (11.6). Чем богаче богатый, тем больше должна быть его полезность от брака и от детей, чтобы брак сохранился.

Б. Развод в соответствии со специальным семейным законодательством (прямое вмешательство государства). Поскольку

$$+ U_m^f + U_{ch}^f > -k \quad (11.8)$$

$$\frac{iA_m}{2} + U_m^r + U_{ch}^r > \frac{iA_m}{2} - k \frac{iA_m}{2}$$

выполнено всегда, богатому в этом случае развод не выгоден. Бедный заинтересован в сохранении брака, если

$$+ U_m^p + U_{ch}^p \geq (-A_c) + iA_c + U_{ch}^p + k,$$

т.е. при

$$A_m \leq 2A_c + 2. \quad (11.9)$$

$$\frac{iA_m}{2} + U_m^p + U_{ch}^p \geq \left(\frac{A_m}{2} - A_c\right) + iA_c + U_{ch}^p + k \frac{iA_m}{2},$$

т.е. при

$$A_m \leq 2A_c \frac{1-i}{1-i(1-k)} + 2 \frac{U_m^p}{1-i(1-k)}.$$

Поскольку $i < 1$, то при недостаточно больших значениях U_m^p может оказаться, что

$$2A_c + 2 < 2A_c, \quad (11.10)$$

$$2A_c \frac{1-i}{1-i(1-k)} + 2 \frac{U_m^p}{1-i(1-k)} < 2A_c,$$

т.е., поскольку рассматривается только случай $A_m > 2A_c$, то бедному всегда выгоден развод.

Таким образом, в этом случае развод возможен только по инициативе бедного, причем при недостаточно высокой заинтересованности бедного в браке («брак по расчету», U_m^p удовлетворяет соотношению (11.10)) развод неизбежен при любых значениях A_m , удовлетворяющих (11.5).

Вступление в брак. Далее рассматривается поведение игроков в первый период, т.е. когда они принимают решение о вступлении в брак, учитывая возможность развода во второй период.

Поскольку выигрыш бедного супруга от вступления в брак $V_{poor}^m > 0$ независимо от вероятности развода при любом сценарии развода, то $V_{poor}^m \gg V_{poor}^s$. То есть бедному супругу в любом случае выгодно вступить в брак.

Рассмотрим далее поведение богатого в первый период при различных способах регулирования семейных отношений.

Вступление в брак при контрактном регулировании семейных отношений. Как было показано выше, инициатором развода в данном случае может быть только богатый. Поэтому если развод происходит, то это означает, что богатый от этого только выиграл. Кроме того, поскольку развод происходит по инициативе богатого, то для него нет неопределенности в первый период относительно сохранения брака во второй период. Поэтому можно отдельно рассматривать его поведение при выполнении и невыполнении условия (11.6).

Если оно выполнено (т.е. богатому, женившись, выгодно сохранять брак), то в первом периоде он сравнивает величины:

$$iA_m (1 + \delta^r) \text{ vs. } \left(\frac{iA_m}{2} + U_m^r + U_{ch}^r \right) (1 + \delta^r).$$

Богатый вступает в брак, если $\frac{iA_m}{2} \leq U_m^r + U_{ch}^r$, при том что, согласно (11.6), выполнено $\frac{iA_m}{2} \leq (U_m^r + U_{ch}^r) + (iA_c - \frac{3}{4}U_{ch}^r)$. Если $iA_c \leq \frac{3}{4}U_{ch}^r$, то условие

$$iA_m (1 + \delta^r) \text{ vs. } (+ U_m^r + U_{ch}^r) (1 + \delta^r).$$

Богатый вступает в брак, если $\leq U_m^r + U_{ch}^r$, при том что, согласно (11.6), выполнено $\leq (U_m^r + U_{ch}^r) + (iA_c - sU_{ch}^r)$. Если $iA_c \leq sU_{ch}^r$,

то условие вступления в брак выполнено автоматически. В противном случае условие вступления в брак может как выполняться, так и не выполняться.

Если же (11.6) не выполнено, т.е. богатому выгоднее, пожив в браке и обзаведясь детьми, развестись, то в первом периоде он сравнивает величины:

$$iA_m (1 + \delta^r) \text{ vs. } \left(\frac{iA_m}{2} + U_m^r + U_{ch}^r \right) + \delta^r (i(A_m - A_c) + \frac{3}{4}U_{ch}^r).$$

Богатый вступает в брак, если $\frac{iA_m}{2} \leq U_m^r + U_{ch}^r (1 + \frac{3}{4}\delta^r) - i\delta^r A_c$.

$$iA_m (1 + \delta^r) \text{ vs. } (+ U_m^r + U_{ch}^r) + \delta^r (i(A_m - A_c) + sU_{ch}^r).$$

Богатый вступает в брак, если $\leq U_m^r + U_{ch}^r (1 + s\delta^r) - i\delta^r A_c$.

При $sU_{ch}^r < iA_c$ выполнение этого условия невозможно одновременно с невыполнением (11.6), т.е. если богатый недостаточно ценит детей (по сравнению с лишением части дохода от материальных активов в будущем), то он не будет вступать в брак, чтобы развестись во второй период. Если же $sU_{ch}^r \geq iA_c$, то возможно вступление в брак богатого с последующим разводом во втором периоде. Графически эти случаи представлены на рис. 11.2 (a и b).

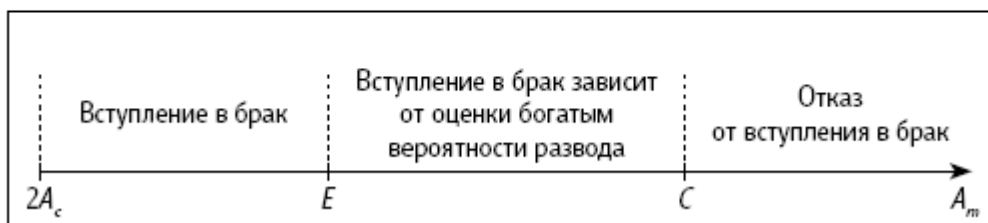
Рис. 11.2. Различное поведение богатого при контрактном регулировании семейных отношений в зависимости от соотношения величины материальных активов и полезности от брака и детей

Точка $B \{2A_c + (2U_m^r + sU_{ch}^r)\}$, точка $C \{(2U_m^r + 2U_{ch}^r)\}$, точка $D \{(2U_m^r + 2U_{ch}^r(1 + s\delta^r)) - 2\delta^r A_c\}$.

a) Случай $sU_{ch}^r \geq iA_c$; b) Случай $sU_{ch}^r < iA_c$.

Точка $B \{2A_c + \frac{1}{i}(2U_m^r + \frac{1}{2}U_{ch}^r)\}$, точка $C \{\frac{1}{i}(2U_m^r + 2U_{ch}^r)\}$, точка $D \{\frac{1}{i}(2U_m^r + 2U_{ch}^r(1 + \frac{3}{4}\delta^r)) - 2\delta^r A_c\}$.

a) Случай $\frac{3}{4}U_{ch}^r \geq iA_c$; b) Случай $\frac{3}{4}U_{ch}^r < iA_c$.

Рис. 11.3. Различное поведение богатого при специальном семейном законодательстве (прямом вмешательстве государства) в зависимости от соотношения величины материальных активов и полезности от брака и детей

Точка $C \{\frac{1}{i}(2U_m^r + 2U_{ch}^r)\}$, точка $E \{\frac{2U_m^r + U_{ch}^r}{i(1 + \delta + \delta k)}\}$.

Точка $C \{(2U_m^r + 2U_{ch}^r)\}$, точка $E \{\}$.

Вступление в брак при специальном семейном законодательстве (прямом вмешательстве государства). Инициатором развода в данном случае может выступать только бедный игрок. Причем в условии сохранения брака (11.9) входит величина полезности бедного от брака, которая неизвестна богатому. Богатый выберет в первом периоде вступление в брак, если

$V_{rich}^s \leq V_{rich}^m$, т.е.

$$iA_m (1 + \delta^r) \leq \left\{ \frac{iA_m}{2} + U_m^r + U_{ch}^r \right\} + \\ + \delta^r \left\{ (1 - P^d) \left(\frac{iA_m}{2} + U_m^r + U_{ch}^r \right) + P^d \left(\frac{iA_m}{2} - k \frac{iA_m}{2} \right) \right\},$$

ИЛИ

$$(U_m^r + U_{ch}^r) (1 + \delta^r (1 - P^d)) \geq \frac{iA_m}{2} (1 + \delta^r + \delta^r P^d k), \quad (11.11)$$

где $P^d = P \left\{ U_m^p < \frac{iA_m}{2} (1 + i(1 - k)) - A_c (1 - i) \right\}$, т.е. вероятность развода —

$V_{rich}^s \leq V_{rich}^m$, т.е.

$$iA_m (1 + \delta^{\square r}) \leq \{ U_m^r + U_{ch}^r \} + \\ + \delta^{\square r} \{ (1 - P^d) (U_m^r + U_{ch}^r) + P^d (-k) \},$$

ИЛИ

$$(U_m^r + U_{ch}^r) (1 + \delta^{\square r} (1 - P^d)) \geq (1 + \delta^{\square r} + \delta^{\square r} P^d k), \quad (11.11)$$

где $P^d = P \{ U_m^p < (1 + i(1 - k)) - A_c (1 - i) \}$, т.е. вероятность развода —

это вероятность того, что условие (11.9) не выполнено. Заметим, что вероятность развода растет с ростом величины материальных активов богатого A_m и с уменьшением полезности бедного от брака. При $P^d = 0$ (богатый твердо уверен в невозможности развода) (11.11) сводится к:

$$(U_m^r + U_{ch}^r) \geq \frac{iA_m}{2}.$$

$$(U_m^r + U_{ch}^r) \geq \cdot \quad (11.12)$$

А при $P^d = 1$ (богатый знает наверняка, что во второй период последует развод):

$$U_m^r + U_{ch}^r \geq \frac{iA_m}{2} (1 + \delta^r + \delta^r k).$$

$$U_m^r + U_{ch}^r \geq (1 + \delta^{\square r} + \delta^{\square r} k). \quad (11.13)$$

Если (11.12) не выполнено (богатый ценит брак и детей меньше, чем доходы от половины своих активов), то не выполнено и (11.13). Поскольку левая часть (11.11) убывает по P^d , а правая — возрастает, то если не выполнено (11.12), то (11.11) не выполнено при всех $P^d \in [0, 1]$. В этом случае богатый не вступит в брак независимо от того, как он оценивает вероятность развода.

Если (11.12) выполнено, то имеются две возможности. В первом случае (11.13) также выполнено, и тогда (11.11) выполнено при всех $P^d \in [0, 1]$, т.е. богатый вступит в брак независимо от того, как он оценивает вероятность развода. Выполнение (11.13) означает, что богатый настолько сильно ценит брак и детей, что готов вступить в брак несмотря на то, что этот брак и общение с детьми будут продолжаться только в первом периоде, а во втором ему придется еще и «расплачиваться» половиной своих активов и алиментами.

Во втором случае (11.13) не выполнено, и тогда существует такое критическое значение вероятности развода P_0^d , при котором (11.11) выполнено как равенство. То есть при $P^d \leq P_0^d$ богатый вступает в брак, а при $P^d > P_0^d$ — не вступает, поскольку во втором периоде он может потерять полезность от брака и детей и должен будет в этом случае отдать половину своих активов и выплачивать алименты.

Критическое значение вероятности развода:

$$P_0^d = \frac{(U_m^r + U_{ch}^r - \frac{iA_m}{2})(1 + \delta^r)}{(U_m^r + U_{ch}^r + \frac{kiA_m}{2})\delta^r}.$$

$$P_0^d = \tag{11.14}$$

Графически случаи выполнения и невыполнения условий (11.12) и (11.13) представлены на рис. 11.3.

Сравнение контрактного регулирования и специального семейного законодательства. Совместив рис. 11.3 с рис. 11.2 (а и b), можно анализировать изменения условий заключения браков при переходе от контрактного регулирования семейных отношений к специальному семейному законодательству.

В случае $sU_{ch}^r \geq iA_c$ в диапазоне значений A_m левее точки D при контрактном регулировании богатый вступает в брак, а при специальном семейном законодательстве этот диапазон разбивается на три:

левее точки E — вступление в брак;

от точки E до точки C — вступление в брак, если богатый оценивает вероятность развода как небольшую (не больше критического значения P_0^d), и невступление в противном случае;

от точки C до точки D — невступление в брак.

В случае $sU_{ch}^r < iA_c$ при контрактном регулировании богатый вступает в брак при значениях A_m в диапазоне левее точки C , а при специальном семейном законодательстве этот диапазон разбивается на два:

левее точки E — вступление в брак;

от точки E до точки C — вступление в брак, если богатый оценивает вероятность развода как небольшую (не больше критического значения P_0^d) и невступление в противном случае.

Таким образом, при переходе от контрактного регулирования к специальному семейному законодательству диапазон значений A_m в зависимости от U_{ch}^r , U_m^r , при которых заключается брак, сужается. Предположив ненулевую плотность вероятности совместного распределения $p(A_m, U_{ch}^r, U_m^r, \delta^r)$ на интервале A_m от $2A_c$ до точки D (в случае $sU_{ch}^r \geq iA_c$) или B (в случае $sU_{ch}^r < iA_c$), можно сделать вывод о том, что при переходе от контрактного регулирования к специальному семейному законодательству количество браков должно уменьшиться.

Выводы. При контрактном регулировании семейных отношений инициатором развода может быть только богатый. Чем большими материальными активами он владеет, тем выше должна быть его заинтересованность в браке и детях для сохранения брака. При специальном семейном законодательстве инициатором развода может быть только бедный супруг, поскольку богатый только теряет при разводе.

Бедному, у которого до брака ничего нет, выгодно вступить в брак при любом типе регулирования семейных отношений.

Столь «сильные» результаты обусловлены принятыми в данной модели упрощениями, в частности фиксированной долей (половиной) дохода от активов богатого супруга, получаемого в браке бедным. Мы также не учитывали эмпирически подтверждаемого факта (рынок страховых и медицинских услуг, «рынок» заложников) оценки человеческой жизни с учетом имущества семьи. Зачастую жизнь близкого человека оценивается как сумма, сопоставимая со всеми активами семьи, а не как фиксированная сумма (полезности от детей — в данной модели). Эти и ряд других проблем хотелось бы решить при развитии модели в ходе дальнейших исследований.

При контрактном регулировании семейных отношений богатый не будет вступать в брак, если не ценит брак³²⁴ и детей настолько, чтобы делиться с бедным супругом половиной дохода. Если же ценность брака и детей для него достаточно велика по сравнению с потерей половины дохода, то богатый вступает в брак и не разводится. Возможен и промежуточный случай: богатый вступит в брак в первый период и разведется во второй. То есть он ценит брак и детей, однако во второй период ему выгодно отдать часть активов по контракту и развестись, перестав получать полезность от брака и частично снизив полезность от детей, но при этом полностью получать доход от оставшейся части активов.

При специальном семейном законодательстве перед вступлением в брак богатому нужно оценить вероятность развода, который может быть инициирован бедным во втором периоде.

Вероятность развода тем меньше, чем больше бедный ценит брак по сравнению с той частью активов богатого, которую бедный получит в случае развода. Соответственно когда богатый не знает наверняка, насколько сильно бедный заинтересован в браке, он должен тем выше оценивать вероятность развода, чем большими активами он владеет.

Есть два крайних случая, когда вероятность развода не влияет на решение богатого о вступлении в брак. В первом богатый ценит доход от половины своих активов больше, чем брак и детей, и он не вступит в брак, даже если будет твердо уверен в невозможности развода. В противоположном случае богатый настолько сильно ценит брак и детей, что готов вступить в брак, несмотря на то что этот брак и общение с детьми будут продолжаться только в первом периоде, а во втором ему придется еще и «расплачиваться» половиной своих активов и алиментами.

В промежуточном случае вступление в брак зависит от того, как богатый оценивает вероятность развода. Если вероятность развода невелика, богатый вступает в брак; если она больше некоторого критического значения, богатый не вступает в брак. Критическое значение вероятности развода тем больше, чем больше активы богатого.

При дополнительных предположениях, что все рассмотренные соотношения параметров реализуются на практике, получен следующий вывод: при контрактном регулировании вероятность заключения брака выше, чем при прямом государственном вмешательстве. Это происходит потому, что богатый супруг опасается развода в будущем и в то же время стимулы у бедного супруга возрастают с ростом богатства его партнера.

Переход от контрактного регулирования семейных отношений к специальному семейному законодательству действительно сопровождался, как отмечалось ранее, уменьшением количества заключаемых браков. Это не позволяет отвергнуть полученные результаты моделирования исходя из имеющихся статистических данных.

---

³²⁴ Насколько игрок ценит брак, безусловно, зависит и от того, с кем предстоит заключить этот брак. И это можно учитывать при дальнейшей интерпретации. Следует подчеркнуть, что мотив отказа от вступления в брак по той причине, что дальше может встретиться лучший партнер, в браке с которым полезность от брака будет выше («задача выбора невесты»), в этой модели не рассматривается.

В ходе дальнейших исследований с учетом полученных результатов и выявленных недостатков простейшей модели, как уже указывалось выше, предполагается построить модель, основанную на следующих допущениях, представляющихся более реалистичными, нежели в изложенном ниже варианте.

Бедный супруг получает в браке не половину доходов от активов богатого, а некоторую уменьшающуюся часть.

Полезность от детей и брака пропорционально зависит от величины активов. Это помогает избежать ситуации, когда очень большой доход может заменить семью и детей.

Используется многопериодная модель, которая позволяет рассматривать детей и как инвестиции на старость.

Вводятся различные уровни «усилий», затрачиваемых на семью и воспитание детей.

Отдельно рассмотреть вариант с резким снижением полезности от детей и брака при режиме государственного регулирования в условиях «согласия» на передачу ответственности за детей государству (см. *Сумленный, 2008*).

Вехи экспансии государственного регулирования: межстрановые сравнения

В развитии вмешательства "социального государства" в дела семьи можно выделить следующие вехи и этапы:

- Введение обязательного страхования по старости
- Средняя продолжительность жизни обгоняет пенсионный возраст на N лет (точнее – принимающее решение о деторождении поколение видит работающую не менее 20 лет систему и значительное число случаев неработающих пенсионеров)
- Борьба с "дискриминацией" женщин на рынке труда; органы полномочные давать указания или поддерживать в суде "антидискриминационные" требования.
- Упразднение fault divorce и приоритет женщин в споре за детей при разводе
- Современные институты "детозащитных" и "женскозащитных" служб

В ходе статистического анализа нами проверялись следующие гипотезы:

Базовая гипотеза: государственное вмешательство в традиционные функции семьи является важным фактором кризиса семьи: снижением числа новых браков, ростом числа разводов и снижения рождаемости в среде среднего класса – носителей высокой гражданской квалификации, налогоплательщиков и т.д.

Частные гипотезы:

- Принудительное пенсионное страхование в сочетании с ростом продолжительности жизни так что страхование по старости превратилось в обязательства бюджета перед значимой и растущей долей населения с заметным (не менее 15-20 лет) лагом приводит к снижению рождаемости (отказ от инвестиций в детей как в кормильцев на старость).
- Всеобщее избирательное право и появление "левых" партий создает и воспроизводит условия при которых значимая часть функций семьи переходит к государству (). Это снижает устойчивость брака, снижает спрос на брак и через снижение числа стабильных семейных пар (рост разводимости при снижении числа новых браков) приводит к снижению рождаемости.
- Регулирование рынка труда (Equal pay; Equal employment opportunity, positive discrimination etc) с целью завышения доли женщин на нем приводит к нарушению естественного разделения труда и ослабляет стимулы к сохранению брака. Снижение числа лиц состоящих в браке обуславливает снижение рождаемости. Ослабление доверия в браке дополнительно стимулирует женщин к поиску работы. Объясняемая переменная на первом этапе анализа – доля женщин занятых на рынке труда;

независимая – институты регулирования рынка. Второй шаг – независимая переменная – доля занятых женщин; объясняемая – разводимость.

- Разводимость проверяется как предиктор для рождаемости. Может быть, однако, и обратное влияние (если супруги не заводят по тем или иным причинам детей, это может ослабить взаимную заинтересованность и вызвать распад брака).
- Нарастание регулятивной экспансии государства в семейные дела: концепция действий "в интересах ребенка" ("best interest of the child") подстрекает и провоцирует жен на конфликты с мужьями; бедного супруга с богатым; детей против родителей. Эти конфликты дестимулируют рождаемость как напрямую, так и опосредованно – через разводимость.

Описание данных, самого статанализа и его результаты представлены в докладе о кризисе института семьи Yanovskiy, Shestakov, 2015³²⁵.

Группы интересов, потенциально заинтересованные в дерегулировании семейных отношений

Снижение роли и масштаба государственного регулирования должно сопровождаться также отказом от вмешательства в семейные отношения. Стимул большинства налогоплательщиков не расплачиваться за чужие ссоры, неосмотрительность или правонарушения представляется некой основой для формирования коалиции против той возможной новой волны государственного регулирования, которой опасаются американские консерваторы (см. выше *iMAPP и др., 2005*).

Жесткий отказ государства от регулирования семейных отношений (кроме признания религиозной или муниципальной регистрации оно и вмешательства в случаях насилия или споров по выполнению письменного договора — к примеру, в ситуации развода по вине супруга) должен быть сопровожден мощным и понятным сигналом. Иначе адаптация и реакция в виде повышения рождаемости могут, как и в случае с крахом пенсионной системы, наступить не ранее чем через поколение. Как и при выходе из гиперинфляции, правительство (в данном случае — все три ветви власти) должно действовать энергично и публично, с тем чтобы как можно быстрее восстановить доверие.

Таким сигналом могло бы быть специальное законодательство, запрещающее те или иные виды государственного (общественного) вмешательства в частную жизнь с ужесточением наказаний. В отдельных наиболее одиозных случаях это могут быть процессы по отстранению (импичменту) особо отличившихся идеологическими пристрастиями и недобросовестностью судей с обсуждением в прессе и парламенте.

Попыткой (пусть и политически мотивированной) такого сигнала является обсуждение начиная с 2004 г. поправки к Конституции США о признании браком исключительно союза между мужчиной и женщиной и т.п.

В России, где в 2000-х гг. политическая конкуренция оказалась свернутой, спрос на самостоятельное «родительство», а также на защиту семейных ценностей от давления государства по некоторым признакам вырос (*Майофис, Куэлин, 2010*). Общественные кампании против «ювенальной юстиции» стали вполне заметным явлением, хотя зачастую не выходят из «блогсферы» (см. ниже).

Со стороны ответственных политических партий таким сигналом могла бы быть регулярно возобновляемая кампания в защиту семейных ценностей, против «парадов гордости», разъяснения чуждого, импортного (заимствованного из социалистических стран), тоталитарного характера современных институтов активного вмешательства государства в семейные дела. Другим сигналом могла бы стать кампания за ограничение или запрет службы женщин в армии как противоречащей морали и неэффективной (*Тэтчер, 2003*) в сочетании с защитой права женщины на ношение оружия и т.п.

---

³²⁵ <http://ssrn.com/abstract=2236328>

Ядром активистов таких кампаний могли бы выступить следующие потенциальные группы интересов:

- адвокаты, защищающие права отцов при разводах; таковых целесообразно привлекать к разработке нового законодательства, в том числе для повышения их доходов в случае его принятия и соответственно создания небольшой, но очень серьезно мотивированной группы интересов;
- организации «отцов-отказников», как правило, весьма немногочисленные, но сильно мотивированные;
- активисты «третьего сектора» (некоммерческих организаций), заинтересованные в расширении возможностей предоставления действительно эффективных и востребованных потребителем (обществом, семьей) услуг по оказанию помощи детям и родителям, а также в привлечении действительно ответственных и квалифицированных социальных работников в свои ряды;
- интеллектуалы, предприниматели, заинтересованные в либерализации рынков образования, научных исследований, медиарынка и т.п.;
- конфессиональные лидеры (религий **монотеизма** — см. подробнее в главах об идеологии и морали) и актив соответствующих религиозных организаций.

Основные выводы

Механизм воздействия кризиса семьи на экономический рост накладывается на схемы, описанные в главе об импорте управляемого электората (современный механизм иммиграции, поддерживаемый «левыми» политиками). Он ведет к размыванию важного компонента человеческого капитала, обеспечивающего способность рыночных агентов к кооперации в рамках договоров, политической и экономической конкуренции, политическим компромиссам.

Другой механизм — более простой и непосредственный — связан с недопоставкой квалифицированных и социализированных наилучшим образом работников, т.е. имеет отношение к недопроизводству человеческого капитала как в общепотребимом, так и в оговоренном выше смысле.

В результате доля иммигрантов как в общем, так и в трудоспособном населении очевидно статистически не связана с темпами роста на выборке демократических стран³²⁶.

Предварительные выводы из анализа статистических данных (*Яновский, Русаков, Черный и др., 2008*) позволяют отказаться от гипотезы вытеснения семьи альтернативными институтами поддержания доверия в правовом государстве. Действительно, драматические изменения показателей рождаемости, числа разводов и браков происходили в старых правовых государствах (США, Франции, Нидерландах), в относительно молодых (Германии и Израиле), равно как и в тоталитарных (ГДР, СССР). Дополнительное дестимулирующее влияние тоталитаризма на рождаемость исходя из индивидуальных стимулов реально, но для подтверждения его наличия необходим дополнительный анализ.

Гипотеза неблагоприятного воздействия на стабильность семьи последствий роста урбанистической цивилизации не может быть отвергнута. Это согласуется с анализом стимулов на микроуровне — в рамках одной семьи, в которой естественное разделение труда — домашняя работа и заработок на рынке — перестало служить стабилизирующим фактором.

Однако не может быть отвергнута и альтернативная гипотеза. Резкое падение показателей, характеризующих стабильность семьи, продолжалось и тогда, когда рост городов прекратился, а современные технологии (в том числе информационные) воздействуют на семью как в том же направлении, что и урбанизация, так и в противоположном. С одной стороны, появляется больше возможностей женской занятости, с другой — женщина, ориентированная на семейные ценности, сегодня куда реже стоит перед

---

³²⁶ Логично было бы ожидать значимой положительной связи, поскольку приток адаптирующегося трудоспособного населения снижает равновесную рыночную цену одного из факторов и, естественно, повышает потенциал экономики.

жестким выбором: либо интересная работа, либо дети и семья, нежели в 1950—1970-х гг., т.е. в два последних десятилетия «индустриального общества»³²⁷.

Многие институты действующего в индустриальных и постиндустриальных странах семейного права и правоприменительные практики напрямую поощряют развал семьи. К таковым относятся пособия родителям-одиночкам независимо от причины их одиночества. Процедуры раздела имущества, очевидно недружественные для богатого супруга, делают выгодным оппортунистическое поведение, повышают риски и издержки для добросовестных супругов. Заведомо несправедливые (основанные на «пагубно самонадеянном» допущении о способности судьи в считанные часы или даже минуты решить дело «в интересах ребенка») процедуры раздела детей делают последних идеальным орудием шантажа недобросовестного супруга против добросовестного.

В большинстве рассматриваемых стран конец 1960-х — середина 1970-х гг. стали как периодом экспансии государства в сфере семейного права, так и годами усиления негативных социально-демографических тенденций (спад рождаемости и рост доли распадающихся браков). Связь новых институтов, повсеместно распространившихся в индустриальных странах в этот период, с последними волнами спада рождаемости и роста нестабильности семейных связей представляется весьма вероятной.

Отнюдь не безобидной представляется и кампания за «права детей». Очевидно, что проблема защиты прав детей от безответственных, а иногда и очевидно преступных родителей существует. Особенно она усугубляется тенденцией замещения индивидуальной ответственности ответственностью общества («левацкая» концепция, породившая прецеденты, которые позволяют даже в США атаковать добросовестных предпринимателей с целью очевидного и грубого вымогательства). Однако также очевидны проблемы сбора доказательств в таких случаях. Невозможность эффективно доказывать обвинения «восполняется» активностью полиции и социальных служб, способных в ряде стран грубо нарушать права родителей и детей и создавать сильные отрицательные стимулы к деторождению.

С точки зрения экономиста, резонным выглядит предположение о том, что в истинных интересах ребенка при разводе является не гарантированное оставление его матери независимо от ее качеств³²⁸, но острая конкуренция родителей, результат которой минимально зависел бы от пола и максимально от их достижений, репутации и т.п.

При этом, конечно, необходимо избегать или, как минимум, ограничить развращающее ребенка соревнование родителей в случае, если решение принимается с ориентацией *главным образом на собственный выбор подростка*.

Однако такого типа решения являются иногда не худшим выбором в ситуации государственного регулирования на основе вмешательства законодателя в сферу семейных отношений, в частности ситуации, когда за государством остается лишь поддержка выполнения контрактных обязательств. Тогда выбор процедуры и критериев остается за родителями. Последние могут, к примеру, выбрать один из апробированных типовых (стандартных) договоров (брачных контрактов). Вмешательство же государства наиболее вероятно при явном и доказуемом обычными методами сыска нарушении обязательств по контракту. Тогда при установлении виновности одной из сторон (*fault divorce*) другая сторона автоматически получает преимущества при разводе, что исключает произвольность решения судьи.

Заведомое же отсутствие у одной стороны шансов участвовать в воспитании ребенка подрывает ее стимулы к вступлению в брак и деторождению, делает эту сторону потенциальным беглецом от алиментов изначально. При этом очевидно, что отказ от вступления в брак — самый надежный способ избежать нежелательной ответственности. Попытки же законодателей разных стран приравнять внебрачного ребенка по обязательствам родителей к рожденному в браке приводят лишь к еще более интенсивному бегству от

---

³²⁷ Развитие информационных технологий, рост доли услуг в ВВП при равном доступе к образованию создают все больше возможностей для гибкой занятости. Если женщина не нацелена на административную карьеру, требующую регулярных и продолжительных личных контактов с руководством и подчиненными, у нее есть множество возможностей предлагать рынку интеллектуальный продукт и услуги без регулярного посещения офиса.

³²⁸ А именно так эти «интересы» трактуются судьями, неспособными в принципе за отведенное процессом время ознакомиться с особенностями ситуации, не говоря уже о том, чтобы выявить эти самые интересы ребенка.

института брака даже в такой его бледной тени, как долгосрочное совместное проживание мужчины и женщины.

Как видно из обзоров законодательства и правоприменительных практик, отказ государства от прямого вмешательства в семейные отношения не создаст существенных правовых проблем ни в одной из стран, анализ которых проводился в рамках данного исследования, за исключением, может быть, России. Везде, кроме России, существует развитый и укоренившийся в правоприменительной практике договорный режим отношений. Он без особых проблем может быть распространен не только на управление имуществом или его раздел, но и на воспитание (разделение ответственности за детей, в том числе и в случае расторжения брака).

Резкое упрощение и формализация критериев принятия решений судом в случае спорной ситуации позволят снизить издержки принятия таких решений без ухудшения их качества. Наивно полагать, что даже блестяще образованный и умудренный опытом судья в состоянии, работая с большой нагрузкой, за час-два, а то и менее вникнуть в суть семейных проблем в каждом конкретном случае и принять решение лучшее, нежели то, которое примут супруги при составлении (изменении) договора. Простые, заранее известные критерии принятия решений в суде снизят риск эмоциональных, плохо продуманных решений и будут стимулировать обоих супругов ответственно относиться к своим действиям.

Уход государства из регулирования дележа имущества супругов при разводе приведет к фактически регрессивной ставке выплат (или единовременного платежа) богатого супруга бедному и тем самым стимулирует оппортунистическое поведение, направленное на развал семьи из корыстных побуждений. Следует понимать, что независимо от того, на чьей стороне формально вмешивается государство, страдает от вмешательства, вероятно, тот супруг, который менее склонен к оппортунистическому поведению. Так, добросовестная девушка с невысоким доходом имеет меньше шансов найти мужа, в особенности более состоятельного, либо, даже найдя такового, будет сталкиваться с унижительной ситуацией подозрений и недоверия, выводом активов из семьи для предотвращения угрозы дележа и т.п.

Крайне сомнительную как экономически, так и с позиции необходимости приоритетной защиты личных прав (неприкосновенности частной жизни) ситуацию с монополией государства на регистрацию браков, при которой совместное проживание фактически признается многими государствами как почти полноценный брак, а брак, заключенный по религиозной процедуре, — нет, целесообразно «перевернуть». Государство (в лице органов местного самоуправления) может выполнять функции регистратора актов гражданского состояния, но только в случаях обращения граждан, не претендуя на монополию. Основным регистратором должны стать религиозные и иные негосударственные сообщества. Только в случае нежелания супругов зарегистрировать брак в частных институтах они могут обращаться в муниципалитет.

Прекращение «активной государственной политики» в сфере семьи, а соответственно и государственной помощи снимет множество организационных проблем, позволит повысить эффективность социальных служб, приватизировав последние (с передачей дел и имущества частным некоммерческим организациям, лишенным, естественно, каких-либо государственных полномочий).

В целом за государством целесообразно оставить функции арбитра при семейном конфликте на последней стадии — хотя и минимизированные, с тем чтобы чиновник и судья не имели сколько-нибудь широкого пространства для решения по собственному усмотрению (дискреционных решений).

Также безусловно за государством при любом сценарии реформ останутся классические полицейские функции в случае совершения в семье надежно регистрируемых преступлений.

В остальном государству следует ограничить себя. Предлагаемое некоторыми усложнение процедуры изъятия ребенка или лишения родительских прав исключительно судом присяжных (Львовский, 2010) представляется явно недостаточным. При сохранении самого принципа приоритета государства перед родителями (а не только пресечения членовредительства, наказания за убийства и т.п.) такие ограничения долго не продержатся.

Государству, если оно занимается только поставкой чистых общественных благ (оборона, безопасность и правосудие), вообще необязательно знать, кто на ком женат. Если один человек калечит или убивает другого, то не должно, строго говоря, играть значимую роль, состоят эти двое в браке или нет.

В случае же подачи иска об изнасиловании супруг, которого жена пустила без взлома двери в свое помещение, будет сам заинтересован представить в суд доказательства наличия брачных уз, с тем чтобы опровергнуть обвинение.

Разумеется, ответственное государство не в состоянии, а значит, и не должно заниматься пограничными и сомнительными ситуациями типа «изнасилований в браке», не говоря уже об «изнасилованиях по-калифорнийски»³²⁹. К тому же вряд ли найдется много стран, полиция которых могла бы похвастаться искоренением проявлений этого одного из самых ужасных видов преступлений в его «классическом», т.е. бесспорно подлежащем жесткому пресечению и суровому наказанию, варианте.

Способность государства поставлять такое смешанное общественное благо³³⁰, как воспитание и образование, уже многократно испытана. Испытания в сочетании с другими факторами принесли вполне однозначно негативные результаты.

Дефицит мотивации среди чиновников, ответственных за защиту прав детей или за их воспитание и образование, исключает возможность значительных успехов. Отсутствие объективных и надежных критериев качества образования и компетентности в этой сфере (в отличие от техники, естественных наук, военного дела и т.п.) делает сомнительными любые претензии на профессионализм большинства таких чиновников (социальных работников, учителей, воспитателей).

Бесперспективность идеи «передачи ответственности» за воспитание детей от родителей «профессионалам» очевидна. Если большинство родителей недостаточно хороши, чтобы воспитывать своих детей, то передавать надо большинство детей. Чем последовательнее такая идея проводится, тем сложнее обеспечить хотя бы сколько-нибудь тщательный отбор кадров в государственные структуры, предлагая конкурентоспособный уровень компенсации, тем выше риски того, что функции «профессионалов» будут исполнять худшие из неудачников, а за социальную адаптацию «отвечать» асоциальные типы. Конечно, на словах этакими провозглашается необходимость передачи под прямой контроль государства только наиболее страдающих от плохого воспитания детей. Однако в наличии сильные стимулы относить к проблемным семьям вполне нормативные, а не действительно проблемные. При вмешательстве в дела первых у социального работника и полицейского минимален риск агрессии, ниже издержки.

Массовость профессии социального работника (служб опеки в России) уже сегодня исключает возможность комплектования таких служб амбициозными, ценящими репутацию, образованными молодыми профессионалами.

Наличие статистической связи между рождаемостью и смертностью, а также между рождаемостью и детской смертностью оставляет открытым вопрос о дальнейшей проверке гипотезы о дополнительной (кроме «пенсионной») «страховой» функции высокой рождаемости. Возможно, большое число детей страховало семью и общину от полного вымирания во времена высоких рисков смертности вообще и детской в частности. По мере снижения этих рисков отпала одна из причин, обуславливавших «высокий спрос» на детей и деторождение.

Не выявлено никакого положительного влияния на рост рождаемости программ ее поощрения — пособий на детей, отпусков по уходу и иных мер государственной поддержки.

Показатель соотношения разводов и браков (показатель прочности семьи) оказался не столь сильно связан с рождаемостью вопреки первоначальным предположениям. Однако в сочетании с показателем числа новых

---

³²⁹ Так по месту прецедентного решения называют продолжение мужчиной полового акта в ситуации, когда женщина расхотела и решила срочно прекратить близость. Оригинал прецедентного решения доступен на: <http://caselaw.lp.findlaw.com/data2/californiastatecases/s103427.pdf>. Пример комментария левополиitizedированного решения суда с консервативных позиций: http://townhall.com/columnists/KathleenParker/2003/01/13/rape_california-style/page/full/.

³³⁰ С тем чтобы оградить общество от «экстерналий» неудачного воспитания родителей. Ограждать, естественно, призваны совершенно информированные, лишённые как недостатков, так и ресурсных ограничений государственные служащие. Эти же служащие, согласно описываемой модели, «уполномочены» будущим взрослым предъявить претензии несовершеннолетним родителям за неидеальное воспитание. Вопрос представительства интересов пострадавших от несовершенства государства остается за рамками моделей этого класса.

браков этот индикатор представляется вполне работоспособным для объяснения снижения рождаемости. Действительно, отсутствие надлежащих гарантий для обеих сторон в сожителстве по сравнению с классическим браком делает деторождение весьма рискованным предприятием. Рождение же второго ребенка (не говоря уже о последующих) вне классического брака является очевидной авантюрой.

По итогам этого этапа исследования можно считать достаточно обоснованными гипотезы о наличии групп государственных служащих, профсоюзного актива и политиков, сильно мотивированных расширять сферу вмешательства государства в дела семьи под видом помощи.

Основу коалиции (групп специальных интересов), поддерживающей такие институты, составляют, вероятно, государственные служащие (руководство социальных служб), а также юристы, специализирующиеся на бракоразводных процессах. Поэтому при наличии политической воли к защите института семьи, проявляемой, в частности, некоторыми лидерами в США, вполне реально сломить сопротивление таких групп и провести действительно глубокую реформу семейного законодательства в интересах защиты семьи от государства.

Идеологические упражнения в сфере законодательства (такие, как «однополые браки») являются содержательно бессмысленными (для обеспечения прав и интересов их участников), но крайне вредным сигналом обществу, разрушающим фундамент современного правового государства посредством неконтролируемого роста дискреционных полномочий чиновников, судей, полицейских.

Невозможно строить обоснованные статистически предположения о росте рождаемости в случае осуществления дерегулирования. Равно как и нет надежных данных в пользу гипотезы о необратимости падения рождаемости. Дергулирование, безусловно, является мерой морально обоснованной, а также мерой, снижающей давление на бюджет в направлении наращивания его обязательств.

Дерегулирование семейных отношений в свете вышесказанного должно сопровождаться реформами в других отраслях права (в судебной системе, на медиарынке, в сфере образования).

Кроме того, дерегулирование должно проходить в рамках интенсивных политических кампаний, сопровождающихся важными символическими шагами, включая квазиправовые: декларации поддержки традиционной семье как союзу мужчины и женщины для рождения и воспитания детей; декларации уважения карьере матери как наиболее достойному выбору женщины по сравнению с политикой, бизнесом, наукой и т.п. Последние необходимы для внятного сигнала обществу о коренном изменении ситуации в сфере семьи и брака для ускорения процесса адаптации агентов к новым условиям (в том числе и вследствие невозможности возвращения к старому, с которым произошел решительный разрыв)³³¹.

Такого рода кампании также должны стать процессом, стимулирующим формирование групп интересов (прежде всего в «третьем секторе»), способных поддерживать движение в правильном направлении по ее (кампании) завершении.

Реформы семейного права (и иные, проводимые с ними в пакете) должны включать компонент, ориентированный специально на разрушение действующих коалиций и групп интересов, ориентированных на усиление контроля над семьей и подрыв традиционных моральных ценностей.

Спрос электората на проведение таких реформ является сложнопредсказуемым. Однако появление такого спроса представляется вполне вероятным в случае продолжения кризиса пенсионных систем в индустриальных странах и способности правовых государств поддерживать правовой порядок при наплыве не заинтересованных в адаптации мигрантов, необходимых для возмещения недопоставки рабочей силы на рынок труда. Эрозия пенсионной системы делает более привлекательной альтернативу инвестиций в человеческий капитал — детей как потенциальных кормильцев в старости.

В случае если средний обыватель будет рассматривать риски подвергнуться насилию как заметные, а защиту государства — как заведомо недостаточную, его спрос на такую защиту со стороны молодых членов семьи, как наиболее мотивированных защитников, также способен резко повысить спрос на детей.

---

³³¹ Бальцерович, 1999. С. 22.

Как мы уже отмечали выше, семья — это институт, обеспечивающий естественную социализацию нового поколения³³², в том числе передачу фундаментальных норм человеческого общежития и защиту этих норм наиболее «экономичным» и наименее насильственным способом.

Следует оговориться, что прекратить политику «в интересах ребенка» необходимо не столько по экономическим, демографическим или политическим соображениям, сколько по моральным. Подстрекательство государством супругов друг против друга, детей — против родителей, а соседей становятся доносчиками на соседей совершенно нетерпимо. Такая политика оставалась бы неприемлемой, даже если бы и не размывала самые основы институтов, поддерживающих доверие людей друг к другу в обществе и на рынках на микроуровне. Эту политику необходимо было бы прекратить, даже если бы пришлось заплатить за это немалую цену, а не получить вполне вероятную значительную экономию.

Правда, апелляция к этике, нравственности, морали — обычная практика левых политиков и бюрократов. Чтобы понять, насколько она легитимна, начнем следующую главу с попытки выбора критериев моральности. Также необходимо определиться с легитимностью самого вторжения экономистов на эту «территорию». Не должна ли экономическая наука остановиться на почтительном отдалении от дискуссий о столь высокой материи?

---

³³² Институт, вероятно, главный, но не единственный. Круг родственников, неформальные местные сообщества, религиозные и иные общественные структуры, образовательные и дошкольные учреждения — формальные и неформальные — все они в нормальной ситуации могут содействовать включению ребенка в общество без усилий государства.

Литература

Конституция Российской Федерации. М.: Юридическая литература, 1993.

Альтиулер Б. (руководитель РОО «Права ребенка», член Общественной палаты РФ) Помогать, а не разрушать: Сбережение семьи — стратегическая задача. 2010. Новогоднее заявление. <http://www.polit.ru/dossie/2010/01/05/children.html>.

Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927—1959. М.: Информатика, 1998.

Антонов А., Филлипс Ч. Феминизм и семья: историко-социологический анализ / под ред. А.И. Антонова. М.: Грааль, 2002.

Антонов А.И. Действительно ли небо упало на землю? (Комментарий к дискуссии американских социологов об упадке семьи в США) // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 1996. № 3.

Антонов А.И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов): учеб. пособие для вузов. М.: Nota Bene, 1998.

Бальцерович Л. Социализм, капитализм, трансформация: очерки на рубеже эпох. М.: Наука / УРАО, 1999.

Бин-Нун А. Законы государства Израиль. Иерусалим: MNJ Ltd, 1993.

Васильев Е.А. и др. Гражданское и торговое право капиталистических государств. М.: Международные отношения, 1993.

Вишневский А. Миграция и демографическая безопасность России // Миграция и безопасность в России / под ред. Г. Витковской и С. Панарина / Московский центр Карнеги. М.: Интердиалект+, 2000.

Вишневский А. Низкая рождаемость в России и Германии. <http://demoscope.ru/weekly/2003/0109/analit03.php>.

Вишневский А.Г. Демографическая модернизация России и ее противоречия // Мир России. 1999. № 4.

Вишневский А.Г. и др. Население России: 1999. М.: ЦДЭЧ, 2000.

Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Трейвиш А.И. Перспективы развития России: роль демографического фактора. Научные труды. № 53Р. М.: ИЭПП, 2003.

Гайдар Е. Богатые и бедные: История пенсий // Вестник Европы. 2003(а). № 10.

Гайдар Е. Современный экономический рост и стратегические перспективы социально-экономического развития России. М.: ИЭПП, 2003(б).

Гезерман О. Ковбойский капитализм М.: Ирисен, 2006.

Гидденс Э. Пол, патриархат и развитие капитализма // Социологические исследования. 1992. № 7.

Голод С.И. Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 1996. № 3, 4.

Гольц А. Российский милитаризм — препятствие модернизации страны. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005.

Гордон А. Архив программы «Депопуляция» 18.03.2002. Беседа И. Бестужева-Лады и А. Антонова. <http://www.ntv.ru/gordon/archive/1188/>.

Громан Ш. Подборка демографических обзоров по еврейским поселениям на освобожденных в 1967 г. территориях. <http://www.languages-study.com/demography/settlementsinvite.html>.

- Громан Ш.* Уровень рождаемости в еврейских и арабских семьях Израиля сближается. www.sedmoykanal.com, 14 сентября 2006 г.
- Демографическая модернизация России: 1900—2000 / отв. ред. А.Г. Вишневецкий М.: Новое издательство, 2006.
- Дзиковицкий А.* Польше грозит демографический кризис // «Свобода», «Тема дня». 23 июня 2004 г. www.svoboda.org.
- Журженко Т.* Старая идеология новой семьи: Демографический национализм России и Украины // Семейные узы: «Модели для сборки» / под ред. С. Ушакина. М.: НЛО, 2003.
- Залесский В.В.* Семейное право Российской Федерации и иностранных государств. Основное институты. М.: Юринформцентр, 2004.
- Захаров С.В.* Одно поколение может проживать много жизней // Ускользящий мир. М.: Московская школа политических исследований, 2004.
- Захаров С.В.* Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. № 3.
- Захарова О.Д., Рыбаковский Л.Л.* Геополитические аспекты депопуляции в России // Социологические исследования. 1997. № 6.
- Ионин Л.Г.* Апдейт консерватизма. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010.
- Катица С.П.* Математическая модель роста населения мира // Математическое моделирование. 1992. Т 4. № 6.
- Катица С.П.* Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. М.: Наука, 1999.
- Кортаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А.* Законы истории: Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М.: КомКнига, 2005.
- Кульянов С.М.* Президент фонда «Приют детства» (интервью, 10 февраля 2007 г.).
- Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л. и др.* Черная книга коммунизма: Преступления. Террор. Репрессии М.: Три века истории, 1999.
- Левинсон А.* Демография террора // Отечественные записки. 2005. № 3.
- Львовский С.* Под знаком ювенальной юстиции // Pro et Contra. 2010. № 1—2 (48).
- Майофес М., Куклин И.* Новое родительство и его политические аспекты // Pro et Contra. 2010. № 1—2 (48).
- Малеева Т.* Пора говорить о повышении социально ответственной рождаемости: Интервью ИА REGNUM. <http://www.regnum.ru/news/744404.html>.
- Мау В., Яновский К., Жаворонков С. и др.* Импортированные институты в странах с переходной экономикой: эффективность и издержки. Научные труды. № 68. М.: ИЭПП, 2003.
- Медков В.М.* Демография: учеб. пособие. Серия «Учебники и учебные пособия». Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. Гл. 9.
- Мёллер А., Некрасов А.Я.* Социальная политика Швеции. М.: Социальная защита, 1999.
- Менахем Э.* Еврейское право. Иерусалим: Амана, 1998.
- Новодворская В.И.* Не обещайте деве юной халавы вечной на земле // Америка Illustrated. 2001. № 3.
- Олсон М.* Логика коллективных действий. М.: Фонд экономической инициативы, 1995.

- ООН. Департамент по экономическим и социальным вопросам. Доклад о рождаемости в мире World Fertility Report 2003. <http://www.un.org/russian/esa/surveys.htm>.
- Осакве К. Сравнительное правоведение в схемах: общая и особенная части. М.: Дело, 2002.
- Пантвич Д. Конфликты ценностей в странах транзисии // Социологические исследования. 1997. № 6.
- Панюшкин В. Просто мы не хотим // Ведомости. 2007. № 41 (1815).
- Правовая система Нидерландов / под ред. В.В. Бойцова, Л.В. Бойцова. М.: Зерцало, 1998.
- Правовые системы стран мира / под ред. А.Я. Сухарева М.: Норма, 2003.
- Рон-Мория С. Сари и Вики // Вести (Израиль). 2003. 17 июля.
- Сен А. Развитие как свобода. М.: Новое издательство; фонд «Либеральная миссия», 2004.
- Синельников А.Б. Трансформация семейных отношений и ее значение для демографической политики в России // Демографические исследования. 2006. № 5.
- Спирина Т.П. Становление и развитие института лишения родительских прав в Российском законодательстве // Studium. 2008. № 2 (7). <http://www.sarki.ru/studium/pub12/spirina.pdf>.
- Сумленный С. У них есть формуляры // Эксперт. 2008. № 50 (639).
- Todd Э. После империи: Pax Americana — начало конца. М.: Международные отношения, 2004.
- Тэтчер М. Искусство управления государством: Стратегия для меняющегося мира. М.: Альпина паблшер, 2003.
- Фишер В. Европа: экономика, общество и государство: 1914—1980. М.: Владос, 1999.
- Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое издательство, 2007.
- Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: АСТ, 2004.
- Яновский К., Русакова Е., Черный Д. и др. Кризис института семьи в постиндустриальном обществе: анализ причин и возможные преодоления. Научные труды. № 112. М.: ИЭПП, 2008.
- «Либеральная миссия». Фонд «Презентация» и обсуждение книги «Демографическая модернизация России: 1900—2000» в фонде «Либеральная миссия». 04.07.2006. Стенограмма. <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Rel=162>
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.* The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation // *American Economic Review*. Vol. 91. December 2001.
- Acs, Gregory* "The Impact of Welfare on Young Mothers' Subsequent Childbearing Decisions" *The Journal of Human Resources*, Vol. 31, No. 4 (Autumn, 1996), pp. 898-915
- Agarwal B.* IFAD (International Fund for Agricultural Development) papers. N.Y. 2001.
- Ahuja Manju, Herring Susan, Ogan Chris, Robinson Jean C. "Toward Gender Equitable Outcomes in IT Higher Education" Proceedings of the 2004 SIGMIS Conference on Computer Personnel Research: Careers, Culture, and Ethics in a Networked Environment, 120-123.
- Andersson Gunnar "Childbearing Developments in Denmark, Norway, and Sweden from the 1970s to the 1990s: A Comparison" *Demographic Research*

- Armstrong L.* Kiss Daddy Goodnight: A Speak-Out on Incest. Hawthorn Books, Inc., 1978.
- Armstrong L.* Rocking the Cradle of Sexual Politics: What Happened When Women Said Incest. Addison-Wesley. 1994.
- Aumann R.* Risk Aversion in the Talmud // *Economic Theory*. Springer. 2003. Vol. 21(22).
- Azarnet L.V. "Immigration, fertility, and human capital: A model of economic decline of the West" *European Journal of Political Economy* 26 (2010) 431–440
- Baker J.K.* 1,000 Federal Benefits of Marriage? An Analysis of the 1997 GAO Report. iMAPP. 2004.
- Baker J.K., Duncan W.C.* Institute for Marriage and Public Policy. Marriage Law Foundation // *Marital Preferences in Adoption Law: a 50 State Review*. iMAPP, 2005.
- Barro R.J.* Determinants of Economic Growth. A Cross-Country Empirical Study. The MIT Press, 1997.
- Barro, Robert J. 1974. "Are government bonds net wealth?" *Journal of Political Economy* 82, no. 6: 1095-1117
- Becker Gary S. *A Treatise on the Family: Enlarged Edition Paperback* Harvard University Press; Enlarged edition (November 14, 1993)
- Becker G.S.* The Economic Approach to Human Behavior. Chicago: The University of Chicago Press, 1978.
- Becker Gary S.; Barro Robert J. Altruism and the Economic Theory of Fertility *Population and Development Review*, Vol. 12, Supplement: Below-Replacement Fertility in Industrial Societies: Causes, Consequences, Policies. (1986), pp. 69-76.
- Becker, Gary (1974) "A Theory of Social Interactions" *Journal of Political Economy*, vol. 82, no. 6, pp. 1063-1093
- Blume Kræn, Verner Mette "Welfare dependency among Danish immigrants" / *European Journal of Political Economy* 23 (2007) 453–471
- Boele-Woelki K., Cherednychenko O., Coenraad L.* Grounds for Divorce and Maintenance Between Former Spouses. Netherlands // Molengraaff Institute for private Law. University of Utrecht, September 2002. www2.law.uu.nl/priv/cefl/Reports/pdf/Netherlands02.pdf.
- Bongaarts J.* Completing the Fertility Transition in the Developing World: The Role of Educational Differences and Fertility Preferences. *Population Studies*. 2003. N 57(3).
- Brinig M.F.* (University of Iowa). Does Parental Autonomy Require equal custody at divorce? International Society of Family Law SaltLake City Conference, 2005. www.law2.byu.edu/isfl/saltlakeconference/Abstracts.pdf.
- Bruch C.S.* Childrens' needs when custodial parents wants to relocate: Wishful thinking or sound research 2005 International Society of Family Law SaltLake City Conference. www.law2.byu.edu/isfl/saltlakeconference/Abstracts.pdf.
- Caldwell John C. Demographic Theory: A Long View *Population and Development Review*, Vol. 30, No. 2 (Jun., 2004), pp. 297-316
- Caldwell John C. "The mechanisms of demographic change in historical perspective," *Population Studies*, 35 (March 1981): 5-27;
- Caldwell John C., Schindlmayr Thomas "Explanations of the Fertility Crisis in Modern Societies: A Search for Commonalities" *Population Studies*, Vol. 57, No. 3 (Nov., 2003), pp. 241-263

- Camus J.Y.* Islam in France. May 10, 2004. <http://www.ict.org.il/articles/articleDet.cfm?articleid=514>.
- Carlson A.C.* Family Questions: Reflections on the American Social Crisis. N.Y., 1988.
- Code L.* Encyclopedia of Feminist Theories. L.; N.Y., Routledge, 2000.
- Cotter David A., Defiore Joann, Hermsen Joan M., Kowalewski Brenda Marsteller, Vanneman Reeve "The Demand for Female Labor" *American Journal of Sociology*, Vol. 103, No. 6 (May 1998), pp. 1673-1712
- Desesquelles A., Richet-Mastain L.* 2003 Demographic Report: Number of Births Stable, Number of Deaths Increased. February 2004.
- Engels Frederick (1891) *The Origin of the Family, Private Property and the State*
- Feiglin M.* Where is Vicky Leading Us? <http://manhigut.org/english/articles.html> или http://www.zionet.co.il/manhigut/en/view_article_manhigut_en.php3?article_id=231, 2003.
- Friedman M.* Liberty in the Americas: Free Trade and Beyond. Conference keynote speech 19 May 1992, Mexico. http://0055d26.netsolhost.com/friedman/pdfs/other_commentary/Cato.05.19.1992.pdf.
- Gallagher M. & Baker J.K.* Demand for Same-Sex Marriage: Evidence from the United States, Canada, and Europe. iMAPP, 2006.
- Gallagher M. & Baker J.K.* Same-sex Unions and Divorce Risk: Data from Sweden. iMAPP, 2004.
- Gauthier Anne Helene, Hatzius Jan "Family Benefits and Fertility: An Econometric Analysis" *Population Studies*, Vol. 51, No. 3 (Nov., 1997), pp. 295-306
- Giddens A.* *Modernity and Self-Identity*. Cambridge, 1991.
- Gille Halvor "Family Welfare Measures in Denmark" *Population Studies*, Vol. 6, No. 2 (Nov., 1952), pp. 172-210
- Gould E.D., Moav O., Simhon A.* The Mystery of Monogamy // Jerusalem University working papers. August 20, 2003.
- Heritage Foundation. Обзор отношения к проблеме защиты традиционного института брака как союза между мужчиной и женщиной в США. <http://www.heritage.org/Research/Family/Marriage50States.cfm>.
- Herman E.* *Das Eva-Prinzip — Für eine neue Weiblichkeit*. Pendo, 2006.
- Hollingsworth W.G.* 1996. *Ending the Explosion: Population Policies and Ethics for a Humane Future*. Santa Ana, CA: Seven Locks Press.
- Humm M.* *The dictionary of feminist theory*. Prentice Hall. N.Y.; L, 1995.
- Institute for American Values, Institute for Marriage and Public Policy, Institute for the Study of Marriage, Law and Culture «The Future of Family Law and the Marriage Crisis in North America». Institute for American Values, 2005.
- Kalmijin Matthus, De Graaf P.M., Poortman A.-R.* Interactions Between Cultural and Economic Determinants of Divorce in The Netherlands // *Journal of Marriage und Family*. 2004. N 66.
- Kalwij Adriaan The Impact of Family Policy Expenditures on Fertility in Western Europe *Demography*, Vol. 47, No. 2 (may 2010), pp. 503-519
- Kelly, Joan B. (1994). The Determination of Child Custody. *The Future of Children*, Vol. 4, No. 1, pp. 121-142.
- Larson Cedric "Sweden's Modern Social Welfare Structure" *Journal of Educational Sociology*, Vol. 25, No. 7 (Mar., 1952), pp. 384-400

- Lee Ronald, Mason Andrew "Fertility, Human Capital, and Economic Growth over the Demographic Transition" *European Journal of Population* (2010) 26:159–182
- Lott, Jr. John R. Kenny Lawrence W. Did Women's Suffrage Change the Size and Scope of Government? *Journal of Political Economy*, Vol. 107, No. 6 (December 1999), pp. 1163-1198
- Maddison M.* Monitoring The World Economy 1820—1992. Paris: OECD 1995.
- Maddison M.* The World Economy. A Millennial Perspective. Paris: OECD, 2001.
- Magnet M. "The Dream and Nightmare: The Sixties Legacy of the Underclass" N.Y.: Quill/Mirror, 1993.
- McDonald P.* Fertility and the State: the Efficacy of Policy. Paper presented to the IUSSP General Conference, Tours, June 2005.
- Mises L. von.* Socialism: An Economic and Sociological Analysis. Yale University Press, 1951.
- Mitchell R.* International Historical Statistics: Europe 1750—1993. L.: Palgrave Macmillan, 2000.
- Mitchell R.* International Historical Statistics: The Americas 1750—1993. L.: Palgrave Macmillan, 1998.
- Morgan Philip S., Taylor Miles G. "Low Fertility at the Turn of the Twenty-First Century" *Annual Review of Sociology*, Vol. 32 (2006), pp. 375-380, C-1, 381-399
- Moynihan D.P. et al.* The Negro Family: The Case for National Action. USA Department of Labor, March, 1965. www.dol.gov/oasam.
- National Council for Research on Women (2001). *Balancing the Equation: Where Are Women & Girls In Science, Engineering & Technology?* New York: NCRW
- National Fatherhood Initiative, Institute for Marriage and Public Policy, Institute for American Values «Can Government Strengthen Marriage? Evidence from the Social Sciences». Institute for American Values, 2005.
- Neyer Gerda, Andersson Gunnar "Consequences of Family Policies on Childbearing Behavior: Effects or Artifacts?" *Population and Development Review*, Vol. 34, No. 4 (Dec., 2008), pp. 699-724
- Nisbet R.* History of the Idea of Progress. New Brunswick; New Jersey, 1998.
- Nisbet R.* Twilight of Authority. Liberty Fund. Indianapolis, 2000.
- Niskanen W.* Bureaucracy and Representative Government. Chicago: Aldine-Altherton, 1971.
- Niskanen W.A.* Welfare and the Culture of Poverty // *Cato Journal*. 1998. Vol. 16. N 1.
- O'Beirne K.* Women Who Makes the World Worse: and How Their Radical Feminist Assault Is Ruining Our School, Families, Military and Sport. Sentinel HC, 2006.
- Ohlsson-Wijk Sofi "Sweden's marriage revival: An analysis of the new-millennium switch from long-term decline to increasing popularity" *Population Studies* Vol. 65, No. 2 (July 2011) (pp. 183-200)
- Olson M.* Power and Prosperity. Basic Book. N.Y., 2000.
- Orset C.* A Theory of Child Protection against Kidnapping // CIRPEE. Working paper 08-16. August 2008.
- Popenoe D.* American Family Decline, 1960—1990: A Review and Appraisal// *Journal of Marriage and the Family*. 1993. Vol. 55. N 3.

Przeworski A., Alvarez M.E, Cheibub J.A. et al. Democracy and Development. Political Institutions and Well-Being in the World 1950—1990. Cambridge University Press, 2000.

Rachel H. CCF Intern. Family Policy in the US, Japan, Germany, Italy and France: Parental Leave, Child Benefits/Family Allowances, Child Care, Marriage/Cohabitation, and Divorce. A Briefing Paper Prepared for the Council on Contemporary Families, May 2003.
<http://www.contemporaryfamilies.org/Int%271%20Family%20Policy.htm>.

Regnerus, Mark How different are the adult children of parents who have same-sex

relationships? Findings from the New Family Structures Study // Social Science Research 41 (2012) pp. 752–770

Rubin P.H.R. The Assault on the First Amendment: Public Choice and Political Correctness // The Cato Journal. Spring/Summer 1994. Vol. 14. N 1.

Sewell S., Sewell B. That is Truth about Family Violence? US Family Domestic Violence Report: Family Resources and Research Florida, USA, 1999. <http://www.lectlaw.com>.

Shleifer A., Glaeser E., La Porta R. et al. Do Institutions Cause Growth // Journal of Economic Growth. 2004. N 9.

Sonalde Desai "When Are Children from Large Families Disadvantaged? Evidence from Cross-National Analyses" Population Studies, 49, (1995), 195-210

Special Collection 3, Article 7 Published 17 April 2004, pages 155-176

Stark Oded "The Asset Demand for Children During Agricultural Modernization" Population and Development Review, Vol. 7, No. 4 (Dec., 1981), pp. 671-675

The European Court of Human Rights (Fifth Section), sitting on 11 September 2006 Application. N 35504/03 by Fritz Konrad and Others against Germany. <http://www.echr.coe.int/ECHR/EN/Header/Case-Law/HUDOC/HUDOC+database/>.

Tiger Lionel "The Decline of Males: The First Look at an Unexpected New World for Men and Women" Golden Guides from St. Martin's Press; 1st edition (September 2, 2000)

Turke Paul W. "Evolution and the Demand for Children" Population and Development Review, Vol. 15, No. 1 (Mar., 1989), pp. 61-90

World Bank World Development Indicators 2003. Washington DC, 2003.

www.demographic-research.org/special/3/7/ DOI: 10.4054/DemRes.2004.S3.7

Yanovskiy, Moshe, Shestakov, Daniel E., Zhavoronkov, Sergei, "The Limits of Governmental Intervention: Some Ways How Government Belongs in the Bedroom and Nursery" (December 20, 2013; presented at Public Choice Society annual meeting, Charleston, SC, 2014). Available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=2370281> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2370281>

Yanovskiy, Moshe, Shestakov, Daniel E " The Gender Role of the Government: Some Explanations of the Family Crisis " <http://ssrn.com/abstract=2236328>

**Электронные справочники и энциклопедии,
органы власти и статистические базы в сети**

Бюро переписей США (US Census Bureau). <http://www.census.gov/>.

Бюро переписей США www.census.gov.

Всемирный банк. <http://www.worldbank.org/data/>.

Демографическая статистика (история городов Европы). <http://www.library.uu.nl/wesp/populstat/>.

Демоскоп Weekly — обзоры демографической статистики и соответствующих социологических данных. <http://demoscope.ru>.

Департамент здравоохранения и гуманитарных услуг США (US Department of Health and Human Services). <http://www.dhhs.gov>.

Департамент статистики ООН. <http://unstats.un.org/unsd/cdb/etc/logon.asp>.

Европейский статистический центр при Еврокомиссии (Евростат). <http://epp.eurostat.ec.europa.eu>.

История пенсионной системы Франции. [http://www.espace retraite.tm.fr/EspaceRetraite/Retraite.nsf/\(StructureFrame3\)/histoire](http://www.espace retraite.tm.fr/EspaceRetraite/Retraite.nsf/(StructureFrame3)/histoire).

Коллекция документов и ссылок Школы права Нью-Йоркского университета. <http://www.law.nyu.edu/library>.

Краткая история губернаторских выборов в США. http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_current_United_States_Governors.

Национальный институт статистики и экономики Франции. http://www.insee.fr/en/home/home_page.asp.

Национальный центр статистики по здравоохранению при санитарной службе (Center for Disease Control and Prevention). <http://www.cdc.gov/nchs/>.

Офис секретаря палаты представителей конгресса США. <http://clerk.house.gov>.

Офисы государственных секретарей штатов. <http://www.nass.org/sos/sosflags.html>.

Обзор законодательства о семье в США и в ряде правовых государств, сфокусированный прежде всего на проблеме защиты традиционного института брака как союза между мужчиной и женщиной. <http://www.marriagewatch.org/>.

Обзор исламского законодательства о семье и статусе женщины. Islamic Family Law and Justice for Muslim Women. ASIP (Asian Social Issues Program). www.asiasource.org/asip.cfm.

Очерк о пенсионной системе Франции на сайте посольства Франции в США. <http://www.ambafrance-us.org/atoz/retire.asp>.

Портал федеральных и штатных органов власти США. http://www.firstgov.gov/Topics/Reference_Shelf/Data.shtml.

Федеральная администрация поддержки семьи и детства (Administration for Children and Families, Office of Child Support Enforcement) Департамента здравоохранения и гуманитарных услуг США. <http://www.acf.dhhs.gov>.

Федеральная избирательная комиссия США. <http://www.fec.gov/index.shtml>.

Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. <http://www.gks.ru>.

Федеральное статистическое ведомство ФРГ (статистика населения по гражданству и по вероисповеданию соответственно). <http://www.destatis.de/basis/e/bevoe/bevoetab4.htm>;
<http://www.destatis.de/basis/e/bevoe/bevoetab5.htm>.

European Court of Human Rights Portal. <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> поиск по базе данных приговоров, решений, резолюций.

The ISFL Family Letter September 1998. <http://www.etax.byu.edu/ISFL/998news.htm>.

В этом томе мы попытались продемонстрировать и объяснить следующие явления.

Террористическая угроза и стимулы растущего числа бюрократов размывают гарантии личной безопасности.

Кризис института семьи. Государство, становясь фактически главой семьи, уничтожает таковую. Собственно сохранившиеся семьи можно определить как те, которые уже или пока ограждают себя от вмешательства такого непрошенного "родственника".

Приток иммигрантов не обладающих навыками гражданской жизни, но обладающих волей получить во что бы то ни стало пособия и помощь размывает основу коалиций в поддержку традиционных ценностей капитализма и свободы.

Антикапиталистические идеологии разных видов, внедряемые детям в школе а молодежи в университетах, подрывают корни правовой демократии и свободы.

В следующем томе мы рассмотрим два института. Первый – это набор наиболее фундаментальных норм, действующих в цивилизованном обществе. Второй - ключевой политической механизм принятия решений. Эти институты размывают политическую конкуренцию. Они подрывают саму способность демократических государств поставлять чистые общественные блага – оборону, безопасность и правосудие. Первый из них - мягкий и почти неосязаемый. Это мораль. Здесь в течение всей человеческой истории наблюдаются попытки государства и идеологов этатизма монополизировать формулировку моральных законов. В последнее время этатистское морализаторство особенно ярко оттеняется разнузданным моральным релятивизмом сторонников большого "заботливого" государства, склонных по собственному произволу объявлять одних граждан «правильными» и заслуживающими привилегий, а других – «неправильными» и потому лишенными прав. Второй – всеобщее избирательное право вместо голосования налогоплательщиков . Всеобщее избирательное право позволяет расширять поддержку заведомо неэффективных решений путем мобилизации государственных служащих, учителей и врачей, зависимых от бюджета и зачастую трудоспособных нищих (включая новых иммигрантов). При этом как сам механизм всеобщего избирательного права, так и принимаемые с его помощью решения защищаются ссылками на "моральные императивы", изменяемые произвольно под текущие потребности. Этатистская мораль и попытки подмены ею универсальных моральных ценностей неотделима от описанных выше мер по идеологической интоксикации населения через каналы системы принудительного образования и государственно финансируемых СМИ.